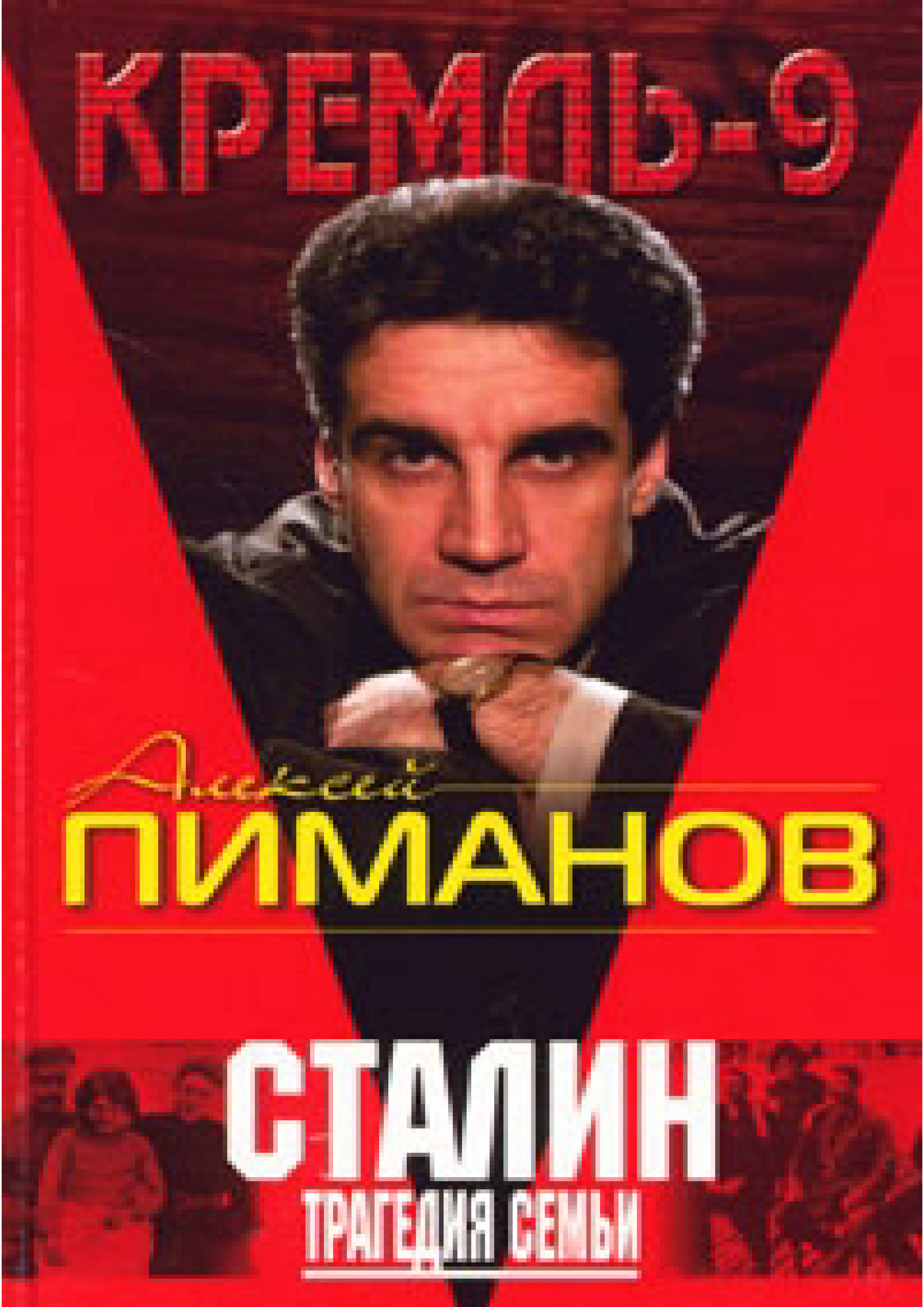

КРЕМЛЬ-9
Алексей
ПИМАНОВ
СТАЛИН
ТРАГЕДИЯ СЕМЬИ

Annotation

Это издание посвящено малоизвестным страницам жизни И.В.Сталина и приоткрывает тайны кремлевского двора, ранее надежно скрытые от посторонних глаз. При написании книги были использованы совершенно секретные материалы из Президентского архива и архива Главного управления охраны.

Алексей Пиманов

Сталин. Трагедия семьи

Пролог

Кремль. Центр России. Цитадель власти.

Больше пяти веков эти стены не только надежно скрывают государственные тайны, но и защищают их главных носителей.

Именно этими словами мы начинаем каждый фильм сериала «Кремль-9».

А все начиналось вот как…

Алексей Пиманов — автор, продюсер и ведущий всех фильмов сериала «Кремль-9»:

— Это было в 1997 году. Я помню, как сначала услышал, что по Останкину ходят двое бывших кадровых сотрудников ФСБ с VHS-ной кассетой. Что вроде бы они предлагают какие-то материалы. В то время наша телекомпания «Останкино», известная телезрителям по программам «Человек и Закон», «Здоровье», «Кумиры», «Лубянка», «Документальный детектив» и др., как и многие наши коллеги, сидела без денег. У канала были финансовые проблемы, и найти средства на финансирование новых проектов было объективно трудно. Поэтому когда я узнал, что этим людям предлагают найти спонсоров для производства программы, я не удивился. А когда посмотрел кассету, удивился другому: как коллеги пропустили такой материал?

На пленке были бесценные, на мой взгляд, хроникальные кадры покушения на жизнь Леонида Брежнева, изъятые в 1969 г. сотрудниками 9-го Главного управления КГБ СССР. Там же были кадры следственного эксперимента, с участием злоумышленника, который рассказывал обо всех деталях подготовки к теракту и показывал, как он вел себя на месте преступления, как доставал оружие, как стрелял. Обращали на себя внимание ракурсы хроникальных кадров — совершенно необычные планы Кремля, снятые откуда-то сверху, явно с точек, предназначенных не для журналистов. На этой же пленке были запечатлены фотографии, сделанные журналистами в день покушения. На них видны белые вспышки от выстрелов.

Короче говоря, на мой взгляд, материал был бесценным.

— И от вас еще требуют деньги? — удивился я.

Сотрудники развели руками. Вот тогда у нас и созрела идея создания целого сериала, посвященного работе Главного управления охраны. Одним из сотрудников был полковник госбезопасности, Валентин Жиляев, который и стал одним из соавторов сериала.

Надо сказать, что первую серию мы делали год. Сначала не знали, с какой стороны подойти к материалу. Мы искали метод. К тому же спецслужбы, помощь которых была нам необходима, поначалу приняли нас не с распростертыми объятиями. Сразу у всех возникал вопрос «зачем?». Ради какой цели спецслужбы должны были приоткрыть свои секреты, рассказать широкой аудитории о специфике и отчасти методах своей работы? Потом мы вместе поняли: свидетельства людей, охранявших первых лиц государства, бесценны для истории. И метод нашелся. В процессе работы над сериалом мы пришли к одному очень простому правилу: читать очень внимательно документы. Даже те, которые до нас читали

десятки, а может быть, и сотни таких же исследователей российской истории. Это первое, а второе — не поддаваться влиянию стереотипов.

Удача нас ждала сразу. В работе над фильмом, посвященном убийству Кирова, я наткнулся на одну деталь, зафиксированную в деле. Меня это поразило — допрос жены Николаева, человека, стрелявшего в Кирова, начался ровно через 8 (восемь!) минут после выстрела. Значит, она была где-то рядом. Это нас натолкнуло на выводы, которые мы сделали в фильме. Надеюсь, вы прочитаете об этом, в нашей второй книге. Вот так документы стали раскрывать нам свои тайны.

Но заговорили не только документы — заговорили люди, которые молчали, — сотрудники спецслужб. Мы даже не могли себе представить, например, что где-то тихо живет человек, который держал в руках сердце Сталина.

Однако фильм делают далеко не один и не два человека, пусть даже очень талантливых. Сценарий пишут авторы, затем в игру вступают режиссер и операторы, редакторы, режиссеры монтажа...

Максим Иванников — режиссер всех серий фильма «Кремль-9», утверждает, что ему сериал спас жизнь:

— В 1999 году я работал директором радиостанции «Милицейская волна». Позади были годы работы в телекомпании «ВИД», на НТВ, в программах Леонида Парфенова, учеба в Литинституте. Какая-то безмятежная пора. А в девяносто девятом году — вдруг черная полоса. Умирает моя мама, Татьяна Сергеевна Иванникова, с которой меня связывали не только родственные, но и профессиональные узы. Она родила меня, вылечила от полиомиелита, она ввела меня в профессию. Она была моим лучшим другом…

В общем, я запил. Пил бездарно. Пил сорок дней подряд. Как-то приезжал на работу, как-то работал, вечером опять пил. За мной приезжал один из моих друзей, он грузил меня в машину, вез куда-то. Однажды мы с ним приехали на вручение премии «Тэфи». Там я встретил Алексея. Мы не виделись с Лешей Пимановым с девяносто третьего года. Когда-то работали вместе, пересекались в Останкине. Разговорились. Все как обычно: как дела, чем занимаешься? И вдруг, так, глядя куда-то в сторону, очень характерно для него, он сказал: «Приезжай, есть о чем поговорить».

На следующий день мы встретились. Он рассказал о сериале и предложил включиться в работу. Возражений не было, надо было как-то включаться в жизнь. И еще одно, за что я благодарен Леше, и это стало для меня своеобразным знаком, — в первую командировку он послал меня в Крым, в Мисхор, где каждый год мы отдыхали с мамой. Это было как свидание с дорогим для меня человеком. Как-то все вдруг стало на свои места…

В этой книге собраны сюжеты восьми фильмов, посвященных Сталину и его детям. Во вторую будут включены рассказы о гибели Кирова, покушении на Брежнева, рассказ о трех опалах маршала Жукова и много-много других сюжетов.

Жизнь Иосифа Сталина и его семьи многократно описана самыми различными авторами. Написаны книги о Василии Сталине, Якове и Светлане — его детях. Опубликованы четыре книги мемуаров Светланы Аллилуевой — младшей и любимой дочери Сталина. Споры об этой семье продолжаются сегодня и наверняка не утихнут в будущем.

Фильмы, выпущенные на первом канале телекомпанией «Останкино» в сериале «Кремль-9», первоначально не претендовали на громкие открытия или скандалы, но в процессе работы они появились. Коллектив авторов ставил перед собой задачу максимально объективно рассказать широкой аудитории телезрителей о человеке, которого называют то отцом народов, то кровавым диктатором. Нас в большей степени интересовали последние годы жизни Сталина, самые последние дни и часы, особенно

обстоятельства его смерти, которые и сегодня выглядят весьма загадочными. Пристально вглядывались в сталинское окружение, в поведение его детей Василия и Светланы, мы старались разобраться, что же является мифом, а что правдой. У нас в руках были совершенно секретные материалы из Президентского архива и архива Главного управления охраны. Опираясь в своих изысканиях на рассказы людей, которым правительство доверяло охранять жизнь самого Сталина, и людей из ближайшего окружения, в процессе работы над сериалом мы составляли свое собственное мнение о событиях недавнего прошлого, порой делая и некоторые открытия.

Например, мы пролили некоторый свет на судьбу старшего сына Иосифа Сталина, Якова, — об этом вы прочитаете в нашей книге. Это Валентин Жиляев сказал вдруг Алексею Пиманову:

— Знаешь, Леша, а мне кажется, что Яков не был в плену… Мне кажется, что это все инсценировка…

Об этом подробно в главе «Голгофа», посвященной старшему сыну Сталина, Якову Джугашвили.

Мы нашли множество неточностей в воспоминаниях Светланы Аллилуевой, которые до нас никто не замечал.

Федеральная служба охраны, люди, курирующие нас, открывали свои секреты, проводили в те места, где не ступала нога штатского человека. На Ближней даче нас впервые завели на кухню. Самую обычную кухню. Только это было на даче, где последние годы жил Сталин. Кто-то обратил внимание на подобие русской печи.

— А это что? Зачем?

Нам ответили. Оказывается, Сталин иногда, когда плохо себя чувствовал, спал на этой печи. По привычке старого каторжанина. На этой же печке он сушил свои валенки. Как простой смертный.

ФСО находило для нас людей, которые на протяжение многих лет хранили молчание, не выступая с мемуарами и не давая интервью, хотя знали очень многое. Например, в работе над последними днями вождя нам помогал Николай Петрович Новик — последний начальник охраны Иосифа Сталина, кадровый разведчик. До поры до времени он просто не имел права говорить о своей работе. Николай Петрович потом признался, что долго думал, идти ему на встречу с нами или нет. Говорить, рассказывать что-то или продолжать молчать. Ведь первая заповедь людей его профессии — «молчишь, значит, живешь». Контакт состоялся. Опять думали, как работать, где снимать, и вдруг пришло решение снимать все на сталинской даче. Николай Петрович не был там сорок восемь лет! И вот произошло маленькое чудо — дача разговорила его.

Мы еще не были готовы к съемке. Это довольно длинный и самый, наверное, неинтересный момент — выставлять свет, искать ракурсы, — а Новик вдруг заговорил сразу. Заговорил, как только перешагнул порог Ближней дачи. Операторы начали снимать «репортажно», с плеча, чтобы не упустить этот достаточно волнующий момент.

Потом были еще встречи, и Новик вдруг рассказал нам, как он подолгу гулял по Вене с Вячеславом Молотовым. В Вене Николай Петрович был резидентом советской разведки, и Молотов вдруг разоткровенничался. Наверное, там, в Вене, ему этот было сделать проще. Рассказ о Молотове еще впереди. И для нас тоже.

Мы встречались с родственниками, знакомыми Светланы, Василия и Якова Сталина. Многие говорили много и охотно, как, например, Артем Сергеев — сын старого большевика товарища Артема, приемный сын семьи Сталиных. Некоторые шли на контакт нехотя, говорили как бы через силу — было видно, что воспоминания даются им с трудом. Те из вас, кто видел наши фильмы, смогли оценить эти живые свидетельства людей — непосредственных участников описываемых событий.

Конечно, многое остается за кадром. Например, работа съемочной группы, которой приходится проявлять чудеса выдержки, смекалки, а порой даже и некоторый героизм. Ну если не героизм, то смелость наверняка. Например, текст ведущего для одного из фильмов мы снимали на крыше знаменитого дома на улице Грановского. Крыша оказалась покатой. Ведущий сидел на коньке — на горизонтальной поверхности, а оператор с камерой буквально висел над улицей, рискуя упасть вниз. Правда, потом об этом каждый раз вспоминали со смехом, а во время съемок было не до него.

Или когда снимали сталинские машины глубокой ночью в Кремле. Пиманов, чтобы добиться от операторов нерва в изображении, все время говорил, что Сталин где-то здесь и обязательно появится. Закончилось это тем, что в полной тишине вдруг все услышали, как хлопнула дверца «ЗИСа» генералиссимуса. Хлопок слышали все ясно, хотя в машине никого не было. Боялись повернуться, чтобы не увидеть Хозяина.

Подобная история произошла на даче Сталина в ночь пятидесятилетия его смерти.

Алексей Пиманов:

— Я ходил по даче и говорил всем, что тень Сталина по ночам бродит по этим коридорам, что к утру что-то должно произойти. Кто-то смеялся, кто-то испуганно озирался, блуждая в длинных коридорах. Но к утру «что-то» произошло. Мне накануне подарили на день рождения новый мобильный телефон. В четыре утра я вдруг решил позвонить домой. Но телефона в пальто, где я его оставил, не оказалось. Он исчез. На даче Сталина! Все были на взводе и без этого телефона, а тут и вовсе у некоторых началась истерика. Телефон потом, правда, нашли при довольно загадочных обстоятельствах. Вот так я дошутился.

Материалы, предлагаемые вашему вниманию, условно можно назвать литературными сценариями, по которым затем и были сняты фильмы одного из самых рейтинговых телевизионных документальных сериалов — «Кремль-9».

Работая бок о бок с сотрудниками Главного управления охраны, мы старались докопаться до истины. Плоды наших изысканий в этой книге, уважаемые читатели!

Серия первая

Человек Иосиф Сталин

Премьерный показ. Канал ОРТ

Говорят, Сталин очень любил песню «Сулико». В конце прошлого века, до того времени, когда был еще Советский Союз, эту песню в исполнении детского хора часто можно было услышать и по радио, и по телевидению. Наверное, по инерции. Сегодня в постсоветской России песню «Сулико» можно услышать разве что в грузинском ресторане. Впрочем, насколько Сталин любил именно эту песню, достоверно неизвестно. Просто существуют определенные штампы в характеристике той или иной исторической фигуры или народа. Например, считается, что вьетнамцы — маленькие, желтокожие и любят рис.

Точно так же принято считать, что Сталин любил вино «Хванчкара», табак из папирос «Герцеговина Флор» и песню «Сулико». В процессе работы на фильмами, посвященными Сталину и его ближайшему окружению, мы поняли, что не все так однозначно, а вернее, что все совсем не однозначно.

В истории нашей страны, кстати сказать, многократно переписанной, существуют и другие догмы, касающиеся фигуры вождя. При его жизни придворные писатели, кинорежиссеры, журналисты, идеологи насаждали образ высокого, размером почти с памятник, доброго, мудрого, любящего детей, бесстрашного и неутомимого руководителя первого в мире государства рабочих и крестьян. После его смерти с легкой руки Никиты Хрущева этот образ заменили на образ маленького, злобного, коварного, рябого, кровожадного тирана, только и думающего, кого бы еще уничтожить за то, что хотят уничтожить его самого.

Мы постарались разобраться, каким же он был — человек Иосиф Сталин.

Вначале казалось, что задача, которую поставила перед собой наша творческая группа, — заново осмыслить события последнего года жизни коммунистического вождя —трудновыполнима. Во-первых, по той причине, что тема ухода Сталина слишком громоздка, чтобы рассмотреть ее со всех сторон за полтора часа — хронометраж двух серий фильма; а во-вторых, потому что за последнее время различные исследователи, казалось, препарировали каждый миллиметр его биографии.

И все-таки нам удалось выбрать собственную, неожиданную версию — с помощью свидетельств очевидцев. Но давайте обо всем по порядку.

Работа над фильмом обычно состоит из нескольких составляющих: интервью с участниками событий, обработка документов, поиск хроникальных материалов в кино— и телеархивах. Каждое направление хранило в себе неожиданности и загадки. Отсматривая хронику, мы удивились: такого Сталина нам видеть не приходилось. Хозяин одной шестой части света, Иосиф Сталин мог, оказывается, позировать перед камерой. Мог сам поправлять стулья перед заседанием, да и вообще, судя по кадрам хроники, был живым, не лишенным чувства юмора человеком.

Десятилетия нам показывали другого Сталина: вот он медленно шагает по своему знаменитому кремлевскому кабинету и тихим уверенным голосом что-то говорит застывшим маршалам и генералам.

Так и слышится его знаменитое:

— А вы, товарищ Жюков…

Мы решили еще раз покопаться в характере и привычках человека Иосифа Сталина по трем причинам.

*Первая:*перед нами стояла цель — восстановить всю цепь событий.

*Вторая:*мы хотели понять, что происходило вокруг Сталина незадолго до его ухода. Когда за его спиной уже кипела борьба не на жизнь, а на смерть за место будущего вождя.

Третья: потому что у нас была уникальная возможность представить широкому кругу телезрителей свидетельства людей, которые были непосредственными участниками событий далеких 1952—1953 годов.

Разрабатывая план работы над фильмом, мы разделили его на две части. Во второй речь будет идти непосредственно о борьбе за власть в последний год жизни Сталина, а в первой с помощью редкой хроники и уникальных свидетельств мы решили показать телезрителям и рассказать, как жил, кем был окружен, как себя чувствовал в последний год жизни пожилой семидесятитрехлетний человек — Иосиф Виссарионович Сталин.

И хотя все, кто хоть немного знал Верховного главнокомандующего, утверждают, что у Сталина не было жизни вне политики, интриг и управления страной, мы все-таки попытаемся это сделать.

Чтобы лучше узнать человека, обязательно нужно увидеть его дом. У Сталина дома вроде бы и не было. Сначала он жил в Кремле, потом на разных дачах, и только когда архитектор Мирон Мержанов построил дачу в Кунцеве, она стала его домом. Именно на Ближнюю дачу мы и отправились с самого начала. Здесь он обитал последние годы, отсюда в марте 1953 года на санитарной машине увезли тело того, кто был великим Сталиным.

С конца сороковых годов распорядок жизни именно этого дома все больше и больше определял порядок хода вещей в огромной стране. Здесь проходили ночные обеды с Берией, Маленковым, Хрущевым, Ворошиловым, а по всей стране, от Прибалтики до Дальнего Востока, у телефонов не спали секретари обкомов. Вдруг Хозяин позвонит?

Эта дача не может не стать одной из героинь нашего фильма еще и потому, что дряхлеющий вождь проводил здесь в конце жизни все больше и больше времени.

«Сейчас стоит недалеко от Кунцева мрачный пустой дом, где отец жил последние двадцать лет, после смерти мамы», — пишет Светлана Аллилуева, единственная дочь вождя, его любимица, в своих «Двадцати письмах к другу». И далее она добавляет: «Дом этот, во всяком случае, как-то похож на жизнь этих последних двадцати лет. У меня ничего не связано с ним, я его не любила никогда».

Нашей группе Ближняя дача таковой не показалась, хотя хранители дачи сказали нам вскоре поле нашего приезда, описывая ее особенности:

— А вы знаете, что в доме не растут цветы?

Мы не знали, но это факт: цветы там, где последние годы жил Сталин, почему-то не растут. Мы также на знали, что даче есть бункер, в который Сталин так ни разу и не спустился. Во время бомбежек он сидел на втором этаже, в солярии, и смотрел на Москву. А генералу Власику, умолявшему его спуститься вниз, говорил:

— Спокойно, наша бомба нас найдет…

Или что-то в этом роде.

То, что это место связано с новейшей историей России, ощущаешь сразу, кожей. Ощущаешь ровно в ту секунду, как только попадаешь на огороженную высоким глухим забором территорию.

Первоначально дом был одноэтажный, он стоял среди сада и цветов. Наверху во всю крышу был сделан солярий. Потом дом много раз перестраивали по планам его хозяина. В сорок восьмом году был пристроен второй этаж, позже, сорок девятом, там был огромный прием в честь китайской делегации. Это

был единственный раз, когда второй этаж использовался.

Именно сюда, на Ближнюю дачу, мы привезли человека, молчавшего до последнего времени, — Николая Петровича Новика. Николай Петрович исполнял обязанности начальника охраны Сталина с июля 1952 года по март 1953-го. На этом посту он сменил легендарного генерала Власика. То, как выглядел этот уже далеко не молодой человек, нас поразило. Костюм, галстук, шерстяной пуловер были тщательно подобраны по цвету, рубашка — будто только из магазина, ослепительно белая, с жестким воротником. Нам часто приходилось беседовать с ветеранами спецслужб, но этот человек выделялся из общего ряда. Наверное, сказывались годы, проведенные в Австрии, где Николай Петрович Новик был резидентом нашей разведки.

Это было морозным февральским днем. Николай Петрович вошел в прихожую сталинской дачи, где он не был сорок семь лет. Он начала вспоминать прямо с порога — так захлестнули эмоции. Мы снимали в режиме репортажа, без специального света, звук писали на микрофон, вмонтированный в камеру. Его эмоции остались на пленке.

— Территория изменилась. Я посмотрел — кое-что построили здесь… — непонятно кому, нам или сам себе, сказал Новик.

В годы, когда Николай Новик приступил к своим обязанностям по охране первого лица государства, неплохо было бы к Сталину приставить и личного врача.

Из журнала посетителей следовало, что с 1950 по 1953 год резко сократилось число лиц, бывавших на приеме у Хозяина в кремлевском кабинете. Если в предвоенном 1940 году зарегистрировано более двух тысяч посещений, то в 1950 году их было около семисот, в 1952 и 1953 годах — менее пятисот. В день не больше десяти человек. Длительными стали и перерывы в приемах. В 1950 году такой перерыв составил около пяти месяцев. С первого августа до двадцать второго декабря Сталин никого не принимал в Кремле.

Следующий перерыв длился около полугода — с 9 августа 1951-го по 12 февраля 1952 года. За этим резким снижением активности стояла лишь одна причина — здоровье. На эту тему Сталин уже не мог позволить себе шутить так, как в 1936 году, когда ответил корреспонденту агентства Ассошиэйтед Пресс в Москве, внезапно сообщившему о смерти Сталина:

Вот такой был шутник.

Мы держали в руках историю болезни Сталина Иосифа Виссарионовича, 1879 года рождения. Но она была написана в марте 1953 года, когда консилиум врачей ставил диагноз бывшему уже без сознания вождю. До этого времени Сталин к врачам почти не обращался. Это поразительно, но на территории дачи не было санчасти, там не дежурил врач. Почему — об этом разговор ниже, а сейчас можно только констатировать: все это пагубно сказалось именно в марте 1953-го, когда он нуждался в экстренной медицинской помощи. А так каждодневно ближайшее окружение отмечало большое количество простудных заболеваний — Сталина постоянно мучила ангина. Существовали и другие недуги, у него явно было повышенное давление — временами у него было неестественно красное лицо. Еще ходили слухи, что он часто страдал расстройством желудка, это отмечала и Светлана, его дочь. И все это на фоне общего старческого ослабления организма.

Итак, здесь в 1952 году жил пожилой и очень нездоровый человек. Это понимал он сам. Это понимало и его ближайшее окружение.

Старческая немощь и усталость неумолимо давали о себе знать, хотя Сталин тщательно скрывал это от окружающих.

— Был случай, когда он — мне охранники рассказывали — канавку не сумел перешагнуть, так надо

было немножко прыгнуть и ухватился за березку; если бы не ухватился, упал бы. Охранник не может быть так близко, чтобы даже в таких случаях подхватить. Мог бы упасть, и он сказал: «Вот проклятая старость!» Прокомментировал: «Проклятая старость!»

Этот эпизод рассказал Николай Петрович Новик.

Мы так подробно остановились на теме здоровья Сталина, потому что именно оно послужило толчком к началу интриг в его ближайшем окружении. Друг друга они уничтожали давно, а вот о том, кто будет первым после смерти Хозяина, серьезно задумались именно тогда, в начале пятидесятых. Тем более что у них была веская причина сильно испугаться.

«Вы все состарились! Я вас заменю!» — крикнул сотрапезникам Сталин поздно ночью за ужином в конце 1951 года.

Товарищи по партии слишком хорошо его знали, чтобы не задуматься о своем самом ближайшем будущем. Не та ли ночь послужила толчком к странной цепи событий, сопровождавших последний год жизни Сталина? От слежки за семьей Сталина до интриг на XIX съезде партии, от ареста преданнейшего Власика до странного поведения примчавшихся на дачу Берии, Хрущева и Маленкова, так и не оказавших помощи упавшему на пол Хозяину 1 марта 1953 года. Впрочем, обо всем этом мы еще подробно расскажем ниже, а пока имеет смысл изучить быт Ближней дачи — основного места событий последнего года жизни Сталина.

И все-таки — Д
ом

Когда попадаешь на дачу в первый раз, сразу же ощущаешь незримое присутствие Хозяина. Здесь почти все так, как было при его жизни.

Более того, обслуживающий персонал утверждает, что дух Хозяина живет на этой даче. Нам неоднократно приходилось снимать по ночам, и мы на собственной шкуре убедились в правдивости этих утверждений.

Сталин, как правило, жил в комнате, которую все называли «малой столовой». Он спал на кушетке, там ему стелили постель. А большой письменный стол обычно был завален бумагами. Часто он перекусывал за этим же столом. Накрывали на краю. Сдвигали бумаги, стелили скатерть, приносили какие-то бутерброды, чай. На столе стояли и стоят сегодня несколько телефонов, по которым Сталин мог связаться с внешним миром: один был обычным городским телефоном, а другой — аппаратом прямого вызова. На нем нет диска набора. Еще один телефон — коммутация правительственной связи. В буфете стояла посуда, хранились медикаменты, которые Сталин, по воспоминаниям дочери, выбирал сам. Медикаменты... Мы еще вернемся к ним, когда будем описывать события, происходящие в стране. Именно в 1952 году, когда началось «дело врачей», это обычное слово было приравнено, как сказал поэт, «к штыку». Или к любому другому орудию убийства. Но пока речь не об этом. Просто мы хотим сказать, что в этом шкафу находилась обыкновенная аптечка необыкновенного человека.

Что еще было в этой малой столовой? Камин, ковер — предметы роскоши, как их понимал Хозяин этого дома. Вот и получается, что рабочий кабинет, столовая, комната отдыха и спальня были одним и тем же помещением — все, как сказали бы сегодня, в одном флаконе, — и меняли свое название в зависимости от того, что делал Сталин: работал или обедал, отдыхал или принимал визитеров.

Здесь стоит сказать об удивительном сталинском противоречии. С одной стороны, многочисленные дачи в Подмосковье и на юге, где он не бывал годами, но при этом там находился полный штат обслуги, с

другой — поразительная личная непритязательность. С одной стороны, доставленная самолетом архангельская селедка и роскошный образ жизни сына Василия, с другой...

Седьмого ноября 1952 года исполнялось тридцать пять лет Октябрьской революции. Недели за две до праздников хозяйственники обнаружили, что бекеша Сталина (это такая шинель, подбитая мехом) пришла в негодность.

Николай Новик:

— Конечно, там подкладка уже вытерлась. Там мех какой-то недорогой, я даже не знаю, какого зверя; он действительно на боках и руках очень здорово вытерся. И мне говорят, что надо заказать по этому же размеру точно такую же, такого же цвета. Все такое, ну вроде бы так — подменить и немножко обмануть, что ли, Сталина. Вот. Они меня спрашивают: «Как надо это сделать?» Я говорю: «Нет, я на это не могу пойти».

Чтобы было понятно, «они» — это сотрудники охраны дачи Сталина.

Потом «они» долго обсуждали варианты: заказывать — не заказывать, сделать тайком или поставить в известность охраняемое лицо? Нашли Соломоново решение: все-таки решили заказать новую бекешу, и за разрешением отправились к Хозяину. В течение полутора минут Сталин внимательно осматривал, вещь, указал, где надо подремонтировать, и дал понять, что никаких обсуждений новой покупки не будет.

— Он на гардероб свой не обращал никакого внимания, — продолжал рассказ Николай Петрович. — И в данном случае он только сказал, что я же пару раз в году одеваю только эту бекешу, и зачем шить? Я там заикнулся, что, может, лучше сшить, но он это отверг.

Когда, после смерти Сталина на Ближней даче описывали имущество, одним из первых личный гардероб вождя увидел начальник отдела Управления охраны МГБ СССР, в то время полковник, Николай Захаров. Его интервью мы тоже записали, когда готовили к выпуску этот фильм.

Вот, что он рассказал нам. Мы оставляем речь наших героев точно такой же, как ее зафиксировала телекамера.

— Все-таки интересный штрих: когда я открыл гардероб, посмотрел и думаю: «Чеж я мож!» Я хотя и небольшой тогда еще был начальник, не успел, но, думаю, я богаче. Ха!

В платяном шкафу Сталина висели: два френча, шинель. Что еще помнил Захаров?

— Значит, ботинки стоят одни, видно, там, где он обувался. Так... и что так?.. да... валенки, двое валенок. Одни — новенькие, белые, новенькие; вторые —подшитые. Новенькие не одеты ни разу. Все!..

Только это и составляло личное имущество Сталина.

Именно в малой столовой вечером 1 марта Сталина найдут лежащим на полу. Из малой столовой можно выйти в прихожую. Из прихожей виден большой зал. В нем принимали гостей, здесь Хозяин обедал с членами Политбюро, попутно решая судьбы страны. А может быть, они решали судьбы страны, попутно обедая. Кому как нравится.

«В просторной, без украшений, но отделанной со вкусом столовой на передней половине длинного стола были расставлены разнообразные блюда в подогретых и покрытых крышками тяжелых серебряных мисках, а также напитки и другая посуда, — писал Милован Джилас — соратник Тито, второй человек в югославской иерархии. — Каждый обслуживал себя сам и садился, куда хотел, вокруг свободной половины стола. Сталин никогда не сидел во главе, но всегда садился на один и тот же стул: первый слева от главы стола».

Нам показали тот самый стул, на который всегда садился Хозяин. Но, зная обычаи власть

предержащих, позволим себе усомниться в том, что у членов Политбюро не было постоянных мест. Наверняка каждый знал, как близко к Генеральному секретарю ему можно садиться и кто может сидеть непосредственно рядом с ним.

Но вернемся к описанию ужина…

«Выбор еды и напитков был огромным — преобладали мясные блюда и разные сорта водки. Такой ужин обычно длился по шесть и более часов — от десяти вечера до четырех-пяти утра. Ели-пили не спеша, под непринужденный разговор, который от шуток и анекдотов переходил на самые серьезные политические и даже философские темы.

Сталин поглощал количество еды, огромное даже для более крупного человека. Чаще всего это были мясные блюда — здесь чувствовалось его горское происхождение», — сообщает далее Джилас.

С этим описанием Джиласа не соглашается начальник 6-го отдела 9-го управления охраны, полковник КГБ Геннадий Николаевич Коломенцев. Он долгое время возглавлял службу, обеспечивающую безопасность питания руководителей партии и правительства. Все питание Сталина, когда он находился на работе и дома, обеспечивал именно его шестой отдел. Уж он-то точно знает, что ел и что пил Иосиф Виссарионович.

— Вот некоторые говорят, что Сталин по национальности грузин, значит, любил грузинскую кухню. Это неправда. Он по существу ведь вырос среди русских людей, он привык к русской кухне. Любил простую русскую еду: блины да самую простую картошку в мундире, запеченную в духовке.

И еще маленькая деталь по поводу его грузинских корней. Вот что пишет Светлана Аллилуева в своей книге, описывая детские годы:

«Брат мой Василий как-то сказал мне в те дни: „А знаешь, наш отец раньше был грузином“. Мне было шесть лет, и я не знала, что это такое — „быть грузином“. Он пояснил: „Они ходили в черкесках и резали всех кинжалами“.

А сейчас мы снова вернемся на ужин, описанный Джиласом, который, справедливости ради заметим, происходил в середине сороковых годов. Но такие ужины или обеды, как их принято называть в Европе, продолжались до самой смерти вождя. Именно после такого обеда, в марте пятьдесят третьего Сталин не проснулся утром, как обычно. Но об этом позже, а сейчас читаем, что пишет Джилас:

«Пил он скорее умеренно, чаще всего смешивая в небольших бокалах красное вино и водку».

Здесь Джилас ошибается. В своих воспоминаниях генерал армии Штеменко описал случай, как на таком обеде он решил отведать водки, которую пил Сталин, наливая ее себе из графина. Как истинно русский человек, считающий, что у соседа все лучше (тем более у такого!), бывший начальник штаба Советской Армии решил непременно попробовать этой особой водки. Вот что он пишет в своих мемуарах:

«Когда Сталин встал, чтобы сменить тарелку, я быстро схватил заветный графин и налил полную рюмку. Чтобы соблюсти приличия, дождался очередного тоста и выпил… Вода!»

Восклицательный знак.

Да и тот же Коломенцев говорит, что:

— Сталин в этом отношении был очень трезвый человек. Он любил вот такие домашние легкие вина. Были двое крестьян в Абхазии, у которых мы всегда закупали вина. Отправляли самолет и привозили. Для кого — никто не знал.

Приводим этот факт, чтобы еще раз подчеркнуть, как все субъективно. Тот же Джилас пишет, что Сталин ел очень много, а вот Анри Барбюс писал, что Сталин отщипывал маленькие кусочки; кстати, это

подтверждает и Светлана. Цитируем дословно:

«…Он ел совсем мало, что-то ковырял и отщипывал по крошкам».

Однако дальше добавляет:

«…Но стол должен был быть уставлен едой. Таково было правило».

Длинный стол со стульями замерли в ожидании очередного ночного обеда, но после смерти Хозяина, в этом доме больше этот стол не накрывали.

Из большого зала можно попасть в кабинет, совмещенный со спальней. Одноместная кровать холостяка-аскета. Всюду коричнево-красные тона. Вот и все комнаты, в которых обитал Сталин. А еще из большого зала можно выйти на застекленную веранду, которая была пристроена в последние годы. Сталин любил ее, но больше всего времени проводил на маленькой западной терраске. Летом здесь дольше всего было видно солнце. Еще Хозяин любил, чтобы в лесу были беседки с крышами и без или просто, чтобы на деревянном настиле стоял стол, а рядом плетеная лежанка или шезлонг. Он всегда любил гулять по парку.

«Сад, цветы и лес вокруг — это было самое любимое развлечение отца, его отдых и интерес, — пишет дочь. — Сам он никогда не копал землю, не брал в руки лопаты, как это делают истинные любители садоводства. Но он любил, чтобы все было возделано, убрано, чтобы все цвело…»

Из прихожей виден лес, в котором, собственно, и расположена дача. Сталин любил гулять по лесу. Когда строились дома, он сам показывал, где устраивать просеки, какие кусты сажать, какие деревья вырубать. Прогуливаясь, мог остановиться возле охранника и задать какой-нибудь каверзный вопрос.

Из прихожей вправо идет длинной коридор. Эту часть Ближней дачи до нас не снимал еще никто. В этой части дома располагались обслуга и охрана. В одной из комнат пульт, по которому с помощью датчиков, вмонтированных в двери, охрана могла отслеживать перемещения Хозяина внутри дома. А вот кухня тогда, в пятьдесят втором, считалась стратегическим объектом. И не случайно — Сталин боялся отравления. А самым простым путем отправить человека на тот свет при помощи яда во все века было отравление пищи.

— Все продукты направлялись со спецбазы, которая в то время еще находилась в Варсонофьевском переулке, — вновь свидетельствует начальник 6-го отдела 9-го управления Геннадий Николаевич Коломенцев — отдела, который отвечал за безопасность питания высшего руководства страны. — Вся продукция, которая поступала для руководителей партии и правительства, проходила очень тщательную проверку. У нас большая система была. — Здесь мы еще раз напомним, что воспроизводим речь наших героев в точности, как ее зафиксировала пленка. — Ну, об этой системе я говорить не могу, поскольку она и до сих пор считается секретной. Но мы давали полную гарантию, что те продукты, которые направляем охраняемым, та пища, которая готовится на особой кухне, совершенно безопасна. То есть вопрос о том, чтобы отравить через это... Это была исключено полностью.

Геннадий Николаевич Коломенцев — высокий, худой, лысоватый человек. Во время службы все время находился рядом с дефицитными продуктами, напитками, сигаретами. Его ведомство, например, готовило специальные сигареты «Новость» для Л.И. Брежнева с пониженным содержанием никотина, а позже тридцатиградусный армянский коньяк для того же Генерального секретаря. О самом Коломенцеве злые языки говорили, что у него всегда в карманах было две пачки сигарет: «Мальборо» для себя и «Ява» для любителей стрельнуть закурить. Но вернемся на дачу — к боязни Верховного главнокомандующего быть отравленным.

— Когда Сталин находился на работе, в Кремле, питание он получал с особой кухни, — продолжает Коломенцев. — Все туда привозилось в опломбированных термосах, там был буфет, там была

подавальщица, которая принимала эти термоса, подогревала, когда необходимо было, Сталину подавала.

У Сталина же, по воспоминаниям Хрущева, были свои методы проверки качества и пригодности пищи. Осмотрев предложенный репертуар блюд, он намекал окружению, которое из них ему более всего приглянулось. И вот тогда Анастас Иванович Микоян или сам мемуарист первыми пробовали указанное блюдо, а затем подтверждали, что Хозяин, как всегда, не ошибся в своем выборе.

Итак, пища отпадала, оставались медикаменты, пуля и аэрозоли. История спецслужб знает, что таким способом неоднократно устранялись неугодные лица. Однако помещение в котором находился вождь, было слишком большим, а значит, потребовались бы большие емкости, которые многочисленные охранники не могли бы не заметить. А допустить мысль, что охрана выступила в такой ситуации единым фронтом с гипотетическими заговорщиками, практически невозможно.

Живший почти постоянно на даче, окруженный десятком охранников, Сталин в полной безопасности себя не ощущал. Тем более после того, как в результате сложнейшей закулисной борьбы он вынужден был убрать своего многолетнего начальника охраны генерала Власика. О том, что стояло за отстранением Власика, вы узнаете позже, а пока еще одно свидетельство того, насколько неспокойно ощущал себя в этот год хозяин страны вообще и хозяин кунцевской дачи в частности.

Было у Сталина небольшое хобби — вино собственного изготовления. На Ближней даче в подвале хранили трехлитровые бутыли с грузинским вином (заметим вскользь, совсем не с «Хванчкарой»), в которые хозяйственники, по указанию Сталина, добавляли те или иные ягоды. После чего бутылки запечатывали и на какое-то время оставляли. Правда, при этомзаписывали число. Через какое-то время бутылки распечатывали, вино процеживали и опять закрывали бутылки. И вот однажды последовал приказ Хозяина, который для сотрудников охраны стал весьма неожиданным. Мы вновь обращаемся к расшифровке интервью генерала Новика:

— Такой был случай. Мне хозяйственник доложил, что Сталин его вызвал и сказал, чтобы все бутылки, которые там заготовлены, уничтожить. Я сказал, что подождал бы с выполнением, потянул бы. А это как будет выглядеть? Я говорю, ну, потом можно будет как-то оправдаться. Вот. Уничтожить — это одна минута. Молотком ударь по бутылке — и все. Потом, дней через восемь, он вызывает хозяйственника и говорит: «Вы уничтожили все?» Он говорит: «Товарищ Сталин, еще не успели». — «Оставьте!»

«Оставьте!» — это сказал Сталин. Почему-то вдруг он передумал.

Итак — и это мы можем утверждать наверняка, — Сталин боялся. Он был далеко не глупым человеком и очень хорошо знал свое окружение. До поры до времени он держал дорогих соратников мертвой хваткой. Но по мере того, как слабел он сам, слабела и его хватка. Они не могли этого не почувствовать. Именно поэтому начали загодя готовиться к его уходу. Ставкой в этой игре была абсолютная, безграничная власть. Не мог не чувствовать этого и все четко понимал Сталин. Похоже, именно поэтому он взорвется осенью пятьдесят второго на знаменитом Пленуме ЦК.

— Вот, например, охранник нашел на дорожке, на одной из дорожек, пулю, — вновь рассказывает генерал Новик, — которая воткнулась примерно на полсантиметра в асфальт, в асфальтовую дорожку, которая летом вообще нагревается и становится более мягкой.

Это было крупным ЧП. Пулю сразу же отправили на баллистическую экспертизу, и уже через два часа стало известно, что выстрел произведен из винтовки со стороны Воробьевых гор. Там, на строительстве университета, работали заключенные. За ними наблюдала охрана, вооруженная винтовками. По выводам экспертизы, выстрел был случайным. И хотя начальник личной охраны Сталина рекомендовал осудить охранника условно, это не возымело никакого действия. Стрельнувший солдатик получил три года.

— Я не знаю, правда, не следил потом, сколько он сидел, — закончил рассказ эпизода генерал Новик.

Вот такой немного странный, но очень характерный эпизод. Он лишний раз доказывает, какое внимание уделялось и на этой даче, и вне ее территории безопасности Сталина. Великолепно отлаженная Власиком, особенно в военные годы, система не давала сбоев. Учитывая то, сколько врагов было у Сталина внутри страны и за рубежом, остается только удивляться, что, кроме случайного обстрела катера во время морской прогулки в тридцатых годах, не известно ни одной попытки покушения на жизнь Отца народов.

А вот еще один штрих к портрету вождя на фоне пятьдесят второго года, на семьдесят третьем году его жизни. Нам очень хотелось бы понять, что стояло за почти неадекватной реакцией дряхлеющего вождя — страх, высокомерие или элементарное мужское желание не сдаваться «проклятой старости»? Сталин никогда не позволял себе помогать. Хотя, казалось бы, что зазорного в том, чтобы поправить пожилому человеку замятую галошу или завернувшийся воротник?

— У него лацкан как-то завернулся, — начал рассказывать следующий эпизод Николай Петрович Новик. — Он не обратил внимания, но это очень вид портило. И Ворошилов попытался этот лацкан поправить. Он ему по руке: «Я сам!» Одним словом, он не любил, чтобы кто-то участвовал в этой части.

В последние годы Сталин жил в постоянной тревоге. Его настораживали совершенно безобидные вещи, и что-то очень угнетало. Даже частые полушутливые утренние обращения к охране всегда имели двойное дно. Он не давал людям, окружавшим его, расслабиться ни на секунду. Почти каждое утро Сталин выходил в парк и интересовался у встреченного им охранника, какая сейчас температура. Затем, гуляя, обращался еще к трем-четырем офицерам с тем же вопросом, как бы проверяя их бдительность. Надо сказать, что Сталин всегда определял температуру воздуха точнее, чем его охрана. В результате руководством охраны было решено повесить термометры чуть ли не на каждом дереве.

Николай Новик.

— Вот расстояния, это тоже имело место. Он мог охранника спросить: как вы думаете, как вот отсюда вон до того дерева, вон до той березы, сколько метров? Ну, один говорит, такое, там, такое расстояние. Он говорит, а я думаю столько-то. Измерим. Начали искать рулетку — ни у кого нет. Конечно, нашли рулетку, но после этого у каждого охранника было по рулетке в кармане. Так. Это уже похоже на какой-то, так сказать, розыгрыш. Но на самом деле... Вот иногда такая разрядка какая-то была у него.

Семья

Сказать, что Сталин был несчастен в личной жизни, — это значит ничего не сказать. Он так и не смог забыть самоубийство жены.

На праздничном банкете в честь пятнадцатой годовщины Великого Октября видный советский функционер, грузин по национальности, сказал своей жене:

— Эй ты, пей!

На что жена, студентка Промышленной академии, факультета искусственного волокна, с неясными национальными корнями, (в ее роду были русские, украинцы, цыгане, немцы и грузины, кстати, тоже) ответила мужу:

— Я тебе не *эй!..*

После чего встала и при всех ушла из-за стола.

Рано утром следующего дня ее нашли в луже крови возле своей постели. В ее руке был дамский револьвер «вальтер». Этот револьвер ей когда-то привез ее брат из Берлина. Имя этой студентки было Надежда Аллилуева. Она была на двадцать два года младше мужа.

Надежда Сергеевна была второй и последней женой Иосифа Сталина. Больше он никогда не женится.

К началу пятьдесят второго года у Сталина было двое детей. Дочь Светлана и сын Василий. Когда-то у Верховного главнокомандующего был еще один сын — Яков. В самом начале войны Яков попал в плен, где и погиб в 1943 году. Вернее, так считалось до последнего времени.

Светлана пишет, что Сталин узнал о смерти старшего сына в 1945 году. Он сказал дочери*:*

«Яшу расстреляли немцы. Я получил письмо от бельгийского офицера, принца, что ли, с соболезнованием — он был очевидцем…»

Дальше она пишет*:*

«Отцу было тяжко, он не хотел долго задерживаться на этой теме».

Можно лишь догадываться, что творилось в его душе, когда пришло сообщение о гибели в немецком лагере старшего сына Якова, и лишь предполагать, что чувствовал Генералиссимус Сталин, когда полетел под откос, спиваясь все больше ибольше, генерал авиации Василий Сталин. Ну а что касается младшей, Светланы, то Иосиф Сталин так до конца не принял ни одного ее романа, а тем более замужества.

Это была очень странная и, по большому счету, очень несчастная семья. Например, вот как отец поздравил своего сына Василия с первой женитьбой. Телеграмма пришла на правительственном бланке, и значилось в ней следующее:

«Что ты спрашиваешь у меня разрешения? Женился — черт с тобой! Жалею ее, что она вышла замуж за такого дурака».

Или вот такое воспоминание Светланы:

«Странно, мой отец из своих восьми внуков знал и видел только троих — моих детей и дочь Яши».

Это была очень странная семья, которой, по мнению членов этой семьи, вроде как бы и не было.

Зато до нас дошел семейный архив. Причем не простой, а фото— и кинодокументов. В нашем фильме кадры из этого архива впервые увидели миллионы телезрителей. Фотокорреспондентом и кинооператором был один и тот же человек — начальник личной охраны Сталина генерал Власик. Кстати, он же монтировал отснятый материал, подкладывал музыку, то есть создавал «домашнее кино». Проработав с Хозяином свыше 20 лет, Николай Власик был почти членом семьи. Во всяком случае, семья Власика и дети Сталина часто общались.

Увидев эти кадры, мы решили разыскать дочь начальника Главного управления охраны МГБ СССР генерал-лейтенанта Власика.

Надежда Николаевна Власик-Михайлова — тихая интеллигентная женщина, живущая в типовой двухкомнатной квартире недалеко от Тишинской площади. Она хорошо помнит и Василия Сталина, и Светлану. О Василии вспоминает очень хорошо.

— Человек Василий был очень открытый, добрый, искренний. Не знаю — я его очень любила. С детства. Василий — открытый был человек. Я помню, однажды он приехал даже на мой день рождения. Вот мне было 16 лет, хорошо помню. И он такой был нетрезвый, мягко выражаясь, что ему даже стало плохо. Его пришлось там уложить, вот, вызвать врача. Ну что делать, это уже была болезнь.

У дочери Сталина, по словам Надежды Власик, Светланы, характер был другой. Замкнутая, молчаливая, она мало располагала к дружескому общению даже таких близких людей.

Итак, тот самый Власик, которого Сталин в начале отстранит от дел, а затем и даст арестовать в декабре 1952 года, очень любил снимать. В начале фотоаппаратом, а затем и кинокамерой.

Вот Василий и Светлана сходят с трапа самолета. Светлана раскованна, она в кругу своих, даже показывает Власику язык. А вот Василий и Светлана на берегу моря. Василий, как всегда, галантен. Тем более по отношению к сестре. На других кадрах — Василий на морской охоте, в катере. Он не в робе или гимнастерке, он в ночной пижаме. Не будем гадать, что делал он перед тем, как сесть в катер.

Теперь на дачной аллее Светлана с детьми, теми самыми внуками Иосифа Сталина, из которых Отец народов видел, как выяснилось, лишь троих. Эти кадры уникальны тем, что никто никогда не показывал молодую Светлану Аллилуеву. Телезрители смогли увидеть в первый раз, какой она была в то время.

Единственные постановочные кадры, снятые явно для истории: Василий Сталин в тире. Характерная музыка, серьезный Василий. Обращают на себя внимание то, как он держит оружие, и вставленный монтажом кадр с отметкой на мишени в районе «яблочка». Правда, на стоп-кадре видно, что дырки от пули на мишени нет.

Но в то время о стоп-кадре еще не знали.

Возьмем на себя смелость еще раз сказать, что семьи, в обычном понимании этого слова, после смерти жены у Сталина не было. Даже в последний день рождения, 21 декабря 1952 года, приехав к отцу на Ближнюю дачу, сын так и не смог нормально поздравить отца.

В этот день Василий привез Сталину красивый подарочный набор инструментов. Все знали, что Иосиф Виссарионович никакими поделками не увлекается — ему просто некогда. Поэтому подарок оказался заранее ненужным, дежурным. Пьяного сына Сталин попросил покинуть дачу.

Далее цитируем то, что сказал перед телекамерой генерал Новик:

— И когда сын ушел, Сталин стоял, сложив руки впереди перед собой, и так голову набок склонил, и качал головой. С таким грустным видом. Это был сын подшофе, так, мягко выражаясь, с утра уже. Ну что... Он этот подарок бросил на стол. Сталин его не принял.

Это была их последняя встреча.

В пятьдесят втором году второму сыну Сталина, Василию, исполнился тридцать один год. К этому времени он успел дослужиться до генерала и стать командующим авиацией Московского военного округа. Василий был помешан на спорте, слыл меценатом, лично курировал футбольную команду ВВС и наблюдал за подготовкой первых советских олимпийцев. Кроме этого, Василий Сталин лично командовал воздушными парадами, которые были так популярны в Москве.

Во время войны, вопреки воле отца, Василий добился отправки на фронт и честно заслужил свой первый боевой орден Красного Знамени.

Василия Сталин всегда считал оболтусом, Светлану он любил больше. Только виделись они в последнее время нечасто — сказывались последствия ссоры во время первого замужества. О характере их взаимоотношений в то время говорит тот факт, что Светлана никогда не могла увидеться с отцом просто так. Никогда не могла без предупреждения приехать к отцу на дачу. Она даже не могла напрямую позвонить Сталину. Именно поэтому она пишет отцу письмо, в котором просит о встрече. Когда мы будем рассказывать о Светлане, мы остановимся на их взаимоотношениях более подробно, а сейчас отметим, что, по словам Светланы, в начале марта 1953 года она почувствовала, что с отцом происходит что-то неладное, но попала на Ближнюю дачу лишь тогда, когда за ней отправили машину. Светлана увидела отца лишь 2 марта — на смертном одре...

Об одной из последних встреч она написала потом в книге:

«Это был предпоследний раз, когда я видела его до смерти, — за четыре месяца до нее…

Почему я вдруг вспоминаю именно этот вечер? Потому что это был вообще единственный раз, когда я была вместе с отцом и своими двумя детьми. Было славно: он угощал детей вином (кавказская привычка) — они не отказывались, не капризничали…

Хотел ли он, чтобы мы были вместе? Было ли ему приятно с нами? Вероятно. Но он устал под конец. Он привык к свободному одиночеству. Мы уже были так разобщены с ним жизнью, что было бы невозможно соединить нас в какое-то общее существование, в какую-то видимость семьи…»

Однако рядом со Сталиным все-таки были люди, которые общались с ним как с самым обыкновенным человеком. Не по его работе в Политбюро, а по долгу службы своей. Эти люди для Генералиссимуса в каком-то смысле и были семьей, которой у Иосифа Джугашвили на самом деле не было.

Валентина Истомина, сестра-хозяйка Ближней дачи, была одной из тех, кто общался с Хозяином довольно часто и довольно близко. Вот что говорил Молотов писателю Феликсу Чуеву:

«В разные периоды разные были люди. Грузинка одна старая была. Потом Валентина Истомина… Это уже на даче. Приносила посуду. А если была женой, кому какое дело?»

«Валечка за последние годы знала о нем куда больше и видела больше, чем я, жившая далеко и отчужденно», — констатирует дочь Светлана.

Валя Истомина позволила себе проявление обычных человеческих чувств, когда стало понятно, что человека Иосифа Сталина больше нет в живых. Оплакивала она его как родного и близкого человека. Рыдала в голос, причитала, как обыкновенная деревенская женщина.

Конечно, этот человек, взявший себе псевдоним Сталин, не был отлит из этого метала, хотя довольно часто ему хотелось дать понять своему окружению, что дело обстоит именно таким образом.

Сестра-хозяйка, комендант дачи, охрана — вот с кем общался Хозяин ежедневно просто так.

Без всяких дел.

«Без дел»... Говорить Хозяину было не с кем, да и не о чем было говорить с теми, с кем Сталин заговаривал «без дел». Ну в самом деле, сколько раз можно спрашивать какое расстояние от одной березки до другой и какова температура воздуха? Да и какой в этом был смысл, если у каждого охранника в кармане было по рулетке, а на каждой березке висел градусник?

Заканчивался 1952 год — начинался 1953-й. Сталину оставалось жить всего два месяца. Первого марта в малой столовой, потянувшись за бутылкой «Боржоми», он упадет без сознания и больше уже не встанет. Несмотря на огромный штат охраны, помощь к нему придет с колоссальным опозданием. В самый важный для его жизни момент Сталин окажется заложником своей собственной системы отношений с ближним окружением. Он сам ее выстраивал не один год. Этот случай стал трагическим, но он не был первым.

— В бане то есть была действительно такая тяжелая, я бы сказал, история. Парился Сталин нечасто, но все-таки обычай в субботу баньку принять у него остался, — рассказывал генерал Новик.

Обычно эта процедура занимала у него не более часа — часа десяти минут. Но однажды он задержался на 15 минут...

— Ну вот, все дело пошло совсем не так, как раньше, — продолжал Новик. — Но ведь 20 минут, 30 минут нет...

В бане царила тишина. Дежурный доложил начальнику личной охраны Сталина Новику, когда задержка достигла 35 минут. Новик доложил министру госбезопасности Игнатьеву.

— Игнатьев тут же доложил Маленкову. При мне позвонил. И меня отправил туда и сказал, что я буду

сам связываться с ним, с Игнатьевым, прямо на месте.

Только через 46 минут было принято решение взламывать дверь.

— Вот я и еще прикрепленный — первый прикрепленный должны. Вдвоем. Ну, надо взламывать, потому что там крючок.

Когда начальник охраны и дежурный с фомкой в руках подходили к двери, она неожиданно распахнулась... На пороге стоял заспанный Сталин...

— Так смотрит, довольно заспанными глазами. Мы подтянулись, как положено офицерам. «Здравия желаю!» — сказали. Он так головой помахал. Ну, конечно, он у нас орудия не видел. Орудие это было, по сути, фомка. Но это, я вам скажу: стоило мне это не один год жизни! Я вам не рисуясь говорю… Потому что тут же, у тебя на глазах, что может быть? Я как вспоминаю сейчас, мурашки по коже…

Случай в бане лишь один из череды неизвестных ранее событий и подробностей последних месяцев жизни Иосифа Сталина, о которых после 47 лет молчания впервые рассказал в нашем фильме генерал-майор КГБ СССР Николай Новик.

На этот раз обошлось, но как похоже это на то, что случилось затем 1 марта 1953 года. Впрочем, о политических интригах вокруг Сталина, о трагической судьбе Власика, о том, что стояло за знаменитым «делом врачей» и какую судьбу готовил уходящий Сталин своему ближайшему окружению — в следующей серии нашего фильма.

Именно такими словами закончилась первая серия фильма о последнем годе жизни Сталина.

Серия вторая

Жизнь после жизни

Премьерный показ. Канал ОРТ

21 декабря 2000 года люди, случайно оказавшиеся на Калининском проспекте, удивленно останавливались, глядя на живописную кавалькаду машин, двигающуюся по резервной полосе точно посередине дороги. Впереди с включенными мигалками и сиреной шла машина ГАИ, за ней «ЗИЛ» сопровождения из Гаража особого назначения, (кстати, рассказ о нем еще впереди). Затем шел блестящий, будто бы только с конвейера завода имени Сталина знаменитый «ЗИС-110», затем американский «Паккард», служивший в сороковые годы в том же правительственном гараже. А замыкали колонну еще два «ЗИЛа» сопровождения из президентского гаража. В каждой машине, кроме водителей, было по одному участнику съемочной группы «Кремль-9». Продюсер, автор и ведущий Алексей Пиманов ехал в сталинском «ЗИСе», режиссер программы Максим Иванников ехал на «Паккарде», а в остальных машинах расположились представители пресс-службы Управления охраны и авторы сценария. Машины направлялись на Ближнюю дачу Сталина.

Работа над второй серией фильма снова шла на сталинской даче, расположенной в Кунцеве, в сороковых годах — ближнем Подмосковье, а сегодня в черте Москвы. Мы проделали тот самый путь, который проделывал ежедневно, возвращаясь из Кремля, главный герой нашего фильма Иосиф Сталин. Для нас даже открыли главные ворота дачи, которые не открывались чуть ли не пятьдесят лет. По красивой лесной дороге уже ехали с включенными фарами. Гуляющие в лесу пожилые люди, осведомленные, кто жил за этими зелеными воротами и на какой машине ездил хозяин кунцевской дачи, удивленно переглядывались. Уж не мерещилось ли им все происходящее? По странному стечению обстоятельств съемка эта происходила еще и в день рождения Сталина. В этот день исполнялся 121 год со дня его рождения. Поверьте нам на слово: все действительно произошло случайно. И поняли мы, что тревожим дух Хозяина в его доме в день рождения, только задним числом.

Ну а теперь, собственно, к содержанию фильма.

В первой серии мы рассказали, как не очень здоровый, одинокий, пожилой мужчина, когда-то бывший грузином Иосифом Джугашвили и ставший волею судеб, наверное, русским и Отцом народов товарищем Сталиным, вошел в последний год своей жизни. Мы постарались как можно более подробно восстановить распорядок и образ жизни вождя в последний год. Это позволило сделать вывод: в 1952 году на этой даче почти постоянно жил одинокий человек, опасавшийся за свою жизнь. Прежде всего потому, что он чувствовал ту скрытую борьбу, которая уже разворачивалась в его ближайшем окружении за место будущего вождя.

Полубог для большинства людей, Сталин в глазах своего окружения таковым не являлся. Кто-то знал его еще как Кобу, на глазах других он превращался из Иосифа Джугашвили в великого вождя, кто-то видел и знал его слабости, кто-то успел изучить его привычки. Именно поэтому, полубогом для партийных соратников он не мог являться по определению. Не здесь ли находятся истоки великой партийной бойни, учиненной Сталиным в 30-х годах?

Уничтожал он прежде всего тех, кто никогда не смог бы принять до конца неожиданную лидирующую роль Кобы. Наверное, Сталин понимал, что воспитанные так же, как он, его соратники по революции, многие из которых были обижены им, рано или поздно постараются его уничтожить, если, конечно, он их

не опередит. Не щадил он даже родственников.

Как-то на вопрос дочери, почему он упрятал в лагеря ее теток, Сталин ответил: «Слишком много знали». И таких людей вокруг него было много. Очень много.

Звездный час Иосифа Сталина пробил в сорок пятом году. Ко всем прочим званиям и прозвищам добавилось еще одно — «Великий полководец — победитель фашизма». Да, после войны Сталин находился в зените славы и могущества. Как хорошо было бы встретить этот период жизни молодым, полным сил человеком. Но судьба распорядилась иначе. Триумфатор был уже пожилым, нездоровым, уставшим от бесконечной борьбы. К тому же, сокрушив смертельно опасного внешнего врага, он не чувствовал себя в безопасности внутри своей собственной страны. Понимая, что угроза его абсолютной власти исходит от генералов и маршалов, делящих с ним славу победителей последней войны и очень популярных в народе, с одной стороны, и ближнего круга, опиравшегося на спецслужбы и боящегося новых партийных чисток — с другой, он, как опытный боец, не мог позволить себе расслабиться ни на секунду.

И совсем неважно, насколько реальной была эта угроза.

Опытный и коварный политический игрок, в начале пятидесятых он начинал разыгрывать новую шахматную партию, в финале которой в стане противников, по его планам, явно не будет хватать много «тяжелых фигур». Однако Сталин не учел, что в комбинацию, которую разыгрывал в последний год своей жизни Генералиссимус, включились и другие игроки. Причем настолько сильные, что порой Хозяин сам был фигурой на этой шахматной доске.

Есть такая партия…

Тотальное прослушивание квартир Жукова и других представителей высшего генералитета не было случайным.

Вот документы, которые мы обнаружили, работая над фильмом.

И еще один документ:

Вся эта информация без промедления ложилась Сталину на стол. Он не зря в мае 46-го назначил Виктора Абакумова министром госбезопасности вместо Меркулова, личного друга Берии. Отношения Берии и Абакумова всегда были прохладными. А властные амбиции Берии тревожили стареющего Сталина не менее его генералов.

Стенограммы прослушанных разговоров дают нам возможность понять, почему одним из первых шагов Абакумова была чистка военных рядов. В результате были арестованы Гордов, Рыбальченко, Кулик, главный маршал авиации Новиков, от которого пытались добиться показаний на Жукова.

Конечно, самой мощной фигурой в этом ряду был маршал Жуков. Именно его имя стояло рядом с именем Главнокомандующего, когда речь заходила о войне.

Но Жукова Сталин арестовать так и не решился, тот был лишь снят с должности замминистра обороны и отправлен командовать Одесским военным округом — в ссылку.

Не лучше обстояли дела и в стане соратников по партии.

«Он никому не верил, и никто из нас ему не верил», — писал Хрущев в своих воспоминаниях.

Сталин неоднократно заводил речь о том, кому управлять страной после него. Он даже пытался называть имена своих приемников. Однажды на заседании Политбюро он назвал фамилию главы Госплана

Вознесенского. Для последнего это закончилось плачевно. Тайные претенденты на трон первого в мире государства рабочих и крестьян не пропустили эту фамилию мимо ушей. Так возникло «ленинградское дело». Началось все с постановления ЦК от 13 июля 1949 года «О редакции журнала „Большевик“. На допросах в органах, которые курировал еще один претендент на трон, член Политбюро Лаврентий Павлович Берия, умели склепывать звенья одной цепи. В данном случае цепочка привела к человеку, которого сам Сталин сажал в кресло председателя на заседаниях Совета Министров.

В течение нескольких дней все было решено. Вознесенского сместили со всех постов, хотя некоторое время не арестовывали. Он даже продолжал бывать на обедах у Хозяина. Как раз после одного такого обеда Вознесенского взяли. В самое подходящее для ареста время — рано-рано утром.

Итак, поставив Абакумова на должность шефа МГБ, Сталин одним ударом добился двух целей: осадил военных и ослабил влияние Берии. Он ценил в Берии его организаторские способности, но доверять перестал уже в начале войны. Описан случай, когда Сталин в резкой форме потребовал от дочери Светланы немедленно уехать с дачи Берии, сказав недвусмысленно: «Сейчас же езжай домой! Я Берии не доверяю!»

А потом, в конце 40-х, за обедом Сталин вдруг огляделся и спросил Берию:

— Почему я окружен грузинами?

— Товарищ Сталин, эти люди — ваши верные слуги. Они всецело преданы вам...

— А русские, что, мне не преданы? — спросил Сталин.

— Все, кто здесь находится, вполне лояльные слуги, — не унимался Берия.

— Мне не нужна их лояльность! Гони их вон!

Какой вывод из всего этого должен был сделать Берия? Однозначный. Он слишком хорошо знал Хозяина и понимал, что может быть с ним, когда, например, закончится программа создания водородной бомбы, которую Берия курирует, и у Сталина не будет никаких сдерживающих моментов в уничтожении главного претендента на трон,

Тандем Берия — Маленков был самым сильным в окружении Сталина. Прежде всего потому, что контролировал спецслужбы. Берия — через своих ставленников в НКВД, а Маленков — по линии Политбюро. Эти двое могли играть на опережение, опираясь на спецслужбы, которые в такой стране, как Советский Союз, имели огромную власть. Именно поэтому Берия и Маленков имели к концу жизни Сталина преимущество перед другими ближайшими соратниками: Булганиным, Хрущевым, Молотовым, Кагановичем, Микояном, Ворошиловым и далее по списку.

Мы уже останавливались подробно на том, что в начале 50-х работоспособность 70-летнего Сталина резко упала и он почти безвылазно жил на Ближней, любимой кунцевской даче. По полгода мог не появляться в Кремле и резко сократил число посетителей. Все это не могло не послужить сигналом. Соратники все больше задумывались о наследнике.

Первыми в атаку пошли Берия и Маленков. Им нужно было во что бы то ни стало убрать Абакумова с поста министра госбезопасности. Удалили. Весной 1951-го Маленков через своего помощника Суханова поручил подполковнику Рюмину написать Сталину письмо против Абакумова. Рюмин особо отличился во время знаменитого «ленинградского дела» и был известен тем, что в ходе допроса мог расколоть любого. Было решено воспользоваться признанием врача Этингера.

Врач, измученный допросами, дал показания, что среди его кремлевских коллег существует заговор, цель которого — физическое уничтожение руководителей страны. Самого врача это не спасло. Этингер не выдержал истязаний и умер. Но повод был найден, и вот теперь Рюмин писал

Сталину, что врача убили по приказу Абакумова. Одновременно Рюмин напомнил и о письме Лидии Тимашук, от которого Абакумов в свое время отмахнулся. Вскоре малообразованная медсестра уже публично выступила с заявлением в прессе, что вождя неправильно лечат. Наивно полагать, что это была ее личная инициатива. Такие письма просто так не пишут и в газете «Правда» просто так их не печатают. Впрочем, и под машину авторы таких писем случайно не попадают. А эта дама кончила свою жизнь под колесами какой-то «эмки» (?). Письмо Тимашук, признания Этингера и стали началом знаменитого «дела врачей». Генерал Новик рассказал, как Сталин внимательно каждый день читал признания врачей о попытках, к примеру, смешиванием безвредных лекарств в определенных дозах добиться того, чтобы они действовали как яд, и таким образом можно было бы отравить товарища Сталина.

Понятно, что, начитавшись на ночь таких показаний, не станешь пить самого простого аспирина, даже принесенного врачом, который наблюдал за твоим здоровьем не один год. Дело врачей-вредителей вычистило всех медиков, которые хоть изредка допускались к телу Иосифа Виссарионовича. Кстати, именно по этой причине личный врач вождя академик Виноградов не смог присутствовать у постели умирающего в ночь с первого на второе марта пятьдесят третьего года.

Этот удар был очень точно рассчитан теми, кто хорошо знал психологию Сталина. Вопреки различным версиям Сталин искренне боялся отравления.

Вот уникальное свидетельство того, как в середине 1952-го Сталин реагировал на дело врачей. Начальник личной охраны Сталина Николай Петрович Новик.

— Я наблюдал и не мог не видеть, как Сталин реагировал на это. Он, конечно, переживал, видимо, верил в те показания, которые каждый день в закрытых конвертах посылались ему для ознакомления.

Это чтение не прошло для Сталина бесследно. Как-то он заболел гриппом. Срочно вызвали двух проверенных, известных врачей. Они выписали необходимые лекарства, прописали режим, уход, приставили медсестру. Однако после их отъезда...

— Сталин вызвал одного из работников охраны, просто по имени назвал его. Сказал дежурному, чтобы он послал такого-то, кому будут личные поручения, которые не касаются никого другого. Только меня и его. Он пришел, и он ему надиктовал те же лекарства, сказал, чтобы он сел сейчас на машину и поехал, еслия не ошибаюсь, в деревню Грязи, там есть хорошая аптека, сельская, это лекарство там ищи, скажи, что это для твоей бабушки.

Это рассказал нам все тот же генерал Новик.

Куда и зачем он ездил, офицер рассказал своему руководству много позже. А в тот день начальство терялось в догадках, не понимая, что происходит. Вы спросите, куда делись лекарства, привезенные из кремлевской больницы? Сталин выбросил в унитаз.

Итак, докладная Рюмина попала в точку. Абакумов был арестован 12 июля 1951 года и помещен в партийную тюрьму, ныне хорошо известную как «Матросская тишина». На его место Сталин назначил Игнатьева, партийного работника из Белоруссии, главная характеристика которого была — «никакой». Впрочем, на том этапе это устроиловсех.

С августа пятьдесят первого до февраля пятьдесят второго года Сталин не принял в своем кремлевском кабинете ни одного посетителя.

Ни одного.

Полгода вождь в Кремле не появлялся. Причиной всему — пошатнувшееся здоровье. Для окружения это был еще один сигнал. В сентябре 1951-го на сталинской даче в Цхалтубо у Хозяина состоялся

доверительный разговор с министром госбезопасности Грузии Рухадзе. Сталин явно начал разыгрывать какую-то новую, известную в деталях только ему партию. Для начала он нелицеприятно отозвался о Берии. Затем отметил, что в последнее время Берия, чуть что, подсовывает ему мингрельцев, и, наконец, пожурил Рухадзе за то, что министр плохо проявляет инициативу.

Намек Хозяина Рухадзе понял.

Однако намек намеком, но еще надо было понять, как действовать. В течение двух недельРухадзе никаких шагов не предпринимал. Страх и колебания заставили его поделиться информацией со своим замом. В ту же ночь заместитель настрочил донос министру госбезопасности Игнатьеву, и очень скоро бумага легла на стол Сталина. Что сделал Сталин? Приказал в присутствии Рухадзе этот рапорт сжечь. Наконец тот понял, в чью сторону был направлен наконечник копья. Так началось «мингрельское дело», в ходе расследования которого Сталин произнес: «Ищите большого мингрела». Этим мингрелом был Лаврентий Павлович Берия.

Удар Хозяин рассчитал точно. Уже после смерти Сталина Берия, пока еще был в силе, пытался срочно закрыть «мингрельское дело».

В секретной записке в президиум ЦК от 6 апреля 1953 года он с плохо скрываемой яростью обвиняет Рюмина, Игнатьева и — внимание! — самого Сталина в жестокости и необоснованности «мингрельского дела». Но это было потом, а тогда, осенью пятьдесят первого года, Берия не мог не испугаться за свое будущее. Как, впрочем, и другие члены Политбюро.

Помните? «Вы все состарились, я вас заменю», — бросил в лицо своим соратникам вождь во время ночного обеда?

После этого ставки стали больше, чем жизнь.

Фигуры

Мы уже говорили о том, что распорядок жизни страны все больше зависел от распорядка жизни на сталинской даче. Семидесятитрехлетний, часто болеющий Сталин все реже выбирался за территорию, огороженную высоким, глухим забором.Ездить по стране не позволяло здоровье, съезды и пленумы не проводились давно, а ближний круг можно вызвать и сюда, в Кунцево.

Боявшийся отравления, не доверяющий «врачам-убийцам», Сталин опасался и поездок за территорию дачи.Там в него могли стрелять.Пули Сталин боялся и принимал все меры, чтобы с ней не встретиться. С тридцатых годов Генералиссимус ездил только в бронированных машинах. Это были «ЗИС-110», потом «ЗИС-115». Толщина двойных стенок достигала 30—40 мм, пуленепробиваемых стекол — 80 мм. Двойное дно, двойная крыша, усиленная задняя стенка. Он даже сам обдумывал маршруты поездок.

Николай Петрович Новик прекрасно запомнил такой эпизод:

— Случай был в феврале, когда вместо поворота налево, значит, он приказал повернуть направо, через Воробьевы горы.

В тот день снег был рыхлым, дорога, по которой приказал ехать Сталин, давно не чистилась, поскольку ею зимой не пользовались, и, конечно же, тяжелая машина забуксовала.

— И он с большой... с большим неудовольствием, я бы сказал, резко сказал: «Что вы все меня под пули возите! У вас только один путь, вы даже не подумаете найти какой-то другой путь».

Кстати, ездил Сталин не на переднем или заднем сиденье, а на откидном, спиной к водителю.

Согласитесь, очень необычный, странный способ.

Маршал Жуков в своих мемуарах описывал поездку в автомобиле с Верховным главнокомандующим:

«Ехали так: впереди начальник личной охраны Власик, за ним — Сталин, за Сталиным — я. Я спросил потом Власика: „Почему он меня туда посадил?“ — „А это он всегда так, чтобы, если будут спереди стрелять, в меня попадут, а если сзади — в вас“.

Сам Власик, наверное, был бы рад, если бы жизнь уготовила ему именно такой поворот судьбы. Он готов был умереть за Хозяина в любую секунду. Однажды на Кавказе во время морской прогулки он уже закрывал своим телом вождя, когда катер, на котором они шли, обстреляли с берега.

Сказанное выше лишний раз доказывает, какое значение Сталин придавал личной безопасности. Обеспечивал ее вот уже более 20 лет преданный генерал-лейтенант Николай Власик. Он был не просто начальником охраны, он был одной из влиятельных фигур в окружении Сталина. Но в последний год Сталин пожертвовал этой фигурой. Почему? Трудно сказать. До опалы у Власика были свои козыри — так близко, как Николая Сидоровича, Сталин никого к себе не подпускал.

Наверное, именно поэтому отношения Власика и Берии были сложными и далеко не дружественными. Хотя долгое время именно Берия был начальником Власика. Неудивительно, что после начала «мингрельского дела» Берия и Маленков постарались нанести ответный удар — удивительно, что Сталин его пропустил.

Впрочем, мы уже говорили, что ближайшее окружение вождя очень хорошо изучило психологические особенности своего Хозяина.

Вот, что рассказал нам начальник отдела 9-го управления КГБ СССР полковник Геннадий Коломенцев:

— В 1951 году к Сталину прорвался «железный» министр финансов — Зверев. Был такой. И доложил Сталину о том, что Главное управление охраны тратит очень большие деньги неоправданно. Сталин коротко сказал: «Я разберусь».

Кто-то может сказать, что Зверев действовал самостоятельно. Этакий честный партиец. Камикадзе, решивший поднять руку на всесильного Власика, а значит, и на самого Сталина. Нам представляется, что дело обстояло намного сложнее — за демаршем Зверева кто-то стоял.

Генерал Новик по-своему определяет момент, когда у генерала Власика в судьбе произошел крутой поворот:

— Как-то Сталину понравилась селедка. Он вообще селедку любил, но эта оказалась очень вкусной, и он сотрудника хозяйственной части Ближней — вот этой как раз дачи, на которой мы с вами находимся, — спросил: «Где купили такую вкусную селедку?»

Ответ был: «В Астрахани». Дальше Сталин поинтересовался, как эта замечательная селедка оказалась у него на столе. Оказалось, что за селедкой в Астрахань посылали специальный самолет, в котором были летчики и сотрудники управления охраны. Сталин быстренько подсчитал накладные расходы и сказал нечто вроде: «Значит, это селедка золотая».

Тот, кто писал сценарий последних лет жизни вождя и его окружения, хорошо знал каждую струнку души Отца народов. Растрата государственных средств, их разбазаривание — это то, чего очень не любил Хозяин, сам живший более чем скромно.

Так или иначе, но Сталина убедили в том, что генерал Власик неэкономно расходует средства. Власик не мог не чувствовать, что тучи над ним сгущаются.

— Он пишет и в письмах, и в своих записках, и в дневнике, что Берия подбирал на него компромат. Представил Сталину — и Сталину уже ничего не оставалось, как снять с поста моего отца.

Это тоже рассказала нам дочь генерала Надежда Власик.

22 апреля была создана комиссия по проверке деятельности Главного управления охраны. Главное управление охраны МГБ СССР подверглось жесткой проверке Центрального Комитета партии. Проверяла специальная комиссия.

Интересен ее состав: Маленков (председатель), Берия, Булганин, Зверев (тот самый министр финансов), Поскребышев. Поражают сроки работы этой комиссии. С деятельностью структуры, в которую входили тысячи сотрудников, разобрались… за две недели.

— Эта специальная комиссия ЦК выявила целый ряд недостатков, — сухо сказал нам генерал Новик.

Просто процитировал официальный документ.

Уже 8 мая по результатам работы комиссии руководство ГУО было отстранено от должностей, а Власика отправили заместителем начальника лагеря, а по сути, в ссылку, где он и работал вплоть до ареста. Власик проработал со Сталиным более 20 лет и все эти годы, точно как в сталинской машине, прикрывал спину Хозяина.

— В нашем доме даже по имени Сталина не называли, ни «товарищ Сталин», ни «Иосиф Виссарионович», нет — *Хозяин,* и с придыханием, — говорила Надежда Власик-Михайлова — дочь генерала.

На момент ареста отца ей было 17 лет.

— Отец в последние годы устал особенно при мнительности Сталина: он и контролировал и еду и все напитки, все, что поступало к Сталину непосредственно, вплоть до того, что сам пробовал. Вот. Этого не могли уже организовать люди, которые не были преданы. Поэтому он чувствовал, что Берия рвется к власти, и он создаст такие условия, при которых Сталину... Может, я так думаю, он не говорил — боялся, что сократят... каким-то образом сократят его жизнь...

Арестовали Власика в декабре пятьдесят второго года. Сталин умер в марте пятьдесят третьего. Похоже, Власик либо что-то знал, когда произносил фразу: «Возьмут меня — вскоре не будет Сталина».

Уж больно точный прогноз.

Примерно за полгода до ареста Власика, а точнее в мае 1951-го, Главное управление охраны преобразовали в обычное управление. Его начальником по совместительству стал сам министр госбезопасности Игнатьев. Но как опытный аппаратчик через какое-то время Игнатьев делает классический ход — назначает себе заместителя, на которого и перекладывает всю работу. Этим заместителем стал главный герой двух серий фильма, никогда ранее не дававший интервью, — Николай Петрович Новик.

Самое интересное во всей этой истории — поведение Сталина. Маниакально боявшийся за свою жизнь, окруживший свою персону со всех сторон верными людьми, он вдруг позволяет убрать Власика, одного из самых преданных ему людей. Вслед за Власиком он, как сказали бы сегодня, сдает Поскребышева — человека, охранявшего Хозяина от внешнего мира, всемогущего руководителя его канцелярии. Поскребышева, естественно, обвинили в утечке информации, причем все было устроено так, что эту «диверсию» раскрыл лично Сталин. Ну а что произошло с кремлевскими врачами и личным доктором Сталина Виноградовым, мы уже говорили.

Да, Сталин пытался наносить ответные удары — «мингрельское дело» было затеяно против Лаврентия Павловича, но он его не довел до конца. Противостояние Хозяина и набравшего силу слуги было

похоже на последние раунды боксерского поединка тяжеловесов, где противники, уже не думая о защите, а значит, о потерях, наносят друг другу тяжелые удары. Только этим можно объяснить жертвы, которые принес Сталин в свой последний год: преданные Хозяину личные врачи, а самое главное — Власик и Поскребышев, стоявшие на страже вождя по тридцать лет каждый.

Арестованный в 53-м году по делу Берии Богдан Кобулов показал на следствии, что за Василием Сталиным, Поскребышевым и Светланой вплоть до самой смерти Сталина велась слежка.

Готовивший удар по своему ближнему окружению Хозяин вдруг не противится желанию этого самого окружения ввести в святая святых — обеспечение личной безопасности — новых людей.

Что же это, такая уверенность в своем величии, преклонении перед этим величием всех поголовно подчиненных? Тогда чего он боялся, а главное, кого? Он не мог так быстро забыть стенограммы прослушивания высших генералов и не мог не понимать, сколько людей в мире ненавидят его лютой ненавистью. В общем, поведение Сталина в этой ситуации — большая загадка.

Быть может, он просто устал или решил не ввязываться в драку весной и летом пятьдесят второго, потому что уже осенью собирался смахнуть все шахматные фигуры с игрового поля одним ударом. Но эту тайну Иосиф Виссарионович Сталин навсегда унес с собой в могилу. Впрочем, может быть, поэтому он так странно принял нового начальника охраны. Вот как вспоминает об этом Новик:

— Сталин стоял в углу, значит, вход там, — Николай Петрович показал, где он стоял. — Сталин стоял в углу, окна завешаны тяжелыми шторами. Он спиной, значит, к двери. Я поздоровался, он так вполоборота поздоровался со мной, ну, еще некоторое время стоял.

Полковнику Николаю Новику впервые пришедшему на аудиенцию к генералиссимусу Сталину, пауза показалась бесконечно длинной.

— Не оборачивался. Курил и явно какие-то проблемы, не касающиеся меня, обдумывал, так я принял решение. Но потом я подумал, что Генералиссимус стоит, а я сижу. Я, значит, встал, он сказал: «Сидите», — и подошел ко мне».

Вопросы Сталин задал самые обычные. Служил ли Новик в погранвойсках? Кто родители? Какая семья?

Но ответы слушал невнимательно.

— Повернулся, снова пошел в свой угол, и мне несколько показалось, что как-то это... ну, еще мало очень я его интересую вообще, какие-то вопросы он обдумывает.

В пятьдесят втором году вождь, кажется, махнул на все рукой, лишь бы добиться главной цели — избавиться от всех разом. Именно поэтому он лично вел «дело врачей» и «мингрельское дело». Именно поэтому, на наш взгляд, как бы странно это ни выглядело, так безучастен был Хозяин при знакомстве с человеком, сменяющим на посту более чем преданного и верного генерала Власика, которого Сталин знал еще со времен Царицына.

Тем временем судьба предшественника Новика, генерала Власика, развивалась более чем трагично, с одной стороны, а с другой — по довольно тривиальному, известному тому же Власику до мельчайших подробностей сценарию. Его арестовали 16 декабря 1952 года.

— Это был страшный день. Не хочется вспоминать, но придется. Не только неожиданно... это... я была в шоке. Я пришла из школы 16 декабря 1952 года. Мамы дома не было. И вдруг врываются трое мужчин очень свирепого вида, начинают бегать по комнатам с такими возгласами: «Сдать золото! Сдать оружие!»

Семнадцатилетней девушке эта сцена запомнилась на всю жизнь. Рассказывая об этом спустя

пятьдесят лет, Надежда Николаевна волновалась, будто это происходило несколько минут назад.

Перерыли все шкафы, постельное белье, все. Потом в течение двух дней описывали конфискованное имущество. Во время обыска пропало много ценных вещей, посуды и драгоценностей. Как всегда в таких случаях, замолчал телефон. Многие товарищи исчезли еще весной, после отставки. Арест стал завершающим аккордом.

— Мучили его, спать не давали сутками, включали яркий свет в камере. Мучили: за стеной заводили пластинку с плачем ребенка. Отец очень любил детей. Это его страшно мучило. И потом на допросах, что Берия, что потом Серов, прямо так говорили: «Мы тебя уничтожим! Мы сотрем тебя в порошок!»

Дважды генералу устраивали ложные расстрелы. Завязывали глаза, водили в подвал, командовали солдатам «пли!», а потом повязку с глаз снимали, возвращали в камеру.

Свидание с семьей бывшему генералу разрешили уже после смерти Сталина.

Это самое тяжелое воспоминание для Надежды Николаевны Власик.

— Вот это тяжело вспоминать… Увиделись мы в конце марта или в середине марта, не могу точно сказать. Арестовывали бравого генерала, а пришел на свидание согбенный старик, шаркающей походкой. Смотреть было тяжело на него. Этого я никогда не забуду, мое впечатление тогда о нем… Никогда не забуду...

Эндшпиль

В фильме этот эпизод назывался «Последний и решительный…». Пришли мы к этому названию не случайно.

То, что произошло на XIX съезде партии и последовавшем за ним Пленуме ЦК осенью 52-го, без содрогания его участники не вспоминали.

Заранее подготовивший удар Сталин сумел до последнего момента не раскрыть свои намерения. Паузу держать Хозяин умел.

Вот что писал Анастас Микоян в своих воспоминаниях:

«Я не сразу понял шахматную расстановку фигур, но потом стало ясно: Сталин хотел лишить активности членов Политбюро. И члены Политбюро это почувствовали».

Отчетный доклад делал Маленков, а ближний круг, соратники, с опасением ждали одного — выступления Сталина. Всего три слова, произнесенные перед этим съездом — «это враги народа», — могли разом покончить со всеми комбинациями последних лет.

Сталину явно доставляло удовольствие играть в кошки-мышки со своими соратниками. Он видел, как они нервничают, гадают: будет выступать сам Хозяин, не будет? А если будет, то чем это для них закончится?

— В перерыве съезда я наблюдаю на сцене: несколько членов Политбюро окружили так... в углу зажали Поскребышева и допрашивают его буквально: «Скажи, будет выступать Сталин или нет?»

Он отвечает, у него такой голос был — низко посаженный, грубый: «Ей-богу, не знаю. Ну, ей-богу, не знаю». Именно так отвечает. «Да врешь ты, ты что-то писал ему!» — «Ей-богу, ничего не писал!»

Это все рассказал нам Николай Новик.

Далее все происходило по воле изощренного сталинского ума. Он прочно держал инициативу в своих руках. Он знал, когда нужно будет нанести удар, и он ударил. Но не на съезде, а сразу после него. На

Пленуме ЦК, который собрался сразу после съезда.

Академика Румянцев, присутствовавший на съезде, очень точно описал то, что произошло в зале. Основная масса так и не поняла, что стояло за фантастическим поведением Сталина. Все понял только «ближний круг».

Он вошел, мрачный, даже угрюмый, не поднимая глаз, вслушиваясь в нарастающую овацию и здравицы в его честь.

— Чего расхлопались? — глухо, неприязненно, с сильным акцентом спросил он. — Что вам тут, сессия Верховного Совета или митинг в защиту мира?

Аплодисменты смолкли.

— На повестке дня, — сказал Сталин, — два вопроса. Первый — выбор Генерального секретаря. Второй — выборы Политбюро... — И после паузы: — Прошу освободить меня от обязанностей Генерального секретаря партии. Я стар стал. Выросли новые, молодые кадры. Поэтому прошу освободить...

Все замерли. Казалось, привычный страх превращается в ужас. Это было ловушкой. Если бы кто-то клюнул и рискнул назвать имя преемника, то возможный преемник и стал бы первой жертвой новой партийной чистки. А то, что она не за горами, присутствующие убедились, услышав финал выступления вождя. У Маленкова — почти официального преемника — отвалилась челюсть. Онпонял, что если кто-то предложит его кандидатуру, — ему конец. А Сталин молчал минуту, другую, третью... Пока кто-то, а затем за ним весь зал не выдохнул:

— Не согласны!

— Прошу отпустить, — повторил Сталин. И тут же, не давая залу опомниться (великий игрок!): — Переходим ко второму вопросу.

И снова сделал длинную паузу.

Зал замер, почувствовав, как Сталин вновь наполняется гневом и яростью.

— Я должен доложить Пленуму, — сказал Сталин, — что враги партии, враги народа переоценивают единство нашей партии... На самом деле в нашей партии — глубочайший раскол. Снизу доверху. В том числе в Политбюро. Вот почему, я думаю, мы должны обмануть наших врагов. Давайте на этом Пленуме выберем большой-большой Президиум нашего ЦК — и состав его опубликуем в газетах. А потом выберем маленькое-маленькое Политбюро, о котором ничего не будем сообщать.

Но это было еще не все:

— Я должен доложить Пленуму, что в нашем Политбюро также раскол. Антиленинские позиции занимает Молотов. Ошибки троцкистского характера совершает Микоян…

Холодный ветер тридцать седьмого задул в октябре пятьдесят второго.

Удар был хорошо рассчитан и подготовлен. Слова Сталина «у нас в политбюро раскол» определяли начало новой великой чистки. Молотов и Микоян были первыми, а далее мог быть любой из списка. Кто будет следующим, знал только Сталин.

Сказать, что сразу после съезда соратники испугались — это значит очень смягчить ситуацию. На самом деле они были в ужасе. Спасла их всех как-то уж очень вовремя наступившая смерть Сталина.

То, что произошло в ночь с первого на второе марта пятьдесят третьего года, описано сотни раз, начиная с рапортов службы охраны и кончая третьесортными романами, повествующими о жизни и смерти Иосифа Джугашвили-Сталина. Тем не менее мы еще раз попробуем восстановить событие, круто

изменившее жизнь многих тысяч людей, а впоследствии и всей страны, которая называлась СССР.

Генерального секретаря КПСС Генералиссимуса Сталина нашли лежащим на ковре в малой гостиной возле дивана. Он был еще жив. Было три часа ночи.

Николай Петрович Новик — новый руководитель охраны вождя — накануне перенес операцию по поводу гнойного аппендицита. Вернувшись домой, он тут же доложил своему непосредственному начальнику, что готов продолжать службу.

— Игнатьев... он говорит: «Не до вас сейчас. Вы долечивайтесь». И положил трубку.

Новик сразу не понял, почему Игнатьеву, да и вообще всем было не до него. Что произошло со Сталиным, узнал позже. Поначалу все держалось в строжайшем секрете. Ничего не говорили даже детям Хозяина — Светлане и Василию.

Накануне, 28 февраля, Сталин был в хорошем расположении духа. На Пленуме он опять затеял большую игру. Вечером ужинал на даче с «четверкой». В «четверку» входили Берия, Маленков, Хрущев и Булганин. Обедали по когда-то заведенному обычаю часов до четырех-пяти утра.

Зеленое игровое сукно вечером 28 февраля 1953 года с одной стороны стола было накрыто скатертью. Все игроки были в сборе. Все участники партии понимали, что конец уже на за горами. Все также понимали, что в то время, когда это произойдет, необходимо будет оказаться в нужном месте. Все вместе должны будут быть в этом месте. А там уже по старшинству, вернее, по занимаемой позиции. Поэтому каждый играл против каждого. Нет, не совсем так. Были пары: Берия и Маленков играли против Хрущева и Булганина. Те, в свою очередь, играли против Маленкова и Берии. Вместе они играли против вождя, желая ему долгих лет. Вождь играл против всех. Собственно, эти пары составил он сам, вернее, сделал так, чтобы они сложились как бы сами по себе.

Вся «четверка» вошла в «маленькое-маленькое Политбюро». «Четверка» вошла, но Лаврентий Палыч пошел еще дальше.

«Это был великолепный современный тип лукавого царедворца, воплощение восточного коварства, лести, лицемерия, опутавшего даже отца, которого вообще было трудно обмануть».

Так написала дочь Сталина.

Пожалуй, это был самый сильный противник в борьбе за власть. Нет, в борьбе не со Сталиным. В борьбе за власть, которая останется после его ухода. Но борьбу эту Лаврентий Павлович начал задолго до первого марта пятьдесят третьего года. Борьбу со всеми, в том числе и с Хозяином. И союзника в этой борьбе выбрал себе давно. Даже не выбрал, а профессионально завербовал.

В сорок шестом году Сталин отправил товарища Маленкова из Москвы, где он занимал очень высокое положение, в Узбекистан. Это было похоже на ссылку. Это и была самая настоящая ссылка, а товарищи по партии были уверены, что больше никогда не увидят бабье лицо товарища Георгия. Однако Маленков вернулся в Москву в течение года. Произошло необъяснимое — вождь его простил.

Вернул Маленкова в Москву Берия.

Как? Не знает никто.

А в сорок девятом Сталин вызвал из Киева Хрущева. Вспоминая те годы, Хрущев пишет, что он постоянно противостоял уже сложившемуся тандему Берия — Маленков. Сталину нужен был противовес, и он его получил.

Несомненно, Берия имел влияние на Хозяина. Он постоянно запугивал его террористами и всячески подпитывал маниакальную подозрительность вождя. Но тот не всегда верил Лаврентию и то и дело

либо отдалял его, либо вступал чуть ли не в открытую схватку с ним. Мы можем только догадываться, но, возможно, Сталин решил разделаться с сильным конкурентом после пленума. Ровно четыре дня спустя Сталин сказал полковнику госбезопасности Коняхину: «Не люблю я Берию: он не умеет подбирать кадры, старается повсюду ставить своих людей». А грузинам, пострадавшим в ходе «мингрельского дела», в ответ на просьбы о помощи заявил: «Ищите большого мингрела».

Насколько Сталин всегда хотел избавиться от Берии, настолько же Берия всегда был необходим ему. Ведь активная борьба за власть, за лавры «наследника великого Сталина» началась сразу после войны. Тогда Хозяин смещает Берию с поста министра МВД, поручая ему «атомную» программу, но на его место ставит Круглова — человека Берии. Жданов — в то время один из реальных претендентов на трон — и его команда добиваются высылки Маленкова и смены руководства МГБ. Сталин идет на это охотно и меняет еще одного человека Берии, Меркулова, на начальника СМЕРШа Абакумова. Весы вновь пришли в состояние равновесия. Но взрыв советской атомной бомбы нарушил это зыбкое статус-кво.

Какие же вопросы обдумывал Хозяин в ту ночь? Хрущев утверждает, что он был в хорошем расположении духа. Много шутил. Хотя самому Хрущеву в то время уже было не до шуток. Будущий борец с культом личности кожей чувствовал, что Берия рвется к власти.

Берия неоднократно провоцировал Хрущева еще в то время, когда Никита Сергеевич работал в Киеве. Хрущев пишет об этом в своих воспоминаниях. Иногда Лаврентий замахивался даже на вождя, ожидая реакции Никиты, но тот, по собственному выражению, «никогда не закрывал ушей и никогда не открывал рта».

Известный украинский принцип: «Николы, никому, ничого!»

Возможно, вождь был весел и выглядел абсолютно здоровым в ту ночь, но главные действующие лица понимали, что дни его сочтены и предстоит нешуточная борьба.

— Ты знаешь, какая ситуация сложится, если Сталин умрет? Ты знаешь, какой пост хочет занять Берия?

С этими вопросами Хрущев обратился к Булганину.

— Какой?

— Он хочет стать министром госбезопасности. Если он им станет, то это начало конца для всех нас…

Хрущев тонко уловил ситуацию и начал действовать. Он правильно полагал, что его поддержат те, кого Хозяин включил в свой пока не озвученный черный список. А то, что в черном списке Берии находились все, включая Маленкова, который в будущем тоже переметнется под знамена Никиты Сергеевича в день первого советского государственного переворота, ни у кого сомнений не было.

Как мы понимаем, единственный вопрос, который стоял перед членами малого Политбюро и большого Президиума ЦК в пятьдесят третьем году, — как выжить? Останется у власти Сталин, придет к власти Берия — финал всем рисовался одинаковым. Такой вывод мы делаем, опираясь на те документы и воспоминания, которые нам доступны сегодня. Жаль, что не успел оставить свои мемуары Лаврентий Палыч, на которого с превеликой охотой списали все прегрешения власти рабочих и крестьян начиная с тридцатых годов. Справедливости ради отметим, что и сам Берия успешно пользовался этим же приемом, начиная с разоблачения деятельности Ежова.

Под утро гости разъехались. Удар случился вечером первого марта. Охрана, так и не дождавшись, чтобы Хозяин вышел или позвал их, решилась войти в малую столовую. Сталин был без сознания.

Сообщили по инстанциям.

Николай Новик:

—…В конце концов охранники подняли его, накрыли. На кушетку положили, на тахту, накрыли. Он еще жив. Мне так охранники сказали. Ну, потом приехал Берия, это тоже известно из документов…

До медицинских экспертов из Политбюро в комнату вождя, по воспоминаниям Никиты Хрущева, засылали «на разведку» Матрену Петровну — подавальщицу, которая работала у Сталина много лет. Хрущев охарактеризовал ее как «очень ограниченного, но очень честного человека».

Матрена Петровна пришла к выводу, что Сталин просто спит на полу. Вот после этого по распоряжению сверху охранники его подняли и положили на кушетку, чтобы удобнее было спать. И только после очередного панического доклада охраны прибыли четверо главных специалистов.

Берия и остальные трое недолго задержались у тела вождя. Не отдав никаких распоряжений, они умчались в неизвестном направлении. Некоторые исследователи считают, что Берия помчался в Кремль, чтобы изъять какие-то документы из кабинета Сталина, но журнал посетителей не подтверждает этого. Впервые в кабинет вождя вошли: Берия, Ворошилов, Каганович, Маленков, Молотов, Хрущев и другие, всего тринадцать человек, 2 марта в 10.40 утра. Сталин был еще жив, а дело его уже начали делить. Конечно, тут было не до врачей. Когда дежурный офицер доложил Берии, что товарищу Сталину стало совсем плохо, что он уже хрипит, Лаврентий Павлович ответил: «Не поднимайте паники, он просто заснул и храпит во сне».

Сталин пролежал без медицинской помощи почти сутки. Вначале на полу, а затем на диване в большой столовой.

Думается, после всего, что было рассказано в фильме, телезрителям яснее стали мотивы поведения соратников в эти последние сталинские часы. Ясно, что присутствие Власика в корне изменило бы ситуацию — Власик ждать бы не стал.

Мы не знаем, шла ли речь на том последнем ужине отца и учителя со своими учениками, кому достанется власть или нет, но когда вся «четверка» по тревоге примчалась на дачу, эта самая власть валялась беспомощным, парализованным телом у них в ногах, захлебываясь собственной кровавой слюной.

Профессор Мясников напишет позднее в своих воспоминаниях, что Булганин спросил, почему товарища Сталина рвет кровью. Профессор считал, что это был один из симптомов отравления. Конечно, с точки зрения драматургии жизни вождя и в контексте истории государства Российского, насильственная смерть была бы очень к месту, однако до сегодняшнего дня эта версия подтверждения не нашла. Вот как выглядели события, происходящие на Ближней даче вечером 2 марта.

«В большом зале, где лежал отец, толпилась масса народу. Незнакомые врачи, впервые увидевшие больного, ужасно суетились вокруг. Ставили пиявки на затылок и шею, снимали кардиограммы, делали рентген легких, медсестра беспрестанно делала какие-то уколы, один из врачей беспрерывно записывал в журнал ход болезни».

Так описывает Светлана Аллилуева второй день болезни отца.

А в первый день никакой помощи больному не оказывалось. Врачи приехали только через тринадцать часов! Неужели главу государства обслуживала самая медленная «скорая помощь» в мире?

У нас в руках был протокол заседания Бюро Президиума ЦК КПСС от 2 марта 1953 года, проходившего под председательством товарища Маленкова Г. М. с шести часов вечера. На заседании присутствовали члены Бюро Президиума, члены Президиума и представители Лечсануправления. Все

фамилии присутствовавших на слуху.

«Слушали: заключение врачебного консилиума об имевшем место (внимание!) 2 марта у товарища Сталина И. В. кровоизлиянии в мозг».

*Это заключение подтверждало слова Берии о том, что «Сталин*храпит *во сне». Ведь были уже такие случаи, когда вождь спал дольше, чем обычно. На самом деле к тому времени Генералиссимус был без сознания почти сутки.*

Держали мы в руках и показывали телезрителям еще один протокол: от 5 марта 1953 года.

Смерть Сталина, как известно, наступила 5 марта в 21 час 50 минут, а в 20.00 началось совместное заседание Пленума ЦК и Совета Министров. Председателем Совмина по предложению Берии был назначен Маленков. Его первым заместителем — Берия (что неудивительно). Дальше — Булганин, Каганович и — внимание! — Молотов. Все те же фамилии. Сталину жить еще почти 2 часа, а министром внутренней и внешней торговли становится Анастас Микоян. Молотов назначен министром иностранных дел.

В те дни, когда люди гибли в давке, искренне оплакивая вождя, ближний круг вздохнул свободно: они остались живы — это раз, они делили власть — это два. Впрочем, впереди у них скорая и яростная борьба с торжествующим пока больше других Берией.

Пятого марта, сразу после того, как с дачи увезли безжизненное тело Сталина, Берия отдал приказ об эвакуации дачи в Кунцеве.

Светлана Аллилуева пишет в своих воспоминаниях:

«Весь персонал и охрана, требовавшая немедленного вызова врача, были уволены. Всем было велено молчать. Дачу закрыли и двери опечатали. Никакой дачи „не было“. Официальное коммюнике правительства сообщило народу ложь: что „Сталин умер в своей квартире в Кремле“. Сделано это было для того, чтобы никто из персонала не смог бы жаловаться: никакой дачи в данных обстоятельствах „не существовало“…

Они молчали. Но через десять лет — в 1966 году — сестра-хозяйка, работавшая на даче в Кунцеве в течение двадцати лет, пришла ко мне и рассказала всю вышеприведенную историю».

А нам осталось лишь рассказать, как сложилась судьба остальных героев нашегосегодняшнего фильма:

Николаю Петровичу Новику после смерти Сталина предложили на выбор место начальника Тульского управления МГБ или — с огромным понижением — должность замначальника отдела эмиграции в разведывательном подразделении. Новик выбрал второе и вскоре уехал за границу. Подальше от Москвы.

Николай Сидорович Власик в 1955 году был приговорен к ссылке на 10 лет и сослан в г. Красноярск. В мае 1956-го он был помилован и вернулся в Москву. До конца своих дней ничего плохого о Сталине не говорил. Неоднократно пытался восстановиться в партии, после последнего отказа в декабре 1966 года тяжело заболел. Скончался 18 июня 1968 г.

Светлана Сталина в 1967 г. осталась за границей. Ныне живет в Англии в доме престарелых.

Василий Сталин был арестован на 53-й день после смерти отца. Ближний круг, вскормленный Сталиным, не стал ждать даже ради приличия — ведь огромное число людей еще не отошло от шока, продолжая оплакивать вождя. Василия могли изолировать и более мягким способом, домашним арестом, например, или подождать год-другой. Нет. Арестовали почти сразу после похорон. Два года он находился под арестом без суда и лишь в 1955 г. был приговорен к 8 годам заключения. Умер 19 марта 1962 г. в

ссылке в Казани.

Самого же Иосифа Сталина ждала долгая и беспокойная жизнь после жизни…

Серия третья

Смерть Сталина. Свидетели

Премьерный показ. Канал ОРТ

В конце февраля 1953 года сотрудники охраны Сталина несли службу в обычном режиме. Хозяин, как называли они вождя, свою Кунцевскую дачу покидал редко. Здоровье было уже не то, да и любого из руководителей страны вызвать сюда можно было очень быстро. От Кремля езды всего 12—15 минут на машине. Некоторые сотрудники охраны жили здесь почти безвыездно, и тогда, в конце февраля 1953 года, они не подозревали, что через несколько дней войдут в историю. Хрусталев, Старостин, Лозгачев — эти фамилии вот уже пятьдесят лет кочуют из книги в книгу, из фильма в фильм.

О смерти Сталина не писал только ленивый. Версий существуют десятки, но мало кто ссылается на подлинные слова офицеров охраны, находившихся в тот день рядом с вождем. Информацией они делились только с очень узким кругом допущенных лиц. В нашем фильме принимали участие люди, находившиеся в те дни на Ближней даче, а также человек, который в 1955—1956 годах получил задание опросить сотрудников личной охраны Сталина. Этот наш фильм мы назвали: «Смерть Сталина. Свидетели».

Александр Николаевич Шефов в первый раз оказался на Ближней даче через два года после трагических событий марта пятьдесят третьего. С октября 1955-го по январь 1960 года он работал младшим научным сотрудником спецдачи «Волынское».

— Жутко было находиться в пустой темной комнате, где была мертвая тишина. И казалось, что кругом действительно что-то затаилось, что-то такое таинственное. И честно говоря, было не очень уютно. Потом я привык, единственное, что очень стойким было постоянно, — это запах табака, которым в течение десятилетий были пропитаны эти стены.

Задание у Александра Николаевича было простое: восстановить обстановку тех дней, опросив сотрудников личной охраны. Бывало, что приходилось задерживаться на даче допоздна.

Ощущения, подобные тем, что испытывал Александр Шефов, возникают почти у всех, кто первый раз попадает на эту дачу. Ближе к ночи люди почему-то острее реагируют на скрипы и шумы. Непонятно зачем начинают разговаривать вполголоса. Так получилось, что съемочная группа «Кремля-9» оказалась на даче в ночь на 1 марта 2003 года. Ровно через 50 лет после того, как Сталина нашли без сознания здесь, на полу, в малой столовой.

31 января 1956 года Александр Шефов разговаривал на даче с Петром Лозгачевым — помощником коменданта по хозяйственной части, который 1 марта 1953-го дежурил здесь вместе с Михаилом Старостиным. Вначале Лозгачев говорил очень осторожно.

Александр Шефов:

— По существующему положению работник такой охраны, которая была здесь, не имел вообще права что-либо рассказывать. Больше того скажу — родные такого офицера даже не знали, где работал их отец или сын, это было обязательно для всех.

После Петра Лозгачева Шефовым были опрошены Михаил Старостин, комендант дачи Орлов, прикрепленный Гурундаев и даже Светлана Сталина.

В последние годы жизни Сталин очень сильно сдал. После окончания войны он перенес первый инсульт, но железную руку на горле своих соратников держал до самого последнего дня. Хотя, по

свидетельству охраны, бывали и у него приступы слабости. Комендант дачи Орлов вспоминал, что всего лишь один раз видел Сталина по-настоящему пьяным. В тот день, когда умер его любимец Андрей Жданов, часто игравший на этом рояле, который и сегодня стоит там же, где стоял пятьдесят лет назад. Сталин сидел пьяный и причитал:

— Вот он молодой, а умер... Я старый, лучше бы умер я...

Напомним, что это плакал человек, недрогнувшей рукой отправлявший в лагеря тысячи людей. Жестоко избавлявшийся от самых близких соратников при первом же подозрении в нелояльности к нему лично.

Необходимо еще раз сказать, что в конце жизни это был очень одинокий человек. После самоубийства Надежды Сергеевны Аллилуевой Сталин больше не женился, погиб старший сын Яков, из-за романа любимой дочери Светланы с Алексеем Каплером он почти перестал с ней общаться, в ярости порвав все ее письма и фотографии. Встречи со спивающимся Василием особой радости тоже не доставляли. Иногда он вдруг вызывал коменданта Орлова и спрашивал:

— Где Васька? Привезите Ваську.

Как правило, того заставали пьяным, приводили в чувство и привозили к отцу.

— Опять пьяный! — раздражался Сталин. Но на просьбу дать денег расплатиться с долгами переспрашивал: — Сколько тебе нужно? Десять тысяч? Это же очень большие деньги. — После чего поворачивался к Орлову: — У меня есть такие деньги?

— Есть, товарищ Сталин!

— Ну, тогда дай, и чтобы это было в последний раз.

Конечно же, на этой даче в последние месяцы жизни Сталин не был изолирован. Приезжали члены ближнего круга, а также те, кого он вызывал по необходимости. Но ночью, а иногда и днем в огромной жилой части этого дома Сталин оставался совсем один. Охрана туда без вызова Хозяина не имела права войти. В начале перехода в хозяйственную часть находился последний внутренний пост.Остальные посты в несколько колец располагались на улице, вокруг здания. Внутренние перемещения Сталина фиксировались на пульте с помощью датчиков, вмонтированных в двери. Но в огромной жилой части дома Сталин находился совсем один.

То, что Сталин стал в последние годы крайне подозрительным, подтверждают все, кто с ним тогда общался. Прежде всего он не верил своему ближнему кругу, понимая, что они уже подспудно готовятся к его уходу. Поэтому так боялся отравления и… врачей, поскольку не мог простить им неожиданной смерти своего любимца Андрея Жданова.

В предыдущих сериях нашего фильма мы уже говорили и о взаимоотношениях в сталинском окружении, и о том, как он занимался самолечением, посылая охранника в сельскую аптеку с рецептом, который ему выписывал бывший фельдшер Поскребышев.

С каждым месяцем подозрительность Сталина все возрастала и возрастала. Тем более он знал о попытках Берии внедрить своих людей в ряды прикрепленных, особенно после отставки Николая Власика — многолетнего начальника личной охраны Сталина.

Влиятельнейший Власик был ярым врагом Лаврентия Павловича. Но Берия все-таки дождался удобного момента и сполна воспользовался ситуацией, возникшей весной 52-го года, когда Сталин прогуливался с комендантом Орловым по веранде второго этажа.

Александр Шефов:

— А тогда деревья были ниже веранды. Сталин увидел на противоположном берегу двухэтажный дом и спросил: «А кто этот дом построил?» — «А это, — говорит, — Власик...» — «Как Власик? Для чего?..» — «А там, — говорит, — охрана». — «Какая охрана? Моя? И для моей охраны такой дом?!»

То, что у Сталина в последнее время было повышенное давление, отмечали многие. Во время застолий его лицо, обычно очень бледное, часто становилось красным. Однако к тому времени врачей на дачу не подпускали близко. Сказать Сталину, что при таком давлении париться в бане противопоказано, было некому. Да и вообще был ли в то время человек, который мог бы сказать Сталину, что он что-то делает неправильно? Поэтому Сталин своих привычек не менял и отправился в баню ровно за сутки до удара.

Об этом впервые рассказал капитан госбезопасности Юрий Соловьев во время нашей встречи на сталинской даче.

Юрий Соловьев:

— При наличии гипертонии, повышенного давления, при головных болях париться ведь нельзя. А он, значит, попарившись, обычно по традиции... В зимнее время ему подавали туда машину... Он завернулся в доху и приехал сюда вот, к этому подъезду, от бани.

28 февраля Сталин чувствовал себя неважно. Никаких застолий и посиделок он не планировал. Сохранилось меню на этот день.

1. Паровые котлеты

2. Сок

3. Фрукты

4. Простокваша

Он явно собирался провести этот вечер дома, но все-таки уехал в Кремль, откуда вернулся на дачу уже ночью в сопровождении Берии, Маленкова, Булганина и Хрущева.

К бане добавилось застолье до четырех часов утра.

Для охраны это было удивительно, потому что еще вечером он сам принимал какие-то лекарства.

Рассказывает Кузнецов Георгий Ефремович, капитан госбезопастности, сотрудник личной охраны Сталина:

— 28 февраля 1953 года я был на службе. Проходя мимо окон, увидел товарища Сталина. Когда он открыл настенный шкафчик и достал содержимое — флакон у него был, стакан с водой. Он накапал в стакан и тут же его запил. Он сначала посмотрел в окно, возможно, видел меня. Я отодвинулся от окна, отошел.

Берия, Маленков, Хрущев и Булганин уехали около четырех утра.

Первое марта — наступила весна.

Обслуга быстро убрала со стола, привела в порядок большую столовую, и через короткое время в огромной гулкой жилой части дома Иосиф Сталин остался один.

Постелили ему в любимой малой столовой на диване около окна, в которое он тайком стряхивал пепел после того, как врачи запретили ему курить. Но часто Сталин нарушал запрет, и охрана об этом знала, находя пепел на сетке от комаров. И каждый раз на ворчание коменданта Орлова Сталин обещал, что это в последний раз. Курил ли он в ту ночь — неизвестно, ведь больше его в сознании никто не видел.

Кстати, еще накануне, как считают сотрудники охраны, была получена черная метка.

Юрий Соловьев:

— Траурное совпадение, что заяц попал под машину у нас, под основную. Я сказал, что я один не буду подымать — у меня была новая шинель, а он кровоточил. Мы вдвоем его подняли — он тяжелый был, заяц. А с приездом, значит, мы... А проехала вторая машина сюда, и мы отдали ему этого зайца сюда, на кухню.

Утром первого марта все было как обычно. В хозяйственной части завтракала охрана, на кухне начинали день по раз и навсегда заведенному распорядку. В 10 утра Хрусталева и Гурундаева сменили Старостин и Лозгачев. Лозгачев в те дни выполнял обязанности коменданта, так как комендант дачи Орлов находился в отпуске.

Через несколько лет Орлов в сердцах скажет:

— Эх, если бы я был в тот день на даче, все было бы совсем по-другому!

Напомним, что примерно такую же фразу впоследствии говорил вышедший из тюрьмы Власик. Впрочем, все случилось так, как случилось

Обычно Сталин просыпался в 11—12 часов, но обслугу вызывал не всегда. На столе, как правило, у него лежали бутерброды, и иногда он сам разогревал себе чай и завтракал в одиночестве. А уже звонил по внутреннему телефону и вызывал кого-то ближе к обеду. Именно поэтому до 14—15 часов охрана особо не тревожилась, ну а потом их, похоже, сковал дикий страх.

Сталин уже несколько часов не подавал признаков жизни, но заходить к нему без повода было строжайше запрещено. Войти к Сталину без вызова — на это могли решиться лишь Власик с Орловым, но их, как мы уже сказали, на даче в тот день не было. Несмотря на все возрастающую тревогу, Старостин и Лозгачев ждали до десяти часов вечера, пока не появился повод войти в жилую часть дома: приехала фельдсвязь.

Мы оставим на время встревоженных Лозгачева и Старостина, входящих в длинный коридор, ведущий в основную часть дома, и поговорим о версии отравления или укола, спровоцировавшего кровоизлияние в мозг.

Базируется эта версия на жгучем желании соратников ускорить сталинскую смерть. Они устали бояться за свою жизнь. В пользу этой версии говорит и странный приказ, отданный Хрусталевым в то утро охране: идти спать. Якобы сам Сталин, впервые за последнее время, отдал такое распоряжение Хрусталеву.Это не может не настораживать исследователей, потому что Орлов в своих воспоминаниях говорил о том, что Сталин в последние месяцы среди ночи по нескольку раз неожиданно вызывал его к себе. Проверял охрану. И вдруг приказ идти спать. Именно в эту ночь...

Некоторым показалось странным и поведение Хрусталева сразу после смерти, 5 марта 1953 года. В гараж, где находился Георгий Кузнецов, вошел полковник Хрусталев и сказал:

— Умер товарищ Сталин.

А когда у Кузнецова появились на глазах слезы, Хрусталев вдруг прикрикнул на него.

Рассказывает Кузнецов Георгий Ефремович:

— Вы знаете, я удивился его спокойствию. Он даже прикрикнул на меня, когда я скривил губы. Да, я очень удивился, что он отнесся к этому очень спокойно и даже раздражительно. Не то чтобы, сказать, с сожалением, а даже с раздражением и даже на меня посмотрел со злостью и с выражением «чего ты вздумал?». Я подумал: что-то такое не то.

Впрочем, все легенды о какой-то особой роли Хрусталева так и остаются легендами. К тому же на

объективность свидетелей могут влиять не только прошедшие годы, но, например, и личные взаимоотношения.

О возможности проникновения кого-то в малую столовую, где спал Сталин, через дверь на веранду говорят те, кто хорошо знаком с расположением комнат на сталинской даче.Только эти исследователи не знают, что по всему периметру дома с наружной стороны стояли посты, причем офицеры охраны держали друг друга в поле зрения. Ни один из них не мог незаметно покинуть свой пост и проникнуть в дом, а тем более пропустить к зданию кого-либо постороннего. К тому же с помощью датчиков на окнах и дверях могли быть зафиксированы все передвижения внутри жилой части дома.

В ту ночь все было тихо. Никто по дому не ходил.

Итак, до десяти часов вечера Сталин признаков жизни не подавал, а сотрудники охраны, Лозгачев и Старостин, все не решались войти. Кто знает, не сказался ли на их поведении недавний случай с одним из их товарищей? А дело в том, что не угодил человек Лаврентию Павловичу Берии.

Юрий Соловьев:

— Он мог, этот Лаврентий, появиться здесь в отсутствии Хозяина. Так и было. Вот здесь вот, в маленькой комнате, на столе лежали такие красные пакеты. В них, значит, присылались материалы, которые должен был на досуге, как говорят, или в рабочее время рассмотреть охраняемый.

В тот день дежурил помощник коменданта Иван Федосеев. На даче в отсутствии Сталина проводилась уборка, после которой пакеты фельдсвязи оказались сложены не совсем аккуратно.

Этого было достаточно, чтобы Берия обвинил Федосеева в шпионаже.

Юрий Соловьев:

— Он придрался и, значит, сделал инцидент, что он знакомится с неположенными документами, вот... Ну и все. И с этого, значит, он уехал и вскоре... и вскоре, значит, Федосеева отсюда без головного убора молодчики увезли на Лубянку — и концы в воду, вот... Забрали, посадили его жену, Федосеева...

Впрочем, существует и более сложная версия гибели Федосеева, но сейчас мы говорим именно о психологическом состоянии охраны. Обратим внимание, что ни Федосеева, ни его жену никто не защитил. Ни тогдашние руководители охраны, ни сам Сталин. Никто даже не стал разбираться, читал эти документы Федосеев или не читал. Может быть, именно здесь и лежат корни нерешительного поведения Старостина и Лозгачева 1 марта 1953 года. Система, которую Сталин создавал и поощрял долгое время, в последние часы его жизни начала работать против него. Не вошла вовремя охрана, на огромной даче с многочисленной прислугой отсутствовал врач, способный оказать первую медицинскую помощь, дорогие соратники Берия и Маленков, примчавшиеся в конце концов по вызову, вместо помощи, по существу, добили лежащего без сознания друга и любимого вождя.

Схема дачи. На ней обозначены места пребывания «охраняемого», сотрудников охраны. Стрелками указаны пути их перемещения.

Около 22 часов, воспользовавшись прибытием фельдсвязи, Лозгачев один пошел по длинному коридору в направлении главной прихожей, малой и большой столовой. По заведенному порядку почту он должен был оставить во второй комнате. Но подойдя к ней через противоположную приоткрытую дверь в малую столовую, Лозгачев вдруг увидел лежащего на полу возле дивана Сталина. По домофону он срочно вызвал Старостина, который прибежал вместе с дежурным офицером и горничной Матреной Бутусовой. При их приближении Сталин попытался сделать призывный жест рукой. Это говорит о том, что сознание еще не покинуло его. Пока Лозгачев, дежурный и Бутусова укладывали Сталина на диван, Старостин бросился звонить...

Нет, не врачам.

Александр Шефов:

— Старостин стал сразу звонить непосредственно Игнатьеву, который исполнял обязанности и министра, и начальника Главного управления. Но Игнатьев сюда не поехал, а приехали Берия и Маленков. Игнатьев, видимо, или испугался, или получил приказ: сиди, мы сами.

Как мы помним, ехать на дачу из центра Москвы 12—15 минут. Обеспокоенные соратники явились через 2 часа!

Берия прямо в ботинках и шляпе прошествовал в малую столовую. Маленков снял ботинки и почему-то засунул их под мышки. Попробуйте представить себе эту картину!

Впрочем, для охраны в таком поведении этой пары не было ничего необычного.

Юрий Соловьев:

— А этот Маленков — тряпка, та тряпка, которую Берия брал за шиворот и пихал к себе в машину на наших глазах.

С появлением Берии и Маленкова Старостин и Лозгачев вздохнули посвободнее. Появились люди, способные взять ответственность на себя. Берия ее на самом деле взял, но его слова повергли в шок окружающих. Он набросился на охрану:

— Вы что, не видите — товарищ Сталин спит! Ничего серьезного, а вы паникуете по пустякам. Если что — звоните, и мы приедем с врачами.

После чего развернулся и направился к машине. За ним посеменил, надевая на ходу ботинки, Маленков.

Ошеломленная охрана вновь осталась с хрипящим Сталиным один на один. И опять они не решились предпринять что-либо самостоятельно.

Ночью возле умирающего Сталина остался один Лозгачев.

Александр Шефов:

— Лозгачев говорит: я всю ночь сидел в кровати один, часы длились медленно, и меня обдал страх, потому что я не знал, что делать, как быть; мне запрещено было звонить, велено никого не вызывать.

Несколько раз за ночь Сталин приходил в себя и пытался подняться. Это говорит о том, что болезнь только начинала развиваться, но ему так никто и не помог. До 7 часов утра 2 марта.

Пережить то, что пережил оставшийся один со Сталиным в эту ночь Лозгачев, не пожелаешь никому. Неудивительно, что его обуял страх. Пустой мрачный дом. Напротив, на диване, умирает человек, службе и безопасности которого он посвятил многие годы.

Судя по поведению Берии в эту ночь, свидетелей он уничтожит в первую очередь. Это Лозгачев понимал ясно. В лучшем случае сошлют туда, где о нормальной карьере можно забыть. Ну а если Сталин этой ночью умрет, то шансов не останется никаких. Крайним окажется он, Лозгачев, находившийся всю ночь рядом. Обвинять потом его можно в чем угодно — хоть в халатности, хоть в преднамеренном отравлении. Но Сталин до приезда врачей все-таки дожил.

Привез их министр госбезопасности Игнатьев, как мы уже сказали, в 7 утра 2 марта. Всесильный Сталин в собственном доме пролежал без медицинской помощи почти сутки. Его просто добивали.

Врачей привезли троих: начальника Лечебно-санитарного управления Кремля Куперина, Иванова-Незнамова и Лукомского. К тому времени Сталина уже перенесли в большую столовую и положили на

другой диван. Диван отодвинули от стены, чтобы врачам легче было ходить вокруг. Когда медики подошли к Сталину, у него вырвалось так называемое дыхание Чейна — Стокса, указывающее на кровоизлияние в мозг. То есть специалистам достаточно было одной минуты, чтобы определить, спит Сталин или находится при смерти. Остается лишь предполагать, что было бы, окажись они на даче днем 1 марта.

В 11 часов утра 2 марта приехала Светлана. За ней, как всегда нетрезвый, — Василий. Началась трехдневная агония, в течение которой дети с дачи не уезжали. Прибывали и отбывали члены Президиума ЦК партии. Уже второго марта в кабинете Сталина в Кремле состоялось первое заседание узкого круга. Делили власть. 3 и 4 марта Сталин несколько раз приходил в сознание. В этот момент Берия бросался к кровати и на всякий случай начинал целовать Хозяину руки.

Александр Шефов:

— Однажды во время заболевания Сталин пришел в себя, поднял руку и показал рисунок на стене — там девочка кормит овечку. Этот рисунок ему очень нравился, он вырезал его из журнала и попросил сделать репродукцию... Вот справа, если стоять к стене от дивана, этот рисунок висел... И Сталин улыбнулся, показал на эту овечку и сказал, что «вот вы меня теперь кормите как эта девочка кормит вот эту овечку»... Вот такой проблеск сознания, как говорят очевидцы, у него был.

Пятого марта состояние больного резко ухудшилось. Мозг переставал управлять жизненно важными функциями, и Сталин начал задыхаться. В последний момент он вдруг поднял руку вверх, обвел присутствующих страшным, полным ужаса взглядом и погрозил кому-то пальцем. В следующее мгновение его дыхание остановилось. Часы показывали 21.50.

Когда уехало почти все руководство, разрешили попрощаться охране и обслуге дома.

Синхрон. Кузнецов:

— Когда мы пришли, нам навстречу открыл дверь Анастас Иванович Микоян. Он говорит: «Проходите, проходите», — довольно вежливо.

Георгий Кузнецов:

— Когда мы вошли, увидели — с левой стороны на диване лежал товарищ Сталин, накрытый до подбородка белой простыней. Долго стояли, прослезились и пошли к себе в гараж.

Одной из первых пришла Валя Истомина — сестра-хозяйка, проработавшая на даче 18 лет. Она рухнула на колени и заголосила. Не спешите с высоты сегодняшнего знания осуждать этих людей. Для большинства сотрудников охраны и обслуги Сталин был центром и смыслом их существования. Без него они свою жизнь не представляли, предчувствуя не самые лучшие перемены в своей судьбе. И потом лично этим людям Сталин ничего плохого не сделал. На вскрытие тело увезли около двух часов ночи.

Группу возглавлял Туков, любимец Сталина.

Александр Шефов:

— И когда выехали мы на шоссе, нас стали обгонять члены Политбюро, хотя раньше это вообще было не принято и невозможно, то есть все почувствовали, что наказывать за это никого не будут.

Картина и в самом деле достойна философского осмысления. По ночному Кутузовскому проспекту мимо домов, где мирно спят ничего не подозревающие москвичи, медленно везут тело Иосифа Сталина, а мимо, навстречу огням большого города, туда, где Кремль и упавшая к ногам огромная власть, несутся те, кто еще вчера подобострастно подпирал его трон.

Георгий Кузнецов:

— Мы приехали на Садово-Триумфальную и зашли в маленький домик, где были люди в белых

халатах — врачи. Они принялись обмерять тов. Сталина — рост, телосложение, состояние его тела; все записывалось, фиксировалось. Сталину после измерения стали делать вскрытие грудной клетки. Раздвинули грудную клетку зажимами такого тисочного плана и оттуда достали сердце, принесли сосуд с жидкостью, в который опустили сердце товарища Сталина».

Девятого марта Сталина внесли в Мавзолей на Красной площади. До этого были 3 дня истерического прощания с жуткой давкой на Трубной площади. Уходила целая эпоха, и слава богу, что тем, кто не застал то время, никогда уже не понять, что же происходило с людьми в марте 1953-го.

Все прикрепленные оставались в те дни рядом с Хозяином. Именно Туков, Старостин и участник этого фильма Соловьев выносили вместе с членами Президиума гроб из Колонного зала. Напомним, что это было 9 марта. А уже 25 марта во главе с комендантом Ближней дачи Орловым их всех вызвали на Лубянкук Берии и заместителю министра внутренних дел Обручникову.

Александр Шефов:

— Орлов мне говорил, что уже отношение к ним было явно противоположным. Если раньше, скажем так, каждый приезжающий сюда заискивал перед охраной, считался с ними, как-то беседовал, то теперь *он* показал на всех пальцем и сказал: «Обручников, чтобы через три дня здесь их не было!» То есть их разогнали по разным местам.

Вскоре Берия схлестнется со своими друзьями по Президиуму в смертельной схватке за власть и проиграет все всего за три месяца. 26 июня его арестуют, а 23 декабря расстреляют в бункере штаба Московского военного округа. Похоже, это и спасет членов личной охраны Сталина, которые очень много знали про новых вождей-небожителей.

До конца дней многие из офицеров охраны Сталина будут считать, что им просто повезло, потому что Берия проиграл.

Серия четвертая

Голгофа

Премьерный показ. Канал ОРТ

Каждый раз, перекладывая заново на бумагу то, что уже является фильмом, не перестаешь жалеть об утраченных возможностях. Ведь, кроме текста, несущего информацию, телезрители еще слышат музыку, видят редкую хронику, самих героев фильмов. Слышат интонации рассказчиков, свидетельства очевидцев. Именно такие свидетельства и являются наиболее ценными деталями наших фильмов. Пока еще ни одному актеру, даже самому великому, не удалось в документальном кино быть хотя бы не менее правдивым реальных свидетелей описываемых событий.

Обмануть трудно не только специалиста, но и простого зрителя тоже. Особенно зрителя со стажем. У людей есть свой жизненный опыт, они росли и взрослели вместе со страной, являясь частью ее истории. Однако Россия — это та страна, где мифотворчество является, наверное, частью национального характера. Правда как-то очень неохотно становится достоянием широких масс. Многие современники Сталина представляли его могучим красавцем-брюнетом и очень удивлялись, когда им доводилось видеть невысокого, рябого человека с подвысохшей рукой. Но мифы окружали не только Сталина. Например, существуют как минимум два стойких мифа о том, что у Сталина, кроме Якова и Василия, были еще двое сыновей. Причем оба родились в местах, где Иосиф Сталин отбывал наказание как ссыльный. Первый якобы родился в Усть-Курейке, назвали его Василием. В рассказах о Василии Джугашвили (не путать с Василием Сталиным!) существует масса подробностей и деталей, которые, естественно, оживляют повествование и делают его правдоподобным. Например, местные пацаны вроде бы называли Василия из Усть-Курейки «джугашвилем». А чего стоит апокриф о путешествии сына Сталина по Енисею в Москву! Тут тебе и митинги на пристанях, и весь Енисейск, украшенный флагами. Не хватает только плаката с надписью: «Все на тираж!» Тем не менее проводами в Москву история жизни Василия Джугашвили не закончилась, но чем дальше она развивалась, тем все плотнее и плотнее соприкасалась с судьбой Василия Сталина. Рассказывают, что Василий из Усть-Курейки закончил артиллерийскую и летную школы, а после развенчания культа личности спился и умер неизвестно где. Чуть ли не в купе проходящего поезда, что в общих чертах, очень напоминает фактические события из жизни реального Василия Сталина.

По еще одной легенде, еще один сын Сталина тоже появился на свет в поселке, где молодой Коба «тянул революционную лямку» — в Сольвычегорске. Строившие железную дорогу «враги народа» якобы часто видели пастуха, как две капли воды похожего на Сталина. В доме у матери этого пастуха и жил в свое время Иосиф. Поэтому рыжего пастуха все тоже называли Иоськой или Иоськиным сыном.

Мифы окружали обстоятельства появления на свет и самого Иосифа Джугашвили. Говорили, что его отцом был не пьяница сапожник, а богатый купец Русишвили, которого обстирывала мать Сталина. Люди, находящиеся во власти этой гипотезы, приводят десятки доводов в его пользу. Кто-то считает, что отцом Иосифа был революционер товарищ Артем, а кто-то — что чуть ли не известный путешественник Николай Михайлович Пржевальский. Здесь тоже существует масса аргументов, деталей, обстоятельств.

Размышляя о поставленных перед собой задачах, авторы сериала видели как одну из целей развенчание таких мифов. Но не ради сенсаций, а для определения исторической правды.

В этой серии фильма, посвященного старшему сыну Сталина Якову, нам удалось если и не совершить одно небольшое историческое открытие, то, во всяком случае, поставить знак вопроса в том месте, где

всегда стояла точка.

Фильм назывался «Голгофа».

«Музыка», — пишет сценарист.

Люди среднего поколения много раз слышали эту музыку в фильмах о войне. Обязательно что-то радостное, бравурное.

Нас утро встречает прохладой…

Или:

Утро красит нежным цветом
Стены древнего Кремля,
Просыпается с рассветом
Вся Советская земля…

Утро 22 июня 1941 года в Москве было солнечным.

Эта фраза классическая, почти такая же, как «Волга впадает в Каспийское море». Но что поделаешь, если первый день войны выдался именно таким. Ярким и безоблачным в прогнозах и записях синоптиков — и мрачным, тягостным и тревожным в памяти советских людей. Этот день превратил обыкновенные, слегка облезлые крыши многих московских домов в режимные объекты. Что уж говорить о знаменитом доме на улице Грановского! Отсюда старшему сыну Сталина — Якову Джугашвили — было всего пять минут ходьбы до кремлевской квартиры отца.

«Музыка», — опять пишут сценаристы, и эта тоже музыка звучит в фильме. Но она уже совершенно другого характера.

«Я солдата на фельдмаршала не меняю»

Эта фраза, якобы произнесенная Сталиным в ответ на предложение обменять плененного старшего сына Якова на фельдмаршала Паулюса, вот уже шесть десятилетий гуляет из книги в книгу, из фильма в фильм. Не эти ли слова стали поводом к многочисленным разговорам и статьям о том, что Иосиф Сталин не любил своего старшего сына Якова Джугашвили? Работая над фильмом, мы не ставили перед собой задачу выяснить, была ли эта фраза когда-то произнесена, зато попробовали ответить на другой сенсационный вопрос: а был ли вообще сын Сталина в плену?

Со своим старшим сыном Иосиф Сталин не виделся 13 лет. Последний раз перед долгой разлукой он видел его в 1907 (?) году, когда умерла мать Якова — Екатерина Сванидзе. Их сыну тогда не было еще и года, именно поэтому не мог запомнить маленький Яша отца, сгинувшего после похорон жены на целых тринадцать лет. Тюрьмы. Ссылки. Обычная жизнь российского революционера. Кстати, и на похороны жены Иосифа Джугашвили отпустили из Бакинской тюрьмы. Каким-то чудом сохранилось фото, где молодой человек, который станет Сталиным, скорбно стоит у гроба и плачет.

Итак, Якову не было еще и года, а у него уже не стало матери и вроде бы не было отца. Заботу о ребенке взяли на себя сестра Екатерины Сванидзе, Александра, и брат Алеша вместе со своей женой Марико. Обожал внука и дед, Семен Сванидзе. Все жили в селении Бадзи под Кутаиси. Мальчик рос в любви и ласке, как часто бывает, когда ближайшие родственники стараются компенсировать отсутствие отца и матери.

Своего первенца Иосиф Сталин вновь увидел только в 1921 году, когда Якову было уже четырнадцать. К этому времени жизнь Яшиного отца круто переменилась. Они расстались, когда отец был обыкновенным политическим заключенным, а встретились, когда Сталин со своими соратниками взяли власть в самой большой в мире стране в свои руки. Еще немного времени, и у его отца начнется головокружительный взлет. Он станет вождем всех времен и народов, лучшим другом физкультурников, медиков, танкистов, трактористов и так далее, и тому подобное. И по его указанию потянутся на Север эшелоны с заключенными, врагами народа. По его указанию тысячи людей будут лишены жизни. «Великий грешник», — назовет его грузинский патриарх.

Но и это будет потом, позже.

А тогда, в двадцать первом году, в маленькой кремлевской квартире встретились два незнакомых человека.

Отец и сын.

Иосиф и Иаков.

Почти библейская история. Однако все это происходило на грешной земле.

Решение привезти сына в Москву далось Сталину, наверное, нелегко. Существует версия, что Яков сам приехал в Москву к отцу, чем даже вызвал его неудовольствие. Однако как бы там ни было, Яков остался жить в семье Сталина. К тому времени отец уже женился во второй раз. Надежде Аллилуевой в двадцать первом году было двадцать, и она всего на шесть лет была старше Якова.

— Он представлял в доме некоторое неудобство. Во-первых, чтобы пройти к себе в комнату, в спальню, нужно было проходить мимо Яши...

Эти подробности рассказывал нам Артем Сергеев. После смерти отца, известного революционера товарища Артема, он воспитывался в семье Сталина вместе с его детьми: Яковом, Василием и Светланой.

Спал Яков в небольшой столовой, в зале, где собирались гости.

— В левом заднем углу этой комнаты стоял диван черного цвета с высокой спинкой. Он был завешен белой простыней, и вот это было место Яши. Он жил на этом диване за простыней.

Надо отдать должное Надежде. У нее только что родился свой первенец, Василий. Наверное, ей, учившейся в лучших гимназиях Петербурга, трудно было сразу принять провинциальные деревенские манеры Яши. Но, по воспоминаниям родных, отношения с Яковом у нее сложились сразу, ровные и спокойные. Так что вопреки многочисленным слухам в семье Сталина его старшего сына приняли нормально. Была якобы другая достаточно серьезная проблема. Он почти не говорил по-русски, а надо было учиться в обычной московской школе.

— Язык он знал недостаточно, и главное пробелы в образовании были... Он оказался переростком среди соучеников своих...

И это хорошо помнит Артем Сергеев.

Понятно, что учеба давалась Якову нелегко, зато он побеждал во всевозможных шахматных турнирах, был одним из лучших школьных футболистов и очень симпатичным молодым человеком.

— Девочки все очень влюблялись в него, а у него такой вот добрый характер, что он как-то не мог отказать поухаживать или там грубо отказать, у него этого не было.

А это уже рассказывала нам Кира Политковская — племянница жены Сталина Надежды Аллилуевой.

— К нему все девушки лезли. Даже не знали, что он Яков Джугашвили. Особенно никто и не знал.

К теме «лезущих» девушек очень болезненно относился по-своему любивший Якова Сталин. Первый конфликт на этой почве между отцом и сыном произошел через год после окончания школы. Якову было семнадцать лет. Отказавшийся вопреки совету отца от поступления в институт Яков объявил, что решил жениться на красавице Зое Гульне. Необходимо отметить, что Зое, слушательнице курсов английского языка из подмосковного города Дмитрова в тот момент было и того меньше — всего шестнадцать. Как и положено, в таких случаях отец и все родственники стали стеной против этого брака. Уж очень молоды были московские Ромео и Джульетта.

— Александр Семенович Сванидзе — это брат родной жены первой Сталина — тоже говорит: «Какая женитьба, ты должен сначала институт кончить, а потом уже жениться». И они так расстроили Яшу, что он решил стреляться.

В фильме это рассказал все тот же Артем Сергеев.

Где взял пистолет 19-летний Яков Джугашвили — неизвестно. Спусковой крючок он нажал ночью на кухне кремлевской квартиры. Целился в сердце, но не попал. Пуля прошла мимо жизненно важных органов. На выстрел сбежались домочадцы, охали, ахали. Потом на три месяца квартирой для Якова стала больница. Его навещали все: родственники, бывшие соученики, влюбленные в него девушки. Только отец не приехал ни разу.

Иосиф Сталин написал письмо своей жене Надежде Аллилуевой:

Известна еще одна фраза, брошенная отцом сыну: «Ха, не попал!»

Так, по-сталински, холодным презрением он хотел вылечить своего мягкого и доброго сына. На самом деле Сталин был вне себя от ярости, но Яков оказался достойным сыном своего отца. Во всяком случае, он показал всем, что упрямства ему не занимать. Выйдя их больницы, Яков все-таки женился на Зое и уехал жить в Ленинград к родителям Надежды Аллилуевой. Там он прожил четыре года.

В 1929 году Зоя родила девочку Галю. Беглецам денег на жизнь катастрофически не хватало. Обиженный и рассерженный Сталин не помогал. Яков устроился работать электриком, но его зарплата позволяла лишь едва-едва сводить концы с концами. Свою первую внучку Сталин так и не увидел. Девочка умерла, не прожив и года. Молодая семья такого удара не выдержала. Вскоре Зоя стала обвинять мужа в том, что он не может устроить ее быт. Начались ссоры, и в конце концов брак распался.

Надо отдать должное Сталину-старшему. В этот трудный момент он простил сына и настоял на переезде Якова в Москву. Все туда же, в Кремль, в свою квартиру. Там Якову пригодились навыками электромонтера.

— Когда что-то было с электрикой, — вспоминает Артем Сергеев, — что-то там с выключателем случилось, с вилкой, с проводкой, он тут же включался — и молчком, молчком, только рассказывал: вот это нужно так, это нужно так делать.

Навыками электрика Яков пользовался всю свою недолгую жизнь.

В 1930 году Яков Джугашвили, не сказав отцу ни слова, поступает в Институт инженеров железнодорожного транспорта. Когда Сталин узнал об успешной сдаче сыном вступительных экзаменов, он позвонил ректору:

— Это правда, что к вам поступил Яков Джугашвили?

Получив утвердительный ответ от ошалевшего ректора, Сталин задал следующий вопрос:

— И вам никто не звонил?

— Нет, товарищ Сталин.

Ректор на самом деле ни о чем не подозревал до этого звонка.

— Ну, хорошо.

И Сталин повесил трубку.

В 1936 году Яков Джугавшили заканчивает МИИТ и получает назначение на московский завод ЗИС — завод имени Сталина, теперь более известный как ЗИЛ. Работает добросовестно. Во всяком случае, начальству его не в чем упрекнуть.

К этому же времени относится его знакомство с Ольгой Голышевой, приехавшей в Москву учиться. В красавца Яшу продолжали влюбляться женщины. На это раз выбор сына одобрил и отец. Он распорядился даже выделить молодым небольшую квартиру в центре Москвы.

Однако брак с Ольгой так и остался не зарегистрирован. Когда она уже ждала ребенка, начались размолвки. Рожать Ольга уехала в Урюпинск к родителям. Яков туда не поехал, но по его настоянию сыну все-таки присвоили фамилию Джугашвили.

И опять Иосиф Сталин внука не увидел.

В 1937 году по совету отца Яков поступает в артиллерийскую академию. Учитывая редкое по тем временам высшее образование, после окончания первого курса его сразу переводят на четвертый.

Из аттестации слушателя четвертого курса командного факультета артакадемии лейтенанта Джугашвили Якова Иосифовича:

Обратим внимание на эту неудовлетворительную оценку по иностранному языку, полученную в 1940 году. Уже через год, в 41-м, немцы, составляя протокол допроса плененного Якова Джугашвили, напишут буквально следующее:

Вот такое получается несоответствие.

К тому, что стоит за ним, мы еще вернемся. А в 1938 году, еще будучи курсантом академии, Яков заключает свой третий брак. Его новой избранницей становится одесситка, артистка балета Юлия Мельцер.

Для нее это замужество было не первое. Активная, светская Юля общалась и дружила со многими известными в те годы людьми. Она познакомила Якова с певцом Иваном Козловским, композитором Дмитрием Покрасом, ввела в семью своей подруги Щербаковой.

Вот что помнит и рассказывает нам о Юлии Мельцер Артем Сергеев:

— Она обеспечила большой круг знакомых для Яши — именно людей, от которых он мог получить необходимые сведения, необходимые данные и многому поучиться.

Все было бы хорошо, если бы не отец. Иосиф Сталин опять не воспринял выбор своего сына Якова, причем не воспринял, если можно так выразиться, активно. Он просто был в гневе. Теперь, похоже, Сталина не устраивала национальность невестки. Точно такая же история потом произойдет и со Светланой. Но потом, гораздо позже. Яков тут был первопроходцем. И вновь пошел наперекор отцу.

В 1938 году у Якова и Юли родилась дочка Галя. Жили они в знаменитом доме на улице Грановского, в квартире № 84. И из этого самого дома 23 июня 1941 года, на второй день войны, Яков Джугашвили отправился на фронт. С отцом он увидеться не успел. Он лишь позвонил ему по телефону и услышал благословение:

— Иди и воюй.

И снова в сценарии значится: «музыка».

Догадайтесь сами какая. Услышьте ее.

Возможно, их провожали с оркестром и «Прощание славянки» или какой-нибудь старинный вальс рвал сердца провожающих на фронт молоденьких офицеров женщин. Возможно. А может быть, они грузились в вагоны в полной тишине, не привыкнув еще к новой реальности, имя которой *война.*

Воевать Якову долго не пришлось. Видимо, Иосиф Сталин чем-то сильно прогневил судьбу, если уже через три недели после начала войны именно его сын попал в плен. Не Молотова, не Кагановича, не Берии, а именно Сталина.

Попал в плен или сразу был убит.

Впрочем, не будем забегать вперед.

Яков Джугашвили не успел отправить с фронта ни одной весточки. У дочери Галины Джугашвили хранится единственная почтовая карточка, направленная отцом жене Юлии из Вязьмы по пути на фронт. Она датирована 26 июня 1941 года. Письмо для нашего рассказа очень важно — это еще и последний образец почерка сына Сталина.

Из письма Якова Джугашвили Юлии Мельцер:

О том, как отец уходил на фронт, Галина Джугашвили спустя годы узнала от соседки по дому.

Та слышала плачь мамы, после того как отец ушел. Юлия плакала долго. Даже не плакала — голосила. Просто как бабы в деревнях по покойникам голосят. Чувствовала, что ли, она, что он не вернется, ее Яша?

О том, что произошло в середине июля под Витебском написано много и эмоционально. Согласно общепринятой версии, 16 июля 1941 года в руки к немцам, уделявшим огромное внимание пропагандистскому прикрытию нападения на Советский Союз, попал такой козырь, о котором они и мечтать не могли. Весть о том, что им сдался в плен сын самого Сталина, мгновенно облетела все части и соединения как с той, так и с другой стороны. Как говорится, если бы этой ситуации не было, ее бы стоило придумать.

Ее и придумали.

А вот что конкретно и до какой степени врали, мы разбирались в нашем фильме под названием «Голгофа».

Итак, 11 июля 1941 года немцы ворвались в Витебск. В результате сразу три наши армии оказались в окружении. В их числе 14-й гаубично-артиллерийский полк 14-й танковой дивизии, в котором командиром батареи служил старший лейтенант Джугашвили. Теперь уже не секрет, какая паника и неразбериха творились в окруженных частях в начале войны. Приведем лишь две цифры: миллион убитых и 724 тысячи пленных бойцов и командиров Красной Армии за три недели.

Всего за три недели.

О Якове Джугашвили командование не забыло. Оно понимало, что может случиться с командиром любого ранга в случае гибели или пленения сына Сталина. Поэтому приказ командира дивизииполковника Васильева начальнику особого отдела взять Якова в свою машину при отступлении был жестким. Но Яков не был бы самим собой, если бы не отказался от этого предложения. Узнав об этом, комдив Васильев вновь приказывает, несмотря ни на какие возражения Якова, вывезти его на станцию Лиозново. Как следует из донесения начальника артиллерии, приказ был выполнен, однако в ночь с 16 на 17 июля, когда остатки дивизии вырвались из окружения, Якова Джугашвили среди них не оказалось.

Куда же исчез сын Сталина?

Здесь появляется первая странность. Если в момент выхода из окружения, несмотря на хаос, его так упорно пытались вывезти, то почему после исчезновения не искали четверо суток и лишь двадцатого июля

начались интенсивные поиски? Начались, только когда из Ставки была получена шифровка. Жуков приказал немедленно выяснить и донести в штаб фронта, где находится командир батареи 14-го гаубичного полка 14-й танковой дивизии старший лейтенант Джугашвили Яков Иосифович.

Приказ — доложить о результатах поиска Якова Джугашвили — исполнили лишь 24 июля. Еще через четыре дня. Может быть, знали о том, что сын Сталина погиб?

Во всяком случае, рассказ мотоциклистов, посланных на поиски Якова, выглядит как попытка окончательно запутать ситуацию. Итак, мотоциклисты во главе со старшим политруком Гороховым встречают у озера Каспля красноармейца Лапуридзе. Он рассказал, что выходил из окружения вместе с Яковом. 15 июля они переоделись в гражданскую одежду и закопали свои документы. Убедившись, что немцев поблизости нет, Яков решает передохнуть, а Лапуридзе идет дальше и встречает ту самую группу мотоциклистов. Старший политрук Горохов, как бы не понимая, кого он ищет, возвращается назад, решив, что Джугашвили уже вышел к своим.

Звучит действительно не очень убедительно, почти фантастично.

Ситуация становится более понятной из письма близкого товарища Якова Джугашвили — Ивана Сапегина. Письмо было отправлено брату Якова Василию Сталину уже 2 августа 1941 года, по горячим следам.

До 13 августа 1941 года информации о том, что же случилось на самом деле с сыном Сталина, не было. Человек сгинул, пропал без вести, как и сотни тысяч его соотечественников. Кроме красноармейца Лапуридзе особисты Западного фронта не нашли ни одного свидетеля, способного пролить свет на таинственное исчезновение Якова.

Ни одного.

Сведения поступили 13 августа. В политотдел Шестой армии Южного фронта была доставлена немецкая листовка. На ней резолюция:

На листовке была помещена фотография. На ней небритый мужчина, в красноармейской шинели, в окружении немецких солдат, а ниже был текст:

О том, что Яков в плену, немедленно доложили Сталину. Для него это был очень сильный удар. Ко всем бедам начала войны добавилась еще и эта, личная. А немцы продолжали свою пропагандистскую атаку. В августе появилась еще одна листовка, где воспроизводилась записка Якова отцу, доставленная Сталину дипломатическим путем:

Как будто профессиональный драматург писал историю плена сына Сталина. Отношение Иосифа Сталина к сдавшимся в плен советским солдатам в тот момент уже было хорошо известно — как к предателям. Маниакально жесткое отношение. Сдался в плен — переходишь в разряд врагов.

И вот через три недели после начала войны в разряд врагов переходит собственный сын, да еще смеет писать отцу записки, вместо того чтобы застрелиться, как попытался сделать в недалеком 1926 году. Если бы не некоторые документы и свидетельства, рассекреченные уже после войны, могло сложиться впечатление, что этот сюжет был разработан профессиональным драматургом.

Впрочем, к подлинности этих свидетельств мы еще вернемся. А пока давайте проследим до конца историю нахождения в плену Якова Джугашвили.

На советские войска и прифронтовые территории продолжали сбрасываться тонны листовок, на которых сын Сталина был изображен рядом со старшими офицерами вермахта и германских спецслужб. Под фотографиями призывы складывать оружие. Никто тогда не замечал, что на каких-то фотографиях свет падает с одной стороны, а тень в другую, что китель у Якова застегнут на левую сторону, по-женски. Что в

жарком июле Яков почему-то стоит в теплой шинели. Что ни на одной из фотографий он не смотрит в камеру.

У нас зародились сомнения в подлинности этих фотографий.

31 мая 1948 года в немецкой Саксонии при разборке архивов советская военная переводчица Прохорова обнаружила два листа бумаги. Это был протокол первого допроса Якова Джугашвили 18 июля 1941 года.

Что это был за человек, протокол допроса которого нашла военная переводчица? Был ли это действительно Яков Сталин или кто-то, выдававший себя за сына вождя и таким образом надеющийся на смягчение участи в немецком плену?

Мы помнили, что еще в сороковом году в аттестации Якова отмечалось неудовлетворительное знание лишь одного иностранного языка — английского, а этот человек владел тремя языками!

Но вернемся к многократно описанному в литературе ходу событий. Читая протоколы допросов, создается ощущение, что присутствуешь на теоретическом споре непримиримых врагов — профессиональных пропагандистов. В протоколах допросов — сплошные клише. Тем не менее из этих протоколов следует, что Яков отказался от сотрудничества с немцами. Его отправляют в Берлин в распоряжение департамента Геббельса. Ход логичный. Куда бы отправили гипотетически плененного сына Гитлера или Муссолини? Конечно, в Москву. Надзор за пленным сыном Сталина осуществляет гестапо. После нескольких неудачных попыток заставить Якова Джугашвили участвовать в пропагандистских акциях его перемещают сначала в офицерский лагерь «Любек», а затем в концлагерь «Хомельбург». А вот это выглядит странно. Неужели в Берлине не нашлось места для сына Сталина? Неужели такие опытные асы идеологической борьбы и ведения переговоров с позиции силы, как немцы, отказались использовать в игре такой козырь, каким, несомненно, являлся сын Верховного главнокомандующего противоборствующей страны? Верится с трудом. Ведь то, что восточная кампания сразу пошла не совсем по плану, немцы поняли довольно скоро.

Иосиф Сталин не переставал интересоваться судьбой сына. Поэтому советская внешняя разведка отслеживала все передвижения Якова Джугашвили.Или человека, выдававшего себя за старшего сына Сталина. Почему мы сегодня имеем право так ставить вопрос? Потому что в процессе подготовки к съемкам фильма мы получили, что называется, «информацию к размышлению».

За два года плена немецкие спецслужбы и пропагандисты почему-то не сняли ни одного кадра кинохроники, пусть из-за угла, пусть с помощью скрытой камеры. Ведь ничего нет. А уж как немцы умели снимать то, что им надо, хорошо известно. Мы помним и германские войска перед вторжением в СССР, и глаза советских красноармейцев, попавших в плен в первые дни войны, и украинских старушек в белых платочках. Немцы снимали все, а вот Якова почему-то не засняли и не устроили так, чтобы пленку увидел его отец. Как, впрочем, нет и ни одной записи голоса Якова Джугашвили. Нет, это определенно странно, что немцы упустили такую возможность передать привет Сталину. Но об этом можем думать мы сегодня. Находясь на расстоянии шестидесяти лет от того времени. Тогда же было известно точно одно — Яков Джугашвили пропал. Во всяком случае, на территории, подконтрольной советским войскам, его не было, убитым его никто не видел. С той стороны шла информация, что сын самого Сталина якобы у них.

Сохранилось несколько воспоминаний тех, кто жил с Яковом в одном бараке и в «Любеке», и в «Хомельбурге», и в последнем месте пребывания Джугашвили — в особом лагере «А» в Заксенхаузене. Но дело в том, что никто из этих людей не знал и не видел Якова до войны. Похоже, что мы имеем дело с одной из самых изощренных операций немецких спецслужб. Одним ударом они убивали двух зайцев: держали в напряжении Сталина и ждали врага у себя в тылу. Известно о нескольких группах, получивших

задание от советского руководства освободить Якова из плена. Все эти попытки окончились неудачами. Зато немцы получили возможность отслеживать связи и контакты действующих у них в тылу подпольщиков. И наконец, поведение Сталина говорит о том, что он нервничал, сильно нервничал. В ярости он наносит удар по своей невестке — Яшиной жене. В этом был весь Сталин. Юлию Мельцер арестовали, обвинили ее в том, что Яков Джугашвили попал в плен. Следствие, а значит, Сталин считал, что Юля передавала немцам информацию о Якове. Полтора года светская красавица Юля, невестка Сталина, провела в тюрьме в Куйбышеве.

Вспоминает Кира Политковская, племянница жены Сталина Надежды Аллилуевой. До войны она неоднократно встречалась с Юлией Мельцер.

«И она уже пришла седая, но все равно очень, очень красивая женщина была».

На свободу Юлия вышла уже тогда, когда пришло сообщение о том, что Яков Джугашвили погиб в плену.

Обстоятельства этой трагедии стали известны после войны из обнаруженного письма рейхсфюрера СС Гиммлера министру иностранных дел Риббентропу, а затем из опубликованных показаний охранника особого лагеря «А» в Заксенхаузене Конрада Харфика. Обратите внимание, что все это опять же немецкие источники. Из показания Харфика следует, что около 20 часов 14 апреля 1943 года он получил задание запереть дверь в проволочном заборе, разделявшем бараки с военнопленными. Вдруг Яков Джугашвили с криком «часовой, стреляй!» стремительно бросился мимо Харфика к проволоке, через которую проходил ток высокого напряжения. Харфик какое-то время пытался образумить Якова, но когда тот все-таки ухватился за проволоку, выстрелил ему в голову с расстояния 6—7 метров. Джугашвили разжал руки и откинулся назад, оставшись висеть на проволоке.

И опять мы позволим себе задать несколько вопросов. Представьте себе контакт человека с проволокой, по которой проходит напряжение в 500 вольт. Смерть от паралича должна наступить мгновенно. Зачем нужно было еще стрелять, причем не в ноги, не в спину, а сразу в затылок? Не означает ли это, что Якова или человека, выдававшего себя за Якова, вначале застрелили, а потом уже бросили на проволоку?

Почему неожиданная смерть Якова совпала с моментом, когда по линии Красного Креста активизировались переговоры об обмене фельдмаршала Паулюса на Якова Джугашвили? Случайно ли это совпадение? И наконец, почему фотография висящего на проволоке Якова, представленная в уголовном деле Имперского управления криминальной полиции фашистской Германии, такая нечеткая?

Вот мы и подошли к кульминации. Не в наших традициях рассказывать о технологии подготовки фильмов сериала «Кремль-9», о месяце кропотливой работы со свидетелями и документами. Но на этот раз мы сделали исключение.

Весной 2002 года после официального обращения в Федеральную службу охраны Российской Федерации были проведены несколько экспертиз фотографий, листовок и записок Якова Джугашвили. Они уже много лет фигурируют в истории пленения и гибели сына Сталина. Когда стали известны результаты, мы поняли: все наши подозрения о том, что мы имеем дело с одной из самых успешных операций абвера (немецкой армейской разведки) против советских спецслужб и лично Сталина получили веские подтверждения. Итак, прежде всего необходимо было установить авторство записки, якобы написанной Яковом Джугашвили в плену 19 июля 1941 года и адресованной Сталину. Эксперты Центра судебно-медицинских и криминалистических экспертиз Министерства обороны Российской Федерации располагали подлинными текстами, написанными рукой старшего сына Сталина незадолго до начала и в первые дни войны. При сравнительном анализе, в частности, выяснилось: наклон при написании буквы «з» в спорном

тексте отсутствует — Яков же всегда писал эту букву с наклоном влево; буква «д» в записке, присланной из плена, имеет в верхней части завиток в виде петли, абсолютно не характерный для почерка сына Сталина; верхнюю часть буквы «в» Яков всегда как бы сплющивал — в записке, адресованной Сталину, она прописана классически правильно.

Эксперты выявили еще 11 несоответствий!

Судебно-медицинский эксперт Сергей Зосимов участник нашего фильма:

— Имея достаточное количество рукописного материала, исполненного Джугашвили, скомбинировать такую записку из отдельных буквенных и цифровых знаков не представляет труда.

Справка консультации номер 7-4/02 из заключения экспертов:

Итак, Яков Джугашвили не писал из плена отцу, не призывал складывать оружие, за него это делал другой или другие. Кто? Так ли это важно? Главное — не он. Не сын Сталина!

Второй вопрос: кто изображен на фотоснимках, сделанных немцами в период с июля 1941-го по апрель 1943 года во время возможного пребывания в плену старшего лейтенанта Якова Джугашвили?

На фотографиях, полученных из немецких архивов, после скрупулезных исследований методом сопоставлений и сканирования были отчетливо зафиксированы следы фотомонтажа и ретуширования.

Судебно-медицинский эксперт Сергей Абрамов специально для фильма «Голгофа»:

— Вырезалось изображение лица, переносилось на снимок вместо головы другого человека, переносилась эта голова.

Вот только забыли изменить форму всклокоченных волос, да и длина теней от двух фигур, изображенных на снимке, не соответствует расположению источника света, они подрисованы. Но это еще не все.

Промашку допустили немецкие пропагандисты и монтируя фотографию, где сын Сталина якобы запечатлен на допросе. Если изображение двух немецких офицеров не вызывает никаких сомнений, они настоящие, то фотооблик мужчины, выдаваемого за Якова Джугашвили, далеко не безупречен. Видны следы ретуши, и одет человек очень странно: китель на нем застегнут на левую сторону, по-женски. Оказывается, при изготовлении этого снимка было использовано зеркальное изображение другого снимка Якова Джугашвили, а вот перевернуть обратно немецкие спецы забыли.

Справка-консультация номер 194/02 из заключения экспертов:

Итак, фотомонтаж.

Главный судебно-медицинский эксперт Министерства обороны Российской Федерации Виктор Калкутин:

— Ни в одном, с авторством Якова Джугашвили, ни в другом случае ни одного достоверного фотоизображения на представленных снимках при криминалистическом исследовании не выявлено.

Оговоримся сразу — мы ничего не утверждаем. Лишь посчитали себя вправе поставить вопросы. Пока со стопроцентной уверенностью можно утверждать лишь одно: ушедший 23 июня 1941 года на фронт старший сын Сталина Яков Джугашвили домой не вернулся.

Хотя жена Юля продолжала его ждать.

— Моя мать мне поручила, мне писала на фронт, в двух письмах упоминалось о Якове и о том, что его ждут в Москве.

Это сказал нам Артем Сергеев.

Весной 1945 года в составе 31-й армии он принимал участие в боях под Кенигсбергом. Наверное, хотел знать точно, что случилось с его сводным братом, надеялся встретить кого-то, кто видел его.

Родственники очень долго не верили в смерть Якова. Светлане Сталиной многие годы казалось, что ее брат, которого она любила больше, чем Василия, не погиб. Между ними существовала какая-то невидимая связь; как она писала, внутренний голос говорил ей, что Яков жив, что он где-то в Америке. Или в Канаде. Об этом вы еще прочтете в нашей книге в главе, посвященной Светлане.

Сам Сталин до конца жизни был уверен, что его старший сын погиб в плену. Перед своей невесткой Юлией Мельцер Иосиф Сталин так и не извинился за ее надломленную жизнь. Однако свою внучку, дочь Яши и Юли, очень любил, может быть, поэтому в какой-то момент он позволил воссоединиться разлученным дочери и матери.

— Она мне казалась чужой. Я боялась к ней идти, и это привыкание длилось довольно долго. Мы со Светланой ездили туда, где жила тогда мама, сидели там какое-то время, потом обратно возвращались в Кремль или на дачу. Потом снова ехали. И вот так потихоньку, полегоньку, в общем, как-то и приучили меня к ней.

Это нам рассказала Галя, дочь Якова.

Полубога при жизни, всесильного Сталина, судьба в конце концов наказала через детей. На глазах спивался Василий. Он будто бы предчувствовал, что его ждет после смерти отца. Никак не могла устроить свою личную жизнь младшая и любимая Светлана — Сетанка, так любил ее называть отец. Трудно представить, как пережил бы Сталин известие о том, что Сетанка уедет из страны, из его страны. Сгинул на войне старший сын Яков, невольно оказавшись в центре самой громкой провокации против отца.

А может быть, вот так, через детей, Сталину мстила покончившая жизнь самоубийством Надежда Аллилуева, нанесшая своим поступком главный удар, от которого он так и не оправился до конца жизни? Кто знает.

И снова звучит музыка.

Какая? Выберите сами…

Серия пятая

Василий Сталин. Взлет

Премьерный показ. Первый канал

Мы продолжаем по старшинству.

Василий Сталин из всех детей был, если можно так выразится, самым публичным человеком. Он был частью московской богемы, дружил с артистами, помогал спортсменам, имел «свою» футбольную и хоккейную команды. Его видели тысячи, о нем знали миллионы, с ним были знакомы многие сотни советских людей. Кто-то считал его счастливчиком — сын Сталина! — кто-то никчемным человеком, а кто-то просто хорошим парнем. Его сестра Светлана говорила, что Василий — конченый человек. Многие поддерживает сестру Василия, но почему тогда глаза Капитолины Васильевой — одной из жен Василия Сталина — излучают такой свет, когда она говорит об этом непутевом человеке? Почему десятки спортсменов-ветеранов, с которыми мы говорили, в один голос утверждают, что «Василий Иосифович был прекрасным человеком!»?

Каким же он был, Василий Сталин?

Конечно, авторы сериала «Кремль-9» не могли пройти мимо этой фигуры. Мы сняли два фильма. Первый назывался: «Василий Сталин. Взлет».

В старых квартирах можно поменять интерьер, разрушить стены, поставить ультрасовременную мебель, но нельзя изменить одного…

Окна.

Окна, как правило, остаются на тех же самых местах, где их спланировал архитектор. А значит, и вид за окном редко когда меняется. Особенно если из окон твоей квартиры виден Кремль.

Но Кремль — это не просто памятник архитектуры, который охраняется законом. Кремль — это не только сердце Москвы, где когда-то были царские палаты, а потом стало работать правительство. Кремль — это еще и судьба.

В окнах кремлевских квартир, где когда-то жила семья Сталина, все те же виды. Кремлевская стена с внутренней стороны, Александровский сад, крыши прилегающих к Кремлю московских кварталов. Из этих окон смотрели на мир Иосиф Сталин, его жена Надежда Аллилуева, сыновья Яков и Василий, дочь Светлана. Мир из кремлевских окон выглядел довольно своеобразно, а открывающиеся возможности и перспективы иногда казались поистине безграничными…

Пятого марта 1953 года в 9 часов 50 минут вечера после тяжелой болезни скончался Председатель Совета Министров Союза СССР и секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Иосиф Виссарионович Сталин.

Все, кто видел документальный фильм «Похороны вождя», не могли не обратить внимания на молодого мужчину в военной форме, стоящего в глубине кадра. Видно, как он с трудом сдерживает рыдания, видно, как он отворачивается и вытирает слезы. День 5 марта 1953 года разделил жизнь этого человека на две части: до и после. По воспоминаниям тех, кто общался с ним в те дни, Василий Сталин понимал: для него наступает тяжелое время.

Действительность же превзошла все самые мрачные прогнозы.

Разбираться в завалах домыслов, слухов, полуправды, вот уже почти полвека окружающих фигуру Василия Сталина, очень тяжело. Его отец Иосиф Сталин когда-то произнес фразу: «Сын за отца не отвечает». Судьба его младшего сына Василия полностью опровергает эти слова. Василий за отца ответил, причем ответил по полной программе.

До сих пор о семье Иосифа Сталина равнодушно не говорят и не пишут. Одни ненавидят отца, другие ненавидят и его сына. Многие, наоборот, с придыханием говорят о вожде всех времен и народов, перенося эти чувства и на его детей, в том числе на Василия.

Самое сложное в наших исследованиях было не сорваться в политику. Быть над схваткой, не обращая внимания на то, в каком из лагерей — почитателей или хулителей Сталина — находятся наши родители. Или родители наших родителей. Или демократы, или патриоты. В конце концов появился главный принцип наших фильмов: факты сами заставят делать выводы. Иногда очень неожиданные.

Вот и в этом фильме задача, поставленная перед нами, была та же — на основании фактов рассказать все, как было, от самого начала до самого конца.

Итак, Сталин Василий Иосифович.

Год рождения — 1921-й, день — 24 марта.

Место рождения — город Москва, Кремль.

Именно так записано во всех документах

Отец — Иосиф Сталин. Ему тогда был сорок один год.

Мать — Надежда Аллилуева. Ей — всего двадцать.

А вот кто радовался появлению на свет мальчика в семье одного из пламенных революционеров. Ленин, Троцкий, Ворошилов, Молотов, Бухарин, Дзержинский. Это все — соседи. Соседи по кремлевскому общежитию. В этом мире за огромной кирпичной стеной эти люди работали, дружили, ссорились, умирали. Занятый практически 24 часа в сутки, Иосиф Сталин воспитанию своих детей времени уделял мало. Ими занималась его жена Надежда Аллилуева. Вместе с Василием воспитывался и Артем, сын погибшего известного революционера Артема Сергеева, соратника Сталина. Артем стал ближайшим другом Василия.

Это воспоминания Артема Сергеева о самом раннем детстве:

— Нас иногда, когда выводили гулять в колясках, то ли по Кремлю... мне кажется, может быть, это был Александровский сад... то нас ноги в ноги сажали в одну коляску. Забирали кого-то из нас из своей коляски, сажали, и когда нас рассаживали обратно, чтобы отвезти домой, мы плакали.

Напомним, что мы не правим речь героев наших фильмов, оставляем ее в точности, как она записана на пленку.

В 1926 году родилась сестра Василия, Светлана. Приезжал сын от первого брака Иосифа Сталина, Яша Сванидзе. Для них, детей Сталина, Кремль являлся тем самым двором детства, законы и традиции которого часто оказывают решающее влияние на формирование характера.

Надежда Аллилуева пишет мужу Иосифу Сталину.

Отсюда же, из Кремля, каждое утро на трамвае Василий и Артем отправлялись в школу. С самого начала неусидчивый и неуравновешенный, Вася учился плохо, что не могло не беспокоить родителей.

— Тройки, где-то четверки, а за ответы зачастую получал и двойки, — вновь рассказывает нам Артем Сергеев.

Но школой дело не обходилось. Надежда Сергеевна, знавшая не по рассказам, как люди получают хорошее образование, взяла для своих детей домашних учителей.

Иосиф Сталин жене Надежде Аллилуевой.

Как мы уже говорили, детьми Сталин занимался мало, впрочем, и семьянином его назвать было трудно. Хотя словосочетание революционер-семьянин, согласитесь, звучит довольно странно. Впрочем, до самоубийства жены будущий отец народов любил, когда на даче в Зубалове собиралось все многочисленное семейство Сталина, его родственники по второй жене, Аллилуевы, и родственники его первой жены, Сванидзе. Можно сказать, что Иосиф был почти душой компании: много смеялся, шутил.

Все закончилось 8 ноября 1932 года. Надежда Аллилуева покончила с собой. Для Сталина это был удар, от которого он не оправился до конца жизни.

Смерть жены резко изменила характер Сталина, а вместе с ним и уклад жизни тех, кто его окружал.

Через три года, в мае 1935-го, он произнес все объясняющую фразу. Смысл ее был в том, что дети забыли о матери через несколько дней, а вот его, Сталина, она искалечила на всю жизнь.

Артем Сергеев:

— Горе было в доме страшное. 11 числа были похороны.

По принятым тогда правилам церемония прощания с Надеждой Аллилуевой проходила на Красной площади, в здании ГУМа. Гроб с телом был выставлен в одном из залов. Подруги Надежды Сергеевны еще и еще раз шепотом пересказывали обстоятельства ее гибели. Уже поползли по Москве слухи, что между супругами произошел скандал. Только у каждой «свидетельницы» были свои личные наблюдения. Кто-то говорил, что Сталин бросил в лицо жене чуть ли не окурок, кто-то сам видел мандариновые корки, но неизменной оставалась суть: Иосиф очень обидел Надежду. А Надежда была страшной гордячкой. Сказывалось гимназическое воспитание.

Артем Сергеев:

— Пришел Сталин, он рыдал, причем рыдал, ну так, неудержимо буквально, его трясло. Василий на нем буквально висел: «Папа, не плачь, папа, не надо, папа, не плачь», — но действительно состояние его было тяжелейшее...

Из этого свидетельства становится ясно, как тяжело отразилась смерть матери на 11-летнем Василии. Можно только догадываться, что творилось в его душе. С этого момента отдалившийся от всех отец, поменявший квартиру в Кремле и переставший бывать на даче в Зубалове, где все напоминало о жене, все больше стал поручать присматривать за Василием начальнику своей личной охраны Николаю Власику и его подчиненным. Именно тогда Сталин переехал жить на знаменитую Ближнюю кунцевскую дачу. Дети и родственники остались жить в Зубалове.

Иосиф Сталин — коменданту дачи Сергею Ефимову:

Начальник охраны Сталина Власик получал донесения о плохом поведении Василия чуть ли не ежедневно.

Комендант дачи Сергей Ефимов — начальнику охраны Николаю Власику;

Каролина Васильевна Тиль была экономкой в доме Сталина, занималась семейным бюджетом и вела хозяйство. В семью ее, как и нянечек и учителей, привела Надежда Аллилуева. По общему мнению, Надежда Сергеевна умела подбирать кадры. В главах, посвященных Светлане, много раз будет упоминаться «бабуся» — Шура Бычкова, которая практически заменяла ей мать. До Светланы она воспитывала и Василия. Работу эти женщины знали и выполняли ее добросовестно. Любая провинность

Васи отныне не остается незамеченной, скрыть что-либо от строгих воспитателей невозможно. Однако тринадцатилетний мальчик быстро усваивает манеру общения, по стилю и тональности больше напоминающую служебную переписку.

Василий Сталин — сотруднику охраны Карлу Паукеру:

Пупком в семье шутливо называли сестру Светлану.

Вот так и воспитывали, как говорится, всем миром. Отмечали, что Вася растет добрым и щедрым, отмечали его спортивные успехи в футболе; в эстафетах он всегда старался быть лучшим. Здорово играл на бильярде, подростком обыгрывал людей намного старше себя. Однако люди, которым было доверено его воспитание, с нарастающей тревогой замечали, что к наукам Вася не проявлял сильного рвения, зато все больше осознавал свое исключительное положение как сына вождя.

С каждым годом это проявлялось все отчетливее. Боролись с этим как могли, но чем старше становился Василий, тем больше ситуация выходила из-под контроля.. По-настоящему сын боялся только отца.

Василий Сталин — отцу:

Васька Красный — так сына прозвал отец за его огненно-рыжую шевелюру. Вот еще одно послание Васьки Красного отцу.

После восьмого класса Василий решает поступать в артиллерийскую спецшколу на Красой Пресне, и эта идея всеми встречается с одобрением. Появилась надежда, что армия дисциплинирует порядком разболтавшегося парня. Надо ли говорить, что в конце тридцатых годов профессия военного была, пожалуй, самой престижной в Советском Союзе. Об учебе в военных школах и в училищах мечтали чуть ли не все сверстники Василия. Но помимо хорошей физической подготовки от абитуриентов там требовались и отличные знания. Например, в математике.

Не зря же был известная поговорка:

Умный — в артиллерии,
Щеголь — в кавалерии,
Лодырь — на флоте,
Остальные — в пехоте.

В артиллерийской школе учились все Васины друзья. Но мы уже говорили, что с наукой Вася Сталин не очень дружил. И совсем не дружил с дисциплиной. А тут от ребят требовали почти военной дисциплины. Их даже одевали в артиллерийскую форму. Но чистить орудия, окапывать их Васе явно не нравилось.

К тому же при всем уважении к артиллерии, танкам, коннице и пехоте элитой армии тогда считали все-таки авиацию. Газеты пестрели именами знаменитых летчиков, совершавших всемирно известные подвиги. То спасали челюскинцев, то искали экспедицию Амундсена. Чкалов, Серов, Байдуков, Громов, Лебедевский — герои, о которых говорила вся страна. Было бы странным, если бы сын Сталина не хотел стать летчиком. И такой момент настал. Василий заболел небом. Не закончив десяти классов, он уговорил Власика помочь ему с поступлением в знаменитую Качинскую школу летчиков-истребителей. Власик помог Васе.

Наверное, не надо объяснять состояние советских граждан, в круг обязанностей которых по той или иной причине входила забота о сыне Сталина. К тому же у всех на слуху был недавний случай переписки Иосифа Виссарионовича Сталина с учителями той самой 2-й артиллерийской школы, которую так неохотно посещал его сын. Учитель Мартышин был недоволен успеваемостью и поведением Васи Сталина, о чем и

написал его отцу. Обычная ситуация, если забыть, кем был Васин отец. Сталин ответил с большим опозданием. Он поблагодарил учителя за принципиальность, невысоко оценил способности своего ребенка и советовал всему коллективу спецшколы «требовать построже от Василия».

Сталин И. В. — Мартышину В.В.

Переписка учителей 2-й артиллерийской спецшколы со Сталиным закончилась плохо. Естественно, для учителей. Помощника директора Н.В. Макеева приказом наркома просвещения сняли с работы.

Н.В. Макеев — Сталину И.В.:

Макеев пытался объяснить Сталину, чего добивался педагогический коллектив от Васи уже после того, как потерял работу, и учитель Мартышин, осмелившийся написать отцу недисциплинированного ученика, через неделю после письма Сталина в списке преподавателей тоже уже не числился.

Появление в авиашколе высокопоставленного курсанта подействовало на окружающих, особенно на начальство, магически. Впрочем, их можно понять. Поди пойми, как вести себя с сыном самого Сталина! Как организовать учебный процесс? Ведь Василий не имел никакой специальной подготовки. Он не посещал аэроклуб, не прыгал с парашютной вышки, а вдруг, не дай бог, что…

Лаврентий Берия — Иосифу Сталину:

Лаврентий Берия докладывал, что Василия на вокзале встречал сам начальник школы, которому Вася как бы невзначай заявил, что скоро в Севастополь приедет папа и, вероятно, заглянет в Качу. Ход тонкий и расчетливый. Одной фразой Вася решил многие свои проблемы.

Василия поселили в школе отдельно от остальных курсантов. Питание готовили в столовой для командиров, не ограничивали нового курсанта и в свободе передвижения. Василий неоднократно выезжал в Севастополь и в Мухолатку. Однако вскоре по распоряжению Сталина Берия добился того, чтобы условия жизни и обучения Василия в Каче ничем не отличались от обычных.

Лаврентий Берия — Иосифу Сталину:

С этого момента Василий учился как все. Курсанты его любили. Он был заводной, веселый, стал старшиной отряда, жил в общей казарме. Правда, одну привилегию за ним все же оставили — в полеты Василию выдавали парашют, тогда как все летали без него. Он ругался, противился, тем более что парашют очень мешал в кабине. Но приказ был строжайший: жизнью сына Сталина не рисковать.

Впрочем, к своему особому положению он уже привык. Например, у него единственного в отряде были наручные часы. А вот когда наступила пора выпускных экзаменов, о привилегиях и поблажках забыли. В то время, если ты освоил курс наук не на «отлично», по окончании училища присваивали звание младшего лейтенанта. Василий закончил училище лейтенантом. И на этот раз его фамилия была ни при чем — ошибок на экзаменах сын Сталина не допустил.

В апреле 1940 года молодой лейтенант Василий Сталин начал свою службу в 16-м авиаполку под Москвой. Именно к этому времени относится и его первая женитьба. Говорим «первая», потому что будут и вторая, и третья. С семейной жизнью в семье Сталина ни у кого не ладилось. С 1932 года без жены жил отец, только перед самой войной получилось у Якова, а о многочисленных мужьях Светланы мы еще поговорим. Не был исключением и Василий.

С Галиной Бурдонской Вася познакомился на катке. Галя была современной девушкой — занималась спортом, писала стихи, к тому же очень хороша собой. Жениху и невесте было тогда по девятнадцать лет. Правда, во время знакомства с Василием Сталиным Галина уже считалась невестой. Невестой совершенно другого человека.

Их познакомил знаменитый в то время хоккеист Владимир Меньшиков. Галю Бурдонскую он представил как свою невесту. Но, как оказалось, хоккеист поторопился — Василий невесту у друга отбил.

В нашем фильме принимал участие Александр Бурдонский — сын Василия Сталина и Галины Бурдонской. Вот что он говорил:

— Был он немножко, знаете, такой Паратов из «Бесприданницы». Вот когда ухаживал за мамой, вот все его полеты над «Кировской», метро «Кировской», где она жила... Вот так вот, это он умел делать.

Хорошенькой Гале было из кого выбирать. Уже после разрыва с Василием она еще дважды была замужем, кроме этого, у нее было много романов, но... «Васька, — говорила она, — это любовь!»

Александр Бурдонский:

— Моя мама была удивительно редкостным человеком, который не мог быть кем-то, понимаете, вот она не могла прикинуться кем-то и не могла, и никогда не была лукавым человеком. Может быть, в этом ее тоже беда была. И чтобы вот такой человек любил отца... а мне кажется, что она любила его до конца своих дней.

Сегодня Александр Бурдонский — известный московский театральный режиссер. Говорит складно и доходчиво. Но, рассказывая об отношениях отца и матери, вдруг не находит нужных слов. Понятно, что он не был свидетелем их встреч, но во многом он воспроизводит эмоции и чувства матери.

Говорим об этом потому, что пленка бесстрастно фиксирует не только речь, но и эмоциональное состояние человека. И конечно, в цитируемых фразах чувства гораздо больше, чем смысла. Те, кто видел фильм, могут это подтвердить.

Войну сын Сталина встретил в должности летчика-инспектора Главного штаба ВВС. В рабочее время он — один из тысяч советских офицеров — постоянно выезжает в боевые части, четко выполняет поставленные задачи. Винтик в огромном механизме. Однако в свободное время Василий Сталин ведет себя так, как привык. Если в летной школе у него единственного были собственные наручные часы, и это выделяло его из общей массы, то можете себе представить, как в то время смотрели на человека, управляющего своей личной машиной?! У Василия машина была. Не служебная, собственная. К тому времени Василий Сталин уже начал пить. От этого пристрастия он так уже не избавится до конца дней. Но во время войны это еще не было болезнью.

К этому времени выпускники Качинской летной школы, друзья Василия, воевали на передовой. На счету многих из них было уже по нескольку сбитых немецких самолетов. Рвется на фронт и Василий, ведь он умеет прекрасно летать. А от тылового положения страдает еще и потому, что боится пересудов: дескать, хорошо устроился за отцовской спиной. В это же время начинается его небывалый карьерный взлет.

В декабре 1941 года ему присваивается внеочередное звание — майор. 20 июня 1942 года следует награждение орденом Красного Знамени. Прослужив в звании майора всего два месяца, он становится сразу полковником. Через месяц полковнику исполнился всего двадцать один год. Подобное происходило разве что во время войны 1812 года.

Почему всегда очень жестко относившийся к Василию отец не боялся столь стремительного продвижения сына по служебной лестнице — загадка. Может быть, понимая, что от фронта Василия не уберечь, Сталин решил подготовить почву для более безопасной службы? Ведь только что попал в плен его старший сын Яков. А Василий по сравнению с Яковом был гораздо менее осторожным и обладал совершенно бесшабашным характером. Гадать можно долго, но факт остается фактом. На фронт летом 1942 года Василий отправился в должности заместителя командира 434-го авиаполка, командовал

которым его друг Иван Крещев (кстати, муж актрисы Зои Федоровой).

31 декабря 42 года Крещев погиб, решив при перегоне самолетов залететь в Москву к Зое. Кончилось это тем, что из-за плохой видимости Иван разбился при посадке на аэродром. После гибели командира полк отправляют на переформирование. На фронт подразделение возвращается уже под командованием Василия Сталина. Как вспоминают сослуживцы, полком Василий командовал старательно, почти ежедневно сам вылетал на боевые задания.

Мы показали телезрителям подлинную запись в журнале боевых действий 32-го авиаполка.

Сбитый «фокке-вульф-190» не был единственным на счету Василия. Дрался он смело, но довольно часто азарт боя захлестывал его, и Василий забывал об осторожности. Друзьям довольно часто приходилось выручать своего командира. Всего на его счету пять боевых побед. Две он одержал самостоятельно, а три в группе.

Полк успешно выполнял боевые задания, периодически отправляясь на переформирования.

Во время перерыва в боевых действиях и произошло знаменитое ЧП, о котором до сих пор пишут небылицы, что и понятно. Ведь в результате происшествия отец с треском отстранил Василия от командования полком.

Что же произошло 4 апреля 1943 года?

Все началось со звонка командира 286-й авиадивизии Василия Сталина командиру эскадрильи Виталию Попкову. Для встречи со съемочной группой «Кремль-9» Попков надел парадный мундир со всеми наградами. Говорил спокойно, вспоминая, наверное, не самый приятный эпизод своей жизни. Но глаза его иногда вспыхивали яркими искорками. Судя по ним, легендарный летчик — прообраз одного из героев фильма «В бой идут одни старики», потому что «поющей эскадрильей» командовал именно он, Виталий Попков, — и сегодня не очень раскаивается в этой глупости. Похоже, что ничего, кроме обычного фронтового лихачества, тогда у молодых людей не было.

Виталий Попков:

— Позвонил вечером и говорит: «Как там, если завтра мы (как раз такая погода была очень нелетная) на рыбалку?» Я говорю: «Нет проблем. А чем будем, значит, ловить? Значит, удочек у нас нет, сетей тоже». Ну, я думал, сейчас скажет: «Давай гранаты, там». Но он говорит: «А вы там подумайте чем!» Рядом стоял инженер полка по вооружению. Он говорит мне, что мол... «Командир, а зачем нам там эти тол, и шашки толовые, и гранаты? У нас же „РС“ есть. Поставим взрыватель на двадцать шесть секунд замедления, бросим, ляжем — тут, значит, и рыба метнется на сто метров в высоту, а нам останется только собирать».

Однако на рыбалке реактивные снаряды, которые бросали в воду летчики, не взрывались, вода заливала детонатор. Решили сократить время срабатывания заряда сначала до восемнадцати секунд, а потом и вовсе до шести. Когда инженер полка взял в руки очередной снаряд, чтобы бросить в воду, раздался взрыв…

Когда Виталий Попков пришел в себя, он обнаружил, что от взрыва пострадали все участники рыбалки. Один был убит, Василий Сталин серьезно ранен. Стало понятно, что скрыть произошедшее вряд ли удастся.

Двадцать шестого мая, видимо, в результате доклада о расследовании происшествия взбешенный Сталин собственноручно пишет приказ об отстранении сына. Мы отыскали приказ в архивах.

Раздражение во всем — в тексте, в почерке, в многочисленных исправлениях. Раненого Василия доставили в Москву. В Кремлевской больнице была проведена операция. О результатах лечения доложили лично начальнику охраны Сталина Власику. Более полугода Василий живет в Зубалове. Ходит на костылях,

рвется на фронт, а по вечерам веселится с друзьями, забыв и о войне, и о ране.

Возвращается на передовую сын Сталина в мае 1944 года и вскоре становится командиром 286-й истребительной авиационной дивизии.

Войну Василий закончил в Берлине. В 1946 году Василий Сталин получает звание генерал-майора. До 1947 года он служит в Германии. В этом же году был переведен на должность помощника командующего ВВС Московского военного округа. Стареющий отец продолжает, мягко говоря, не препятствовать карьере единственного сына.

В 1948 году Василий Сталин становится командующим ВВС МВО. Новоиспеченному командующему в тот год исполнилось двадцать семь лет.

Сразу после войны распадается брак с Галиной Бурдонской. Детей, Сашу и Надю, Василий оставляет у себя и женится на Екатерине Тимошенко, дочке знаменитого маршала. Детям она запомнилась настоящей мачехой, хмурой и властной.

Александр Бурдонский:

— Это вот одна такая была сторона жизни, где мы могли... там по неделе нас не кормили, не поили, запирали в комнату. Отец этого не видел, но так было.

И опять речь о двух людях, уживавшихся в одном человеке, имя которому Василий Сталин. Новый командующий ВВС Московского военного округа, как и всегда, взялся за дело, засучив рукава. Чего-чего, а энергии Василию было не занимать. ВВС Московского округа по основным показателям в 1947 году прочно занимали одно из последних мест по стране. Василий это положение изменил. Все годы его командования (с 1949-го по 1952-й) округ прочно удерживал первое место. Именно здесь осваивали новые реактивные истребители, фронтовые бомбардировщики, штурмовики и радиолокационные системы. Итак, начал Василий лихо. Первым делом он обособился. Перевел свой штаб на Ходынское поле, где устроил для себя и своих офицеров этакий оазис в центре Москвы. Желающие, проезжая по Ленинградскому шоссе, и сегодня могут полюбоваться мощной решеткой забора и статуями в стиле расцвета эпохи культа личности. О внутренней отделке штаба ходили легенды: мебель, ковры и картины из Германии. Мрамор, гранит, чугун, литье...

Но Василий не был бы самим собой, если бы ограничился только этим. Он наконец-то получил возможность заняться еще одной своей давней любовью — спортом.

На спорте он был помешан. И началось...

О взлете спортивных команд Военно-Воздушных Сил написано и сказано немало. Говоря современным языком, звезд Василий скупал пачками. Здесь он меры не знал: пробивал им квартиры, должности, денежное содержание. Перед его напором устоять было очень сложно. К нему пришли не просто звезды советского спорта, а суперзвезды: Бобров, Тарасов, Рева, Савин, Пономарева, Лагунов, Акимов, Бабич, Парамонов, Капитолина Васильева.

Но Василия Сталина интересовали не только люди, он еще и создавал им условия для тренировок. При нем три ангара на Центральном аэродроме перестраивают в легкоатлетический манеж, конюшню и мотовелобазу. Впоследствии из них и вырос спортивный комплекс на Ленинградском проспекте. Прекрасный игровой зал, первый пятидесятиметровый бассейн — это все заслуга Василия Сталина — спортивного мецената. Еще он хотел построить первый в стране каток с искусственным льдом. Именно сын Сталина впервые стал давать возможность спортсменам собираться перед ответственными соревнованиями в одном месте для проведения тренировок, уступая им для этого даже собственные дома.

Конечно, избалованный генерал совершал множество необдуманных поступков. Обстановка вокруг

него сложилась такая, что Василий мнил себя профессионалом и в футболе, и в хоккее, и в плавании. Иногда он даже назначал состав перед выходом на поле футболистов, волейболистов или хоккеистов. Он мгновенно наказывал людей и так же мгновенно прощал. По его приказу какой-нибудь спортсмен мог быть отправлен в самую далекую военную часть и тут же возвращен обратно в Москву ровно с середины пути.

Тем не менее спортсмены Советской Армии одержали много побед с помощью Василия Сталина, а вот для него самого встреча с неоднократной чемпионкой СССР по плаванию Капитолиной Васильевой закончилась поражением.

Василий капитулировал перед Капитолиной, Капой, как он ее называл.

В конце сороковых сын Сталина расходится с дочкой маршала Тимошенко и начинает жить с многократной чемпионкой по плаванию. Поселились они в особняке на Гоголевском бульваре в доме номер семь.

Сегодня Капитолина Георгиевна Васильева, конечно, уже не та молодая чемпионка, но ее характер и воля легко читаются на все еще красивом лице.

Капитолина Васильева:

—...«А ты могла бы без моей зарплаты прожить в этом месяце, если я не дам тебе зарплату?» Я знала, что значит, у кого-то беда, что его зарплата нужна как помощь кому-то. Я говорю: хорошо, я это сделаю. Я обойдусь, не беспокойся, только, пожалуйста, ты поменьше устраивай посиделки.

Можно сказать, что период конца сороковых — начала пятидесятых был лучшим в жизни Василия Сталина. Молодой, популярный, всемогущий сын абсолютного хозяина страны мог себе позволить если не все, то очень многое. Говоря сегодняшним языком, Василий Сталин был первым советским «плейбоем». Да, он не был красавцем, но был обаятелен и, несомненно, обладал харизмой, унаследованной от отца. Он менял автомобили и любовниц, он был героем светских сплетен и немногочисленных московских скандалов. Что и говорить, Василий был завидным женихом. Кроме того, что он тоже был Сталиным. Сын вождя, будучи широким и веселым человеком, любил выпить и погулять. С женщинами тоже. Те легко вступали с ним в связь. Так произошло и с женой известного кинодокументалиста Романа Кармена. Ее звали Нина. Вася и Нина когда-то учились вместе в школе. В сорок первом встретились вновь и вспомнили, что когда-то нравились друг другу. Зато это не понравилось мужу, он пожаловался Сталину, написал письмо. Сталин отреагировал, наложил резолюцию:

И расписался: *И. Сталин.*

И все у Василия было бы хорошо, если бы не болезнь.

Капитолина Васильева:

— Конфликты в связи с его вот этой самой фронтовой чарочкой... я очень была против, потому что я знала, что это болезнь очень такая тяжелая, она прогрессирует, и мне нужно было как-то… Но у меня ничего не получалось.

О том, что с Василием неблагополучно, отцу докладывали сотрудники охраны и врачи. Его неоднократно пытались лечить.

Начальник Лечебно-санаторного управления Кремля Петр Егоров — Иосифу Сталину:

В одном из наших фильмов мы показывали уникальную хронику: Василий Сталин на морской охоте. Но почему-то с обычным ружьем и, главное, в пижаме. Да и выражение лица у сына Сталина на этих кадрах такое, что нетрудно догадаться, что с ним происходило до этого момента.

Нельзя сказать, что с этой болезнью не боролись. Та же Капитолина Васильева в одном из интервью

рассказывала, что обращались к наркологу, который должен был внушить Василию отвращение к водке. Однако, как это ни анекдотично звучит, нарколог сам оказался тяжелым алкоголиком.

В 1952 году, когда окружение вождя стало готовиться к уходу дряхлеющего Сталина, начались неприятности и у Василия. Он, конечно, не мог не задумываться над тем, что ждет его после смерти отца, а потому пил все больше и больше. Опасения Василия подтверждались всем ходом событий. Его отстранение от должности командующего военно-воздушными силами Московского военного округа обросло огромным количеством домыслов и слухов.

Путаницу внесла и сестра Светлана, написавшая в своих воспоминаниях о том, что Василия отстранили сразу после парада 1 мая 1952 года, во время проведения которого якобы разбилось несколько самолетов. Это не совсем точно.

Один самолет действительно разбился при посадке, но по вине пилота, а не командующего парадом. При расследовании катастрофы выяснилось, что летчик просто перепутал рычаги управления. Василий тут был ни при чем.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление и рассказать, что из себя представлял воздушный парад в то время. Телезрители, видевшие фильм, видели и хронику, на которой в небе оператор запечатлел десятки самолетов, выстроенных так, что получалось слово «Сталин». Иногда это были слова «Ленин» или «КПСС». Работа эта была виртуозной и требовала полного напряжения сил и от летчиков, и от командующего парадом. Необычайная слаженность достигалась многодневными тренировками, и по пьяной лавочке тут не покомандуешь. Участники и не помнят генерала Сталина выпившим ни на одном из подобных парадов, которых Василий, в бытность командующим, провел четырнадцать!

Отец отстранил сына от должности после другого парада и совсем по другой причине.

7 июля 1952 года в Тушине проходил праздник в честь Дня Военно-Воздушного Флота. Командовал Василий Сталин. После успешного окончания он позволил себе расслабиться. И тут последовал вызов на банкет, где присутствовало все Политбюро. По традиции, все происходило на даче у отца. Василий же был на своей даче. Нашли его абсолютно пьяным. Однако приказы в армии обсуждать не принято, особенно если это приказ Генералиссимуса.

Капитолина Васильева:

— Когда он вошел, все уже сидели. Его в одну сторону качнуло, в другую, и отец ему говорит: «Ты пьян, выйди вон!» — «Нет, я не пьян», — он отвечает. И второй раз отец говорит: «Ты пьян, выйди вон».

Он попятился назад, вышел, и уже на следующий день он был снят с командующего».

Отставка Василия была обставлена как перевод на учебу в Академию Генерального Штаба, но там он ни разу не появился. Он был в шоке, а тут еще зимой 1953 года произошел окончательный разрыв с Капой.

Капиталина Васильева:

— У нас такие размолвки с Василием были страшные, что мы решили все-таки разойтись. Вот, перед тем как положили в больницу, я сказала, что я больше жить с тобой не буду. Больше не могу.

Последние полгода перед смертью отца отмечены для Василия знаками приближающейся беды. Он безвылазно сидел на даче и пил.

Артем Сергеев, приемный сын Иосифа Сталина:

— Ну, я смотрю, Василий уже хорошо попил, еще себе налил фужер. Я ему говорю: «Васька, хватит!» Причем жестко: «Хватит!» На что он сказал... вынул пистолет и сказал: «А у меня два выхода: вот здесь пуля есть, а вот здесь водка налита. Я, — говорит, — живу, ты же пойми, я живу, пока отец есть. Отец закроет

глаза — меня Берия на другой день на части порвет такого, а Хрущев с Маленковым ему помогут».

В нашей предыдущей серии генерал Н. Новик рассказывал, как даже в последний день рождения отца, 21 декабря 1952 года, на Ближнюю дачу Василий приехал пьяным. Сталин сына принял, а его подарок — набор инструментов — так и не взял. Он отправил Василия домой, а затем еще долго смотрел вслед, качая головой.

Это была их последняя встреча.

Пятого марта 1953 года умер Иосиф Сталин. Жизнь его младшего сына Василия переломилась надвое. У гроба Василий плакал навзрыд и упорно твердил, что отца отравили. Он был не в себе, чувствовал приближение беды. Но действительность превзошла все самые худшие ожидания. Впрочем, об этом мы обещали телезрителям рассказать в следующей серии нашего фильма.

Серия шестая

Василий Сталин. Падение

Премьерный показ. Первый канал

Пятого марта 1953 года жизнь Василия Сталина раскололась надвое. Закончилась одна жизнь, в которой все было ясно, привычно и предсказуемо. Начиналась другая, неведомая, где то, чем он так гордился и умело пользовался с самого раннего возраста, — фамилия, может, будет только мешать. Василий понимал, что этот день когда-нибудь обязательно настанет. Близким друзьям он неоднократно говорил о том, как его собственная судьба зависит от здоровья его отца, и конечно, ему хотелось, чтобы Сталин жил если не вечно, то очень долго.

Во время похорон отца Василий Сталин был не в себе, плакал навзрыд и упорно твердил, что отца отравили.

В этой серии, как всегда, участвовали люди, которые до поры до времени были немыми свидетелями событий, происходящих за Кремлевской стеной. Сотрудники Главного управления охраны. В наших фильмах многие из них говорили перед камерой в первый раз в жизни, а миллионы телезрителей впервые увидели их лица.

Николай Гончаров, сотрудник личной охраны Иосифа Сталина. В то время бравый офицер, сегодня пожилой человек, сохранивший военную выправку и четкость высказываний.

— Я пришел утром в Колонный зал, занял свое определенное место — от гроба примерно десять метров. Через некоторое время на церемонию прощания прибыли дочь Сталина Светлана и сын Василий. Вид его такой был, ну, действительно подавленный, и что-то он высказывал.

Многие очевидцы, включая Светлану Аллилуеву, говорят о том, что Василий на похоронах был пьяным. Глядя на кадры исторической кинохроники, к такому выводу прийти трудно. Да, видно, что Василий внешне переживает случившееся гораздо более эмоционально, чем сестра. Он рыдает, у него буквально подкашиваются ноги, кто-то его все время поддерживает. Но на Красной площади он уже почти спокоен: ни следов истерики, ни признаков того, что он пьян.

Ко дню похорон Василий уже не командующий ВВС Московского военного округа, а обыкновенный слушатель Академии Генерального Штаба. Туда его отправил учиться отец. Василий никогда учиться особенно не хотел. Разве что любил пилотирование как практический предмет, когда учился в Каче. Отец заставлял сына учиться, ставил ему в пример сына Берии Серго. Светлана вспоминает, что однажды между отцом и сыном Сталиными состоялся такой разговор.

Иосиф Сталин увидел Василия в компании Серго.

Иосиф Сталин. Бери пример с Серго. Академию закончил. Адъюнктуру…

Василий Сталин. А ты-то у нас что закончил?

Василий в академии так и не показался. Та же Светлана, кстати сказать, не очень любившая брата, писала, что Василий безвылазно сидел на даче и пил.

Сын Василия Сталина Александр Бурдонский:

— Мама как-то ему сказала, что не лучше ли остановиться, вести себя более достойно. На что он ей, подойдя к окну, сказал такую вещь: «Ты знаешь, Галка, ведь я живу до тех пор, пока жив отец».

Помните, об этом говорил нам и Артем Сергеев? Видимо, и вправду эта мысль не давала Василию покоя. Как и та, что дядя Лаврентий, дядя Никита и другие дяди — соратники вождя, которых Василий знал с раннего детства и многих именно так и называл, — помогли уйти из жизни его отцу.

Из расшифровки телефонного разговора Василия Сталина с шофером Александром Февралевым, записанного органами государственной безопасности в день похорон Иосифа Сталина 9 марта 1953 года.

Голос Василия Сталина. Сколько людей подавили — жутко. Я даже с Хрущевым поругался. Был жуткий случай в Доме Союзов. Приходит старуха с клюкой, у гроба в почетном карауле стоят Маленков, Берия, Молотов и Булганин. И вдруг говорит им старуха: «Убили, сволочи, радуйтесь. Будьте вы прокляты».

В этой расшифровке есть сразу две темы, интересные для исследователей исторической ситуации, сложившейся в марте 1953 года в Кремле.

Во-первых, мысль о том, что Сталин сам умереть не может, что его должны отравить, помочь умереть, приходила в голову не только Василию.

Во-вторых, Василий Сталин — сын всемогущего Иосифа Виссарионовича — был объектом наблюдения органов безопасности. И совсем не главного управления охраны.

За ним наблюдали, его прослушивали. Более того — его слушали даже в день похорон отца.

Чего же боялись те, кто приказал установить наблюдение за сыном Сталина? Положения наследного принца? Это вряд ли. Мало кому могло прийти в голову, что Вася вдруг бросит все — в смысле пить — и начнет бороться за власть… Ну, например, с Лаврентием Палычем Берией, которого большинство вне зависимости от отношения к этому персонажу советской истории мгновенно усадило на опустевшее место главы государства. Нет, борьба за власть исключалась. Во всяком случае, в марте 1953 года.

Что еще могло тревожить осиротевшее Политбюро? Что Василия могут выкрасть западные державы? Это предположение почти абсурдное, если не сказать бредовое. Значит, остается одно. Генерал Василий Сталин слишком много всего знал, а главное, слишком мало совершал усилий, чтобы эти знания держать при себе. Другими словами, Вася просто не умел держать язык за зубами и явно не собирался этого делать.

Может быть, для приличия Маленков и Берия подождали бы с арестом Василия полгода-год, но он как будто специально вел себя так, словно хотел быстрее приблизить разрядку. Чего стоит, например, угроза, высказанная при свидетелях, «встретиться с иностранными корреспондентами и порассказать им все!».

Кстати, при этом разговоре присутствовали всего трое: его вторая жена Екатерина Тимошенко, адъютант Виктор Полянский и его знакомый полковник Лебедев.

Здесь не требуется иметь каких-то специальных криминалистических навыков, чтобы предположить, что кто-то из этой троицы и «стукнул» куда следует.

Артем Сергеев, приемный сын Иосифа Сталина, друг Василия:

— Он свидетель, свидетель многого. Раз так, значит, его же надо куда-то упрятать... Вроде расстрелять, порвать на части — это вроде неудобно. Можно упрятать и другим способом.

Терпение у дяди Лаврентия, дяди Егора Маленкова и дяди Никиты лопнуло очень быстро. Через пятьдесят три дня после смерти отца, 27 апреля 1953 года, Василий Сталин был арестован. Конечно, они мстили. Мстили за свой страх, за унижения, на которые охотно соглашались сами, за еще свежий в памяти XIX съезд и последовавший за ним Пленум.

Что чувствовал по дороге на Лубянку сын вождя, о чем думал, нам уже никогда не узнать.

За месяц до этого, 26 марта 1953 года, приказом министра обороны СССР генерала Василия Сталина

уволили в запас без права ношения военной формы. Статья, по которой Василия уволили, звучала так: «за поступки, дискредитирующие высокое звание военнослужащего».

Друг Василия Сталина Артем Сергеев:

— И вот его судили. Его судили по двум статьям 58/10, измена Родине.

Тут необходимо уточнение. Судили Василия Сталина действительно по знаменитой 58-й статье; об этом стало известно недавно, и это тянет на сенсацию.

Мы решили подробно проследить, что происходило в конце апреля с Василием Сталиным.

В конце апреля 1953-го Василий вернулся с дачи в Москву, в свой особняк на Гоголевском бульваре, где раньше он жил с Капитолиной Васильевой. Столица готовилась к Первомаю. Но это происходило где-то в стороне от сына Сталина. Наверное, ему было странно думать о том, что на трибуне Мавзолея впервые за много лет не будет стоять его отец, что он сам не будет на этом параде ни как участник, ни как гость. Неизвестно одно: ждал он своего ареста так скоро или нет?

27 апреля, день ареста, запомнил не только Василий.

Капитолина Васильева:

— Пробивали, били по стенам, искали какие-то тайники, и все, в общем-то, все-все опечатали, вплоть до того, что даже мамин чемоданчик. Мамин, с мамиными вещами, с вышитым полотенцем, она вышивала очень красиво, — даже он был опечатан.

Видимо, не особо рассчитывая на то, что сын Сталина будет свидетельствовать против себя самого, арестовали и ближайшее окружение Василия, его заместителей и помощников. Генералов Васюкевича и Терещенко, адъютантов Капелькина, Полянского, Догаева и Степаняна. Начальника контрразведки ВВС Московского военного округа Голованова. Брали почти без разбору практически всех, кто хоть как-то соприкасался с Василием.

Не пощадили старика шофера Александра Февралева, возившего еще Ленина, и даже штабного парикмахера Марию Кабанову. Во всех соединениях и частях ВВС Московского военного округа, которым командовал до ареста Василий Сталин, начались проверки.

Искали компромат.

«Навалились на меня и на Володьку Глуцкого. В Кубинку и меня в Калинин проверять.

Это Сергей Долгушин, Герой Советского Союза, друг Василия Сталина.

На съемку он пришел в штатском, но звезду Героя Советского Союза надел. По лицу этого человека, по тому, как он говорил, все поняли, что такого человека сломать было трудно. Да и не боялся он никогда и ничего.

В то время Сергей Долгушин командовал дивизией фронтовых бомбардировщиков «Ил-28».

— Причем каждый день проверки, докладывали вначале Берии, а потом Булганину, а потом только Главкому. Мы про это дело знали. Бывало, он мне или я ему позвоню, понимаете? «Володька, тебя еще не арестовали?» Он говорит: «Нет, Сергей, нет!» Еще, понимаете, вот такое вот состояние...

Володька — это Герой Советского Союза Владимир Луцкий. В то время он был командиром авиадивизии истребителей «МиГ-15».

— Из всех арестованных показания против Василия не давал лишь адъютант Михаил Степанян, остальные очень быстро сломались.

Из показаний свидетеля писателя Войтехова:

«Зимой в конце 1949 года, приехав на квартиру бывшей своей жены, актрисы Людмилы Целиковской, я застал ее в растерзанном виде. Она сказала, что у нее только что был в гостях Василий Сталин и пытался принудить ее к сожительству. Я поехал к нему на квартиру, где он пил в компании летчиков. Василий встал на колени, назвал себя подлецом и негодяем и сказал, что сожительствует с моей женой. В 1951 году у меня были денежные затруднения, и он устроил меня в штаб референтом. Работы я не выполнял никакой, а зарплату получал как спортсмен ВВС».

Что и говорить, показания изобличающие, но на измену Родине тянут слабо. На измену жене подходят больше. Но, как говорили остряки в то время, человек, изменивший жене, может изменить и Родине. А следствие «копало» все дальше и дальше.

Следствие возглавил печально знаменитый Лев Влодзимирский, кстати, расстрелянный через полгода вместе с Берией. Как вспоминали родственники, после допросов люди из окружения Василия Сталина покидали тюрьму в жутком состоянии. Некоторых невозможно было узнать — так они изменились за несколько месяцев.

У молчавшего на следствии Степаняна были выбиты зубы, по всему телу — следы побоев. Но к Василию жестких методов во время следствия не применяли. Да это, похоже, и не было нужно. Раздавленный, явно переживший психологический шок Василий Сталин на следствии был покладистым, даже слишком. В протоколах допросов сразу обращает на себя внимание полная идиллия между следователями и обвиняемым.

Вот, например, очень странные фразы Василия, внесенные в протокол:

«Я уподобился собаке на сене».

Или:

«…Я, игнорируя советские законы и обманывая руководство...»

Читая такие строчки, так и видишь Василия, кающегося во всех смертных грехах, в том, что он совершал и чего нет. Смущают и обороты речи, хорошо знакомые еще по выступлениям Вышинского: «Будучи тщеславным, я отнял у трудящихся…» Уж как-то гладко все! Все вплоть до ошибок. Например, на одном из допросов Василий якобы назвал себя «командующим округом», хотя такой должности никогда не занимал. Согласитесь, что командующий округом и командующий ВВС округа — вещи совершенно разные. Это штатский может перепутать, но не кадровый военный.

Протокол допроса арестованного Сталина Василия Иосифовича от 9—11 мая 1953 года.

«Вопрос. Следствию известно, что вы незаконно расходовали государственные средства?

Ответ. Я уже показал, что, используя свое служебное положение, игнорируя советские законы и обманывая руководство военного министерства, я разбазарил крупные суммы государственных средств на мероприятия, не вызывавшиеся никакой необходимостью для боевой подготовки в вверенных мне воинских подразделениях. Кроме того, своим недостойным поведением, выражавшимся в систематическом пьянстве, в сожительстве с подчиненными мне по службе женщинами, я фактически дискредитировал себя как командующий округом».

Дело Василия Сталина расследовалось около двух с половиной лет. Все это время он был под стражей во внутренней тюрьме КГБ на Лубянке. Зимой 1954 года Василий заболел. Лечили его в оборудованной как тюремная камера больничной палате госпиталя МВД у метро «Октябрьское поле», рядом с любимым Центральным аэродромом. Еще одна гримаса судьбы!

Через месяц лечения в госпитале Василия увезли на спецдачу КГБ в Кратове, а затем поместили в Лефортовский следственный изолятор, где и он пробыл вплоть до 1955 года.

— Я был у него, был здесь, не в Лефортово, — говорит сын Василия Сталина Александр Бурдонский. — Кого я видел опять? Загнанного в угол человека, который никак не мог за себя постоять и никак не мог себя оправдать. И разговор его был в основном, конечно, о том, чтобы помочь выйти на свободу. Он понимал, что этого не могу сделать я, этого не может сделать сестра. Я только помню вот это его огромное чувство несправедливости, содеянного с ним.

Итак, за неумение держать язык за зубами Василий Сталин получил обвинение по самой тяжкой и самой популярной статье тех лет — пятьдесят восьмой. Правда, не «прим» за измену Родине, а пункт «десять» — за антисоветскую агитацию и пропаганду.

Видимо, компромата было не очень много, поэтому рядом, а точнее на первом месте в «Деле Сталина Василия Иосифовича» значилась и 193 статья, пункт 17 — злоупотребление властью.

Большая часть обвинений по этой статье могла бы стать предметом разбирательства на каком-нибудь партсобрании, но никак не в суде. Тут и многочисленные романы, и езда по улицам Москвы без правил, и пьянство, и рукоприкладство. В общем, все было свалено в одну кучу. Инкриминировалось Василию Сталину еще и разбазаривание государственных средств.

Тем более что на следствии Василий этого не отрицал. Ни то, что, создавая знаменитые спортивные команды ВВС, выбивал для спортсменов хорошие должности, квартиры и повышенное денежное содержание. Ни то, что потратил несколько миллионов рублей на строительство бассейна на Ленинградском проспекте в Москве. Ни то, что в охотничье хозяйство в Переславль-Залесский летал на служебном «Дугласе» с многочисленной свитой. Не отрицал Василий и то, что обустраивал личную дачу за казенный счет. Подтвердил и получение из Германии почти за бесценок автомашины, и покупку там же личных вещей для себя и для своих жен за валюту, выделенную на развитие ВВС Московского военного округа. Все это было. И Василий не спорил со всеми этими фактами.

Но вот на что обращаешь внимание при чтении протоколов допросов и обвинительного заключения. Кроме личного поведения, так сказать, в быту, а это, повторим, повод скорее для партсобрания, а не суда, Василий Сталин не делал ничего необычного.

Так вели себя большинство высших генералов. И спортивные команды в своих округах по директиве министра обороны создавали, и на охоту летали, и дачи с помощью солдат обустраивали, и вещи из Германии в Союз везли. Только им повезло больше — они не были сыновьями Сталина, поэтому и дослужились до почетной пенсии. Да и масштабы злоупотреблений по сравнению с сегодняшним днем выглядят шалостями невинного ребенка. Суммы, о которых идет речь, смехотворны, и сегодня они не вдохновили бы даже начинающего репортера разразиться каким-нибудь очерком, не говоря уже о том, чтобы Генеральная прокуратура запустила механизм следствия.

А вот бассейн, кстати, действует до сих пор.

Из протокола допроса арестованного Сталина Василия Иосифовича от 11 мая 1953 года:

«Следователь. Какой необходимостью вызвано сооружение этого водного бассейна?

Сталин. Я исходил из того, что в Москве нет ни одного пятидесятиметрового водного бассейна для проведения Олимпийских соревнований.

Следователь. Явное неубедительное объяснение».

Арест и расстрел в декабре 1953 года Берии и следователя Влодзимирского породили у Василия слабые надежды на изменения его положения. Может быть, это совпадение, но именно сразу после смерти Берии Василия из-за болезни переводят из внутренней тюрьмы Лубянки в госпиталь МВД, а затем на спецдачу в Кратове. Однако пришедший к власти Маленков, а затем Хрущев — дядя Егор и дядя

Никита, — видимо, решили, что на свободе Василий Сталин для них лично все равно опасен. А жив Берия или нет, не имеет в данном случае никакого значения.

На суд — в здание на Поварской, 15 — Василия Сталина возили уже из Лефортова. Суд прошел тихо, без адвоката, без прокурора, без права на кассационную жалобу и помилование. В общем, как обычно и бывало в таких случаях. Дело шло к двадцатому съезду, на котором готовилась расправа над Сталиным-старшим.

Второго сентября 1955 года Василий Сталин получил восемь лет исправительно-трудовых лагерей.

И тут — новый удар.

Ни в какие лагеря, где круг общения намного шире, чем в любой тюрьме, Василия никто отправлять и не собирался. Местом отбывания наказания ему определили знаменитый Владимирский централ. А ведь тюрьма, по определению, ни в какое сравнение с лагерями не идет. Тюрьма — и психологически, и физически — намного тяжелее. Не случайно один год в тюрьме приравнивается к трем в лагерях.

— Привезли его ночью. Я здесь был как раз. Привезли, значит, на двух «Волгах» два полковника, — рассказывал Александр Малинин.

В 1955 году он был дежурным помощником начальника Владимирской тюрьмы.

— Дежурный принял, все, поместили в камеру...

Как значилось в документах, в тюрьму доставили не Василия Иосифовича Сталина, а Васильева Василия Павловича. Так решили в Москве — сын Сталина в тюрьме сидеть не должен. Прямо-таки история советской Железной маски! Правда, конспирация властям не удалась. Личное дело сопровождающим отдали в запечатанном конверте, но в попутном списке указали настоящую фамилию нового заключенного. Естественно, сопровождавшие во Владимир Василия сотрудники язык за зубами не держали.

В камере, куда определили сына отца народов, уже находились двое зэков. Тоже, как и Василий, враги народа. Причем, один из них — тюремный стукач.

16 января 1956 года началась трудовая деятельность Василия Сталина в качестве ученика металлиста механических мастерских. Обучали его работе на сверлильных и токарных станках.

Александр Малинин помнил, как Василий Сталин

—...на токарном станке работал. Ну, предложения рационализаторское. Раньше пищу в столовую — приходят человек двадцать, берут бачки, тащат их на корпуса, чтобы кормить. Он говорит, я телегу придумал на трех колесах!

Из донесения начальника тюрьмы №2:

«Васильев ведет себя вежливо, много читает, физически у нас значительно окреп. К заключенному Васильеву приезжает жена. Им предоставляется личное свидание. В январе месяце к нему приезжала сестра».

Насчет здоровья «начальник» явно перегнул палку. Увы, в действительности все было не так.

Тюрьма есть тюрьма.

Во Владимирском централе у Василия начинает сохнуть нога, поврежденная во время взрыва снаряда на злополучной рыбалке весной сорок третьего. В камере было сыро, и с наступлением холодов боли в ноге усиливались. Для того чтобы в камере Сталина было теплее, по распоряжению тюремного начальства на каменном полу сделали деревянный настил.

Как тут не вспомнить, что отец Василия любил именно такие деревянные настилы, которые по его

указанию располагали в разных местах на всех территориях его многочисленных дач. Там ставили стол со стульями или лежанку. В таких местах Сталин любил читать. Дети веселились на специальной площадке или в домике Робинзона. Василий гонял на велосипеде…

Но все это было в другой жизни.

Наверное, в камере Василий сомневался: а была ли эта «другая жизнь»?

На свидание в тюрьму к Василию приезжали все три бывших жены: Галина Бурдонская, Екатерина Тимошенко и Капитолина Васильева. Правда, приезжали очень редко.

Из письма Василия Сталина — Капитолине Васильевой:

В письме много личного, интимного. В каждой строчке чувствуется, что Василий переосмысливает жизнь, прокручивает по сто раз одно и то же.

Вот письмо Михаилу Степаняну. Единственному из всех адъютантов, не сдавшему его на следствии. Наряду с обычными просьбами о табаке и спичках забота о здоровье детей.

Пишет Василий и бывшим соратникам отца.

Узнав об опале Маленкова, пытается отделить его от Хрущева, обвиняя Маленкова вместе с Берией во всех своих бедах. Он понимает, что решение об освобождении может принять лишь один человек — Никита Сергеевич Хрущев.

Сталин-сын не осуждает Хрущева даже за доклад на XX съезде партии о культе личности Сталина-отца.

Из письма Василия Сталина Никите Хрущеву:

Из процитированного отрывка понятно, что к Хрущеву Василий обращался не раз и не два. Вообще именно письма к Никите Сергеевичу дают возможность понять, в каком психологическом состоянии находился «заключенный Васильев». В письмах Василий выглядит абсолютно сломленным, готовым пойти на все, лишь бы оказаться на свободе.

К 1958 году Василий Сталин превращается практически в инвалида. Здоровье его резко ухудшается, о чем Шелепин, шеф КГБ, докладывает Хрущеву. И тот, похоже, испугался. Смерть сына Сталина в тюрьме — это скандал. В результате Комитет госбезопасности получает команду готовить Василия к освобождению. Впрочем, тянут до последнего. В конце концов Василия все-таки переводят в Москву, вновь в Лефортовский изолятор, а затем везут к Хрущеву.

Василий был в ужасном состоянии. Реденькие рыжие волосы на голове, изможденное больное лицо. Уже по дороге в Кремль ему сказали, что везут к Хрущеву. Заключенный Сталин не верил своим ушам и глазам. Потом Шелепин рассказывал, что Василий в кабинете упал на колени и стал умолять его освободить. Хрущев был очень растроган, называл «милым Васенькой», восклицал: «Что они с тобой сделали!» — прослезился, а затем…

Еще целый год продержал Василия в Лефортове.

На свободу Василий Сталин вышел лишь 11 января 1960 года.

Разобиженный и обозленный, прямо из Лефортова Василий едет к первой жене — Галине Бурдонской. С Капитолиной Васильевой они окончательно поссорились незадолго до освобождения. А письма он ей зачем писал?!

Дома его ждали дети — Надя и Саша. Удивительно, но он почему-то предполагал вновь создать семью именно с Галиной. А она, естественно, не приняла его. У Галины уже была своя жизнь.

— Она говорила, что лучше к тигру в клетку, чем вместе быть хоть один день, хоть один час, — передал нам слова матери Александр Бурдонский. — При всем сочувствии и так далее ей в эту судьбу входить больше не хотелось.

По решению ЦК после освобождения Василию Сталину была предоставлена трехкомнатная квартира на Фрунзенской набережной в Москве. Ему вернули право на ношение генеральской формы, определили пенсию, тридцать тысяч рублей единовременного пособия и бесплатную путевку. В санаторий, в Кисловодск, на три месяца.

Правда, извинений от правительства не последовало, а он их явно ждал.

И Василий сорвался. Снова начал пить в компании каких-то грузин, как напишет позднее Светлана, снова начал болтать лишнее, угрожать кому-то там, наверху.

9 апреля 1960 года Василия Сталина вызывает к себе Ворошилов. Беседа записывается на магнитофон и стенографируется.

«*Ворошилов.* Ну, рассказывай, Василий, как дела, как ты живешь?

Сталин. Плохо, Климент Ефремович, надо работать, прошу помочь, иначе без работы пропаду.

Ворошилов. Конечно, тебе дадут работу. Однако прежде всего ты должен стать другим человеком. Ты еще молодой, а вон какая у тебя лысина.

Сталин. Вы во всем правы, полностью с вами согласен. Мне надо исправляться, но для этого надо работать.

Ворошилов. Еще раз говорю тебе: немедленно брось водку.

Сталин. Не такой уж я отпетый пьяница. Пойду работать, и все встанет на свое место, исправлюсь.

Ворошилов. Возьми себя в руки.

Сталин. Будет сделано, Климент Ефремович. Я убежден, что вы меня любите и желаете только добра».

Этот разговор состоялся сразу после того, как пришло сообщение о поведении Василия в Кисловодске.

Вот что об этом нам рассказывала Капитолина Васильева:

— Поехал лечиться в Кисловодск. Там вокруг него... ну, в общем, знаете таких... какие-то люди окружали, находились, что способствовали тому, чтобы он стал... все-таки как-то не отдыхал, а черт-те чем занимался... они сидели... понимаете, это самое... и занимались... короче говоря, он пил там...

После кисловодских подвигов Василия и состоялся тот разговор с Ворошиловым, который написал Хрущеву докладную. Справедливости ради надо сказать, что просьба о работе не была такой простой, как кажется. Кем должен работать Василий Сталин? Служить он уже не мог, а ничего другого делать не умел. Не отправлять же его токарем на завод? Докладная от Ворошилова к Хрущеву по кремлевскому коридору шла 20 дней. И потерявший терпение Василий делает роковой для себя и очень глупый шаг. Он идет в китайское посольство и просит у китайских товарищей помощи в переезде в Китай, трудоустройстве там и лечении.

И это в период резкого обострения отношений Китая с Советским Союзом.

С 16 апреля 1960 года по 27 апреля 1961 возвращенный в тюрьму Василий Сталин досиживает оставшийся по приговору год все в том же Лефортове. Однако 28 апреля 1961 года полную свободу сын Сталина так и не получил. Решением Президиума Верховного Совета СССР он отправляется в ссылку сроком

на пять лет в Казань, в город, закрытый для въезда иностранцам.

В Казань Василий Иосифович уезжает с новой спутницей жизни Марией Нюсберг и с новой фамилией — Джугашвили.

С Марией, медицинской сестрой, Василий познакомился в клинике Вишневского, у которого проходил курс лечения.

— Когда он оказался в Казани один, то сестра медицинская тоже оказалась там...

Говоря это нам, Капиталина Васильева, так и не ставшая официальной женой Василия Сталина, явно намекала на то, что Марию Нюсберг приставили к Василию, чтобы она за ним следила. Точно так же считали и другие люди, знавшие Василия, но оговоримся сразу: это всего лишь предположение. Никаких данных, что Мария Нюсберг была агентом КГБ, нет.

С новой женой и двумя ее детьми теперь уже Василий Джугавили поселился в однокомнатной квартирке, в неприметном доме №105 на улице Гагарина. Робко пытался бороться за свою старую фамилию. В январе 1962 года даже направил заявление в ЦК КПСС.

Из заявления Василия Джугашвили:

Новая фамилия, новый город, новая жизнь...

В Казани Василий жил на пенсию в 150 рублей. Нигде не работал, ходил в одной и той же генеральской форме и продолжал пить. Часто со случайными людьми. Что он говорил этим случайным слушателям? Наверное, рассказывал истории из своей прошлой жизни. О боевых победах, о военных парадах, о небе, которое он действительно любил. Возможно, говорил и об отце.

Выглядел он в свои сорок лет намного, намного старше.

А девятнадцатого марта 1962 года закончилась и эта довольно унизительная для сына Сталина жизнь.

Владимир Семичастный — Никите Хрущеву:

Сыну Василия Сталина, Александру Бурдонскому, о смерти отца сообщил таксист, который слышал сообщение по «Голосу Америки». В Казань на похороны отправились Капитолина Васильева и Александр Бурдонский. Светлана и Екатерина Тимошенко остались в Москве.

— Прилетели мы в Казань, были в этой квартире, где он жил, видели его уже под простыней — мертвым.

Капиталина Васильева решила проверить, проводили ли врачи вскрытие при установлении причин смерти.

— Когда Капитолина подняла простыню, я помню прекрасно, что у него были швы, его вскрывали, видимо, хотя внятного ответа на то, от чего он умер, нам никто тогда не сказал. Там были люди, видимо, из органов, которые как бы за каждым этим, так сказать, нашим движением там следили.

Все это рассказал Александр Бурдонский.

Как вспоминают очевидцы, гроб стоял на двух табуретках. Цветов не было в этой убогой комнате. Так уходил из жизни некогда всесильный сын всемогущего отца. Капитолина Васильева на похоронах человека, так и не ставшего ей официальным мужем, была:

— Его похоронили как бомжа. Подкатили какой-то черный катафалк, туда положили гроб и поехали на кладбище. И причем его... он был в мундире генеральском. И в последний момент почему-то какие-то женщины накрыли его тюлем, тюлем… Я стояла с ребятами и смотрела, думаю, ну что, бежать стащить этот тюль, ведь это же хоронят-то воина, достойного воина...

И хотя хоронили боевого летчика, из-за запрета людей в военной форме на кладбище не было, но Александр Бурдонский заметил одну необычную деталь:

— Довольно долго шли люди, и помню, что несколько человек, подходя, вот так вот раздвигали борта пальто, и там были одеты в военной форме и орденах. Видимо, летчики. Таким образом устраивали прощание.

Народу в день похорон Василия на улице собралось довольно много. Слух о том, что умер сын Сталина, мгновенно разлетелся по Казани.

Александр Бурдонский:

— Я помню, что моя сестра, которой было тогда, по-моему, семнадцать лет, приехала с этих похорон седая совершенно...

Что-то кроется в этой фразе, какая-то загадка. Хоть речь в ней идет о дочери Василия Сталина, но на самом деле она относится к ее отцу. Седой девушка стала не от сознания того, что ее отец умер, а от того, как он жил и как ушел из жизни.

Как всегда, по России начали гулять всякие легенды о том, что умер ненастоящий сын Сталина. Настоящий уехал не то в Грузию, не то в Китай. Только все это уже не имело никакого отношения к его реальной жизни.

Приезжавшая ненадолго в страну в середине восьмидесятых Светлана Аллилуева говорила с родственниками о том, что Василия надо привезти в Москву и похоронить на Новодевичьем кладбище, рядом со всеми родственниками, Аллилуевыми — Сванидзе. Но не сделала этого. Это сделала в 2002 году приемная дочь Василия Сталина, чем подняла новую волну пересудов со стороны его прямых родственников. Одни были обижены, почему с ними не посоветовались, другие восклицали: какое она имеет право?!

Удивительно, но этот, казалось бы, внутрисемейный спор обсуждали в газетах капиталистической России как очень важную тему. Почему? Пусть ответ ищет сам читатель.

А мы на этом закончим рассказ о Василии Джугашвили, сорок лет прожившем под фамилией Сталин.

Когда-то его отец произнес знаменитую фразу: «Сын за отца не отвечает».

Василий ответил, причем по полной программе…

Серия седьмая

Светлана Аллилуева — дочь Дьявола и Богини

Все три серии фильма назывались

«Светлана Сталина. Побег из семьи».

Премьерный показ 12 мая 2003 года. Первый канал

Москва. Кремль. Резиденция русских царей. В новейшей истории России редко кого молва наделяла царским титулом. Однако эту девочку разные люди почти сразу окрестили «кремлевской принцессой».

Светлана Аллилуева, дочь каторжника и бывшей гимназистки, хозяина одной шестой части суши и женщины, покончившей жизнь самоубийством, девочка, для которой домашний адрес звучал так: Москва. Кремль.

В своей жизни Светлана Аллилуева совершила много странных поступков, которые описала в своих четырех книгах. Что же двигало этой женщиной, менявшей мужей и места жительства, мнение о народах и странах, друзьях и близких, привязанности и пристрастия? В нашем фильме мы попытаемся в этом разобраться.

Светлана Аллилуева родилась 28 февраля 1926 года в Москве. Правда, тогда у нее была другая фамилия — Сталина. Конечно, дети фамилии не выбирают, впрочем, как и родителей, все это можно будет сделать потом, и Светлана, как известно, воспользуется этим правом.

Но о том, как и когда это произойдет, разговор особый.

У Иосифа Сталина она была третьим ребенком и первой девочкой. Наверняка это было счастливым обстоятельством для Светланы, потому что в будущем ее не ожидало повседневное сравнение с великим отцом. Якову и Василию в этом смысле повезло меньше, и каждый их поступок мерили сталинским эталоном.

У Надежды Аллилуевой Светлана была вторым ребенком. Первым был Василий. Взаимоотношения брата и сестры не были безоблачными даже в детстве, потому что Светлана и в поведении, и в учебе почти всегда была образцом для подражания, а Василий почти всегда ходил в «балбесах».

Видел разницу в детях и отец — Иосиф Сталин.

«Скажешь Ваське: „Васька, прыгай в огонь!“ — он прыгнет не думая. А ты — не-ет! Будешь раздумывать! У-у, дипломатка! Все думает что-то, никогда сразу не ответит!»

Вожди революции — вчерашние свинопасы, недоучившиеся семинаристы и дети рабочих, как-то очень быстро поняли, как правильно надо жить, и из камер предварительного заключения, из изб российской глубинки и полуподвальных комнаток перебрались в брошенные после революции помещичьи дома и деревенские усадьбы. А воспитанием их детей занялись старорежимные гувернантки и дядьки. Был такой дядька и у Василия Сталина, были гувернантки у Светланы. И няня у нее была — Александра Андреевна Бычкова. Светлана называла ее бабусей. Бабуся нянчила и Светлану, и ее детей, и ее внуков. До революции Александра Андреевна была прислугой у известного московского врача, в доме которого нередко собиралась интеллектуальная элита того времени. Артем Сергеев прекрасно помнит не только няню, но даже день, когда Светлану принесли из роддома.

—…Нашли няню для Светланы изумительную, это была простая русская женщина из русской

глубинки, из деревни...В жизнь Светланы она внесла очень большую лепту, это была своего рода Арина Родионовна. Она прекрасно знала русский язык, она знала массу пословиц, массу мелких происшествий, в разговоре все это употреблялось и наложило на Светлану соответствующее впечатление.

Отца и мать девочка видела очень редко — Иосиф Сталин уже тогда был первым лицом государства, а мать всегда стремилась к независимости. Сначала она работала в секретариате Ленина, а позже в секретариате своего мужа, Сталина. Кухня и дом были не для нее. Семью девочке заменяла Анна Андреевна.

Пожалуй, только отношение к бабусе Светлана не изменила до сегодняшнего времени и не предала ее. Правда, оставшись одна после своего четвертого замужества, бросила вскользь фразу о том, что в Америке телевизор воспитывал ее третьего ребенка гораздо лучше, чем полуграмотная старуха ее и ее детей. Но в остальном Светлана бабусю «не сдавала», более того — в годы чисток, когда угроза ареста нависла и над Александрой Бычковой (кто-то раскопал, что ее муж до революции служил писарем в полиции), Светлана разрыдалась и добилась, чтобы отец приказал: «Няньку не трогать!»

Кстати, Александра Андреевна похоронена на Новодевичьем кладбище рядом со всеми Аллилуевыми и Сванидзе, недалеко от Чехова и Булгакова.

Сама Светлана в своих многочисленных воспоминаниях делит свою жизнь, жизнь своей семьи и государства на две неравные части: до смерти матери и после. Делит не на временные отрезки.

«Сетанка-хозяйка»

Совсем безоблачными для Светланы были первые шесть лет жизни, и хотя мама все время работала, девочка ни секунды не оставалась одна. Хорошие учителя, экономки, домоправительница, бабуся занимались обучением и бытом Светланы. Ребенка все любили, но скучать ей не давали, и к шести годам Светлана уже читала и писала не только по-русски, но и по-немецки. Надежда Аллилуева подобрала правильных людей, правильно держала большой дом и вообще была душой этого дома. Во всяком случае, так твердо считает ее дочь.

До смерти матери Светлана наслаждалась «золотым детством». Любимая дача в Зубалове, семейные застолья, пикники, гости. Веселые родители — папа Сталин и мама Надежда, дедушка Сергей Яковлевич Аллилуев и бабушка Ольга Евгеньевна, родственники, товарищи по партии, шумные, молодые, остроумные, например, дядя Киров или дядя Коля Бухарин, привозивший в Зубалово всякую живность, от хомячка до лисы.

Светлана любила приезды гостей и с удовольствием играла с черепахой, хомяком и лисой.

Правда, прошло не так много времени, и некоторые друзья и родственники вдруг стали исчезать из жизни Светланы. Тогда девочка еще не понимала, почему это происходит. Почему застрелился дядя Серго Орджоникидзе, почему пропал дядя Бухарин?

После смерти Бухарина та самая лиса, которую привозили в Зубалово, еще долго жила в Тайнинском саду Кремля, но без хозяина одичала. Ее видели изредка в разных уголках и так и называли «лисой Бухарина».

В Зубалово приезжали и дядя Ворошилов, и дядя Микоян, чьими семейными традициями и стилем жизни в родовом имении всегда восхищалась Светлана.

В 1963 году, когда Светлана впервые рассказала о своей жизни, ей было уже 37 лет. Позади остался двадцатый съезд партии и развенчание культа личности. Однако в этом вполне зрелом возрасте Светлана никак не оценивает захват чужого имущества новой советской элитой. Ее умиляет обстановка дачи

помещика Зубалова, которую сохранили Микояны. И резные буфеты, и римские копии греческих статуй, и картины в золоченых рамах, и львы, лежащие у входа.

«Как прекрасно сохранять семейные традиции!» — восклицала Светлана. И только через двадцать лет, в Америке, Светлана вдруг поняла, что дачи были чужие, а конюшни и кони, на которых любили совершать прогулки у себя в имении дядя Ворошилов и дядя Микоян, содержались за счет государства. Точка зрения изменилась.

Надо сказать, что изменение точек зрения на разные вещи очень характеры для Светланы. С ней это будет происходить не раз. Но об изменениях в мировоззрении Светланы Аллилуевой позже, сейчас же она — милый ребенок.

«Сетанка» — как она себя называла.

«Сетанка-хозяйка» — как ее называл отец.

Светлана безумно любит мать, но очень-очень редко ее видит. С одной стороны, Надежда Сергеевна много работает, самоутверждаясь и стараясь идти в ногу со временем, с другой — живет, по воспоминаниям секретаря Сталина Бориса Бажанова, в каком-то вакууме:

— Когда я познакомился с Надей, у меня было впечатление, что вокруг нее какая-то пустота... Женщин-подруг у нее в это время как-то не было, а мужская публика боялась к ней приближаться: вдруг Сталин заподозрит, что ухаживают за его женой, — сживет со свету. У меня было явное ощущение, что жена диктатора нуждается в самых простых человеческих отношениях…

Гром грянул 7 ноября 1932 года. И прогремел не праздничный салют. Сначала Светлана, держа в руке красный флажок, впервые в своей жизни стояла рядом с мамой недалеко от трибуны Мавзолея. Папа, как всегда, был там, высоко. Мимо шли люди, что-то кричали, а площадь и впрямь была красной от обилия кумача. Впечатлений от парада на Красной площади осталось — море, и когда гувернантка попросила детей изложить их на бумаге, шестилетняя Света написала: «Дядя Ворошилов ездил на лошади». Брат высмеял ее, сказал, что надо писать: «Товарищ Ворошилов скакал на коне».

К детям зашла мама, она смеялась, услышав эту историю, а потом увела дочь к себе в комнату. Это был один из редких разговоров матери с дочерью. Светлана, сохранив на всю жизнь нежнейшее отношение к матери, тем не менее не могла вспомнить, когда мама играла с ней или ласкала ее. Редкие общения матери с детьми обычно сводились к своеобразным нравоучениям и увещеваниям, что нужно хорошо учиться и слушаться старших. Вот и в этот запомнившийся навсегда день мать, как всегда, строго и долго внушала Светлане, как себя надо вести и что никогда не надо пить вина. Светлана хорошо запомнила эти ее слова. Потом детей уложили спать, а родители отправились на квартиру к Ворошилову отмечать праздник. Больше Светлана не видела своей матери.

Рассказывая об этих днях, Светлана не замечает, что противоречит сама себе. Она говорит, что гувернантка попросила описать события 7 ноября на Красной площади на следующий день, то есть 8 ноября. Что написала Светлана, мы знаем с ее слов. С ее же слов знала об этом и Надежда Сергеевна, но дело в том, что на следующий день, то есть 8 ноября, Надежды Аллилуевой уже не было в живых.

Ранняя смерть молодой жены Сталина породила массу слухов и домыслов. Скрыть то, что произошло, можно было от малолетних детей, но не от окружающих, тем более что многие были свидетелями вроде бы небольшой ссоры, которая произошла на банкете, посвященном пятнадцатилетию Октября.

Здесь в очередной раз можно удивиться разноголосице в описаниях того, что произошло между супругами, и даже место действия определить из рассказов очевидцев невозможно.

Кто-то утверждает, что ссора произошла в Большом театре, в комнате за сценой; кто-то говорит, что

все было в кремлевской квартире Ворошилова. Что касается самой ссоры, Полина Жемчужина — подруга Надежды Аллилуевой и жена Молотова — рассказывала:

«…Вечеринка подходила к концу. Сталин, проходя по залу, бросил окурок папиросы в лицо Аллилуевой».

Надежда бросилась к выходу, Жемчужина — за ней. По словам жены Молотовой, Надежда Сергеевна рыдала и говорила, что больше не в силах жить с этим человеком, который отравил ей всю ее жизнь.

А вот Николай Бухарин, вроде бы сидевший тоже рядом с женой Сталина, вспоминал, что Сталин бросал в жену мандариновые корки…

Судя по всему, детали произошедшей в тот вечер ссоры навсегда утеряны во времени. Нам остается только суть — Сталин оскорбил жену, она не перенесла оскорбления и ночью застрелилась из маленького пистолета, который ей подарил брат Павел.

Никто даже не слышал выстрела.

Никто...

Имеется в виду многочисленная прислуга и охрана.

Ее муж Иосиф Сталин, которого многие впрямую сначала тихо, а после двадцатого съезда во всеуслышание обвиняли в смерти Надежды, имеет полнейшее алиби. В эту ночь он находился на одной из своих дач… Есть свидетельства, что Сталина разыскали, ему дозвонились, но он долго не мог понять, о чем ему докладывают. Источники утверждали, что Иосиф Виссарионович был пьян как сапожник.

Но сегодня речь не о муже Надежды Аллилуевой, а о ее дочери.

Для нас остается вопросом, как и когда Светлана узнала о смерти матери. Вот что нам рассказал Артем Сергеев:

—…Я не знаю точно, когда она узнала, во всяком случае, после смерти матери. Я предполагаю, что она длительное время еще не знала. Потому что когда через четыре с половиной месяца Светлане исполнялось 7 лет, у нее... это было уже на второй квартире, в Потешном, в Кремле... собрались гости. Естественно, приносили всякие подарки, куклы… И тогда Светлана спросила: а что мама прислала из Германии?

Детская память штука не очень верная. События в ней остаются, а даты могут путаться. Сегодня по объективным причинам уже трудно докопаться до истины и в этом вопросе. Многих участников событий уже нет в живых, а тех, кто еще жив, память часто подводит. К тому же на людей влияет их личное отношение к участникам событий. Люди, не приемлющие фигуры Сталина ни в каком виде, готовы чуть ли не под присягой свидетельствовать о том, что диктатор лично застрелил свою жену. Внес свою лепту в искажение действительности и двадцатый съезд партии. Современники Сталина оказались в двух непримиримых лагерях и, исходя из своих убеждений, окрашивали события то в радужные, то в черные тона.

День похорон матери Светлана описывает как участница событий; она помнит, как ее и Василия привезли прощаться с матерью, как ей вдруг стало страшно и она закричала.

«Я что-то поняла, лишь когда меня привезли в здание, где теперь ГУМ, а тогда было какое-то официальное учреждение, и в зале стоял гроб с телом и происходило прощание. Тут я страшно испугалась, потому что Зина Орджоникидзе взяла меня на руки и поднесла к маминому лицу — „попрощаться“.

Если дело обстояло именно так, значит, маленькая Светлана не поняла, что произошло с ее матерью, раз в день рождения ждала от нее подарка.

Как бы там ни было, но в шесть лет у Светланы из родителей остался только отец.

Отец любил дочь и, когда был дома или приезжал на дачу, находился все время рядом с ней. И Светлана терлась все время возле отца. Он целовал ее, любовался, кормил из своей тарелки, выбирая кусочки получше. Опубликовано много фотографий, где улыбающиеся отец и дочь рядом. Светлана держит отца за ногу, находясь как бы у него под крылом. Светлана сидит у отца на коленях. Сталин держит уже большую Светлану на руках. Держит как-то неуклюже.

И еще он любил, чтобы Сетанка-хозяйка, командовала им и его друзьями. Светлане тоже нравилось играть в эту игру, и она то и дела отправляла приказы секретарю Сталину и другим «секретаришкам»: Кагановичу, Молотову, Орджоникидзе.

Светлана приказывала секретарю Сталину ходить с ней в театры, в кино, катать на метро, отправлять ее на дачу и… не писать приказы. Жизнь продолжалась без мамы, и казалось, Светлана не очень это замечала, что заставило отца даже как-то посетовать на то, что сын и дочь очень быстро забыли мать. Это было не так.

В работе над этой частью фильмов о Сталине и его семье нам очень помогла Марфа Пешкова — внучка Максима Горького, жена Серго Берии и школьная подруга Светланы Сталиной.

—…Я, помню, вошла вместе с нянечкой в ее комнату, она сидела на диване и что-то делала с куклой. Почему-то у нее какие-то черные тряпочки лежали вокруг, и она пыталась куклу в эти тряпочки одеть. Я удивилась и спросила: «Светлана, а что ты делаешь?» Она мне ответила: «Это мамино платье. Мама умерла и я хочу, чтобы кукла носила такое платье».

Через год Светлана, как и все дети ее возраста, пошла в среднюю школу. В ту самую далеко не среднюю, а образцовую двадцать пятую школу в Старопименовском переулке, куда уже ходил Василий, куда ходили все кремлевские дети.

От Кремля до школы рукой подать, поэтому на время учебы Светлана перебралась домой, в Кремль, на даче бывала в выходные и на каникулах. Именно в ее отсутствие любимая дача в Зубалове да и другие стали меняться. Началось с того, что отец сменил квартиру — жить там, где застрелилась его жена, он не мог. Новая квартира для жилья оказалось неудобной. Длинные комнаты, сводчатые потолки. К тому же, на взгляд Светланы, она была очень мрачной.

Изменилось и Зубалово — исчезла ее любимая площадка в лесу, которую устраивала мать, с качелями и домиком Робинзона. Дома перекрашивались, исчезали старые вещи, кусты вырубались, взамен высаживались елки, песчаные дорожки заливались асфальтом, но главное — исчезали люди.

Метаморфозы, произошедшие в стране после убийства Кирова, коснулись и семьи Сталина. Вся прислуга, тщательно отобранная когда-то Надеждой Аллилуевой была заменена на не менее тщательно подобранную и проверенную, но теперь уже НКВД.

Светлана, «20 писем к другу»:

«...Новая экономка (то бишь „сестра-хозяйка“), приставленная к нашей квартире в Кремле, — лейтенант (а потом майор) госбезопасности Александра Николаевна Накашидзе. Появилась она в нашем доме в 1937 или 1938 году с легкой руки Берия, которому она доводилась родственницей…»

Вдруг все вокруг Светланы стало казенным: и мебель, и люди. И даже бабуся шутя козыряла повару при встрече и говорила: «Слушаюсь, вашество!», «Есть!»

Или что-то в этом роде.

Именно в эти годы Светлана неожиданно заметила, что и все ее многочисленные родственники живут

не очень дружно. Например, бабушка часто ссорится с дедушкой, и однажды в разгар такой ссоры она вдруг выпалила внучке:

«Мать твоя дура была, дура! Сколько раз я ей говорила, что она дура, — не слушала меня, вот и поплатилась!»

Светлана заревела, крикнула: «Сама ты дура!» — и побежала искать утешения у бабуси.

Кроме этого, Яша ссорился с Василием, Яшина жена враждовала с бабушкой и дедушкой и так далее. Причем каждый хотел получить защиту Сталина, для чего посылали Светлану с донесениями. Светлана получала нагоняй от отца:

«Что ты повторяешь все, что тебе скажут, как пустой барабан!»

Примерно так же закончилась и попытка Светланы заступиться за теток, которые за то, что, по словам Сталина, «много знали», угодили в НКВД.

«Прекрати адвокатствовать! — приказал отец. — А то и тебя посажу!»

Однако Светлана не очень задумывалась в те годы, что означали слова отца; ей было немногим больше десяти лет. Надо было учиться в школе. Она в отличие от Василия, на которого жаловались педагоги, училась хорошо.

Марфа Пешкова:

— Светлана была очень начитанной и любила посидеть, была очень серьезной и очень умной по сравнению со всеми. Ее сочинения иногда вслух зачитывали классу. Училась она на все пятерки, была одной из лучших учениц всегда.

Конец тридцатых, начало сороковых — время в стране тревожное. Тут и террор внутри страны, и ожидание войны. Для Светланы ко всем государственным и семейным неприятностям прибавляется еще одна — охлаждение отношений между дочерью и отцом. С одной стороны, он с каждым днем был все больше и больше занят, с другой — Светлана становилась самостоятельным человеком, получившим от отца его упрямый и своенравный характер.

Сталин живет на своей новой, Ближней даче в Кунцеве. Он еще иногда берет дочь с собой во МХАТ и в Большой театр, но все чаще и чаще выказывает свое недовольство дочерью.

То вернул фотографию с надписью:

«У тебя наглое выражение лица, раньше была скромность — это привлекало».

То вдруг в Сочи поглядел на нее, ему не понравилось, как дочь одета, и он закричал:

«Ты что голая ходишь?»

Да, Светлана взрослела и то, что ее романтический возраст приходится на самое начало войны, не мешает ей думать о том, как она выглядит, о том, кто и как на нее смотрит. Отец, не признававший, кроме полувоенного френча, никакой другой одежды, сердится на дочь. Он не раз выговаривает ей по поводу очень обтягивающего платья и, как ему казалось, очень короткой юбки. Более того — он приказывает сшить дочери шаровары и платье, закрывающие коленки, и Светлана, протестуя против этого, все-таки надевает их каждый раз, когда отправляется к отцу.

Девочка взрослела, в сорок первом году ей исполнилось пятнадцать лет.

Наверное, во многих, даже в очень высокопоставленных семьях имел место конфликт отцов и детей, но конфликт дочери со Сталиным — это отношения абсолютно уникальные. И во время войны происходит настоящая ссора. Но об этом чуть позже.

В начале войны Светлану эвакуируют в Куйбышев. Для нее и всех, кто приехал с ней, нашли особняк. Бывший музей. В Куйбышев переехала вся политическая элита. Туда же переезжает и школа, в которой продолжает учиться Светлана. Она ходит в школу с охранником, раздевается в отдельной комнате, там же завтракает на большой перемене, там же отдыхает. Отдельно от всех. Ее это раздражает, и вообще обстановка в классах такая, что некоторые учителя отказываются идти в класс к кремлевским детям.

Светлана рвется домой, благо самолеты часто летают в Москву, но до сорок второго года отец не разрешает ей возвращаться.

В Куйбышеве жила и семья Василия, там родился его первый сын. Светлана виделась с братом, которого всегда сопровождала свита. Молодые, бравые, веселые летчики. Своеобразная «золотая молодежь».

Однажды вся компания ввалилась в дом, где были беременная жена жена Василия Галя Бурдонская, Светлана и ее подруга Марфа Пешкова. Муж, уже бывший в легком подпитии, упорно просил жену рассказать какой-то анекдот. Жена так же упорно отказывалась.

Марфа Пешкова:

— Тогда он подошел к ней и с силой ее ударил. Слава богу, что рядом был диван, — она уже была на сносях. Она упала на этот диван. Это был просто кошмар, ужас. Светлана, я помню, сказала: «Выйди вон немедленно!» Он тогда, смутившись, всю команду забрал, и они все ушли».

В Москву Светлана вернулась в сорок втором году. Жили в Зубалове, во флигеле, потому что дом в сорок первом году взорвали и теперь спешно строили новый. Потеря старого Зубалова, где прошло детство, где оставалась память о матери, огорчала Светлану. Но не только это — попал в плен брат Яков. Светлана странным образом предчувствовала то, что произошло в Белоруссии.

Марфа Пешкова:

— Она как-то утром говорит: «Ты знаешь, очень странный сон мне приснился. Как будто я на дереве, а внизу огромное гнездо. В гнезде сидят орел и маленькие орлята, и вдруг он берет одного орленка и выкидывает из гнезда, и тот падает и разбивается». И тут же она говорит: «Что-то случилось с Яшей».

Марфа Пешкова в школьные годы была ближайшей подругой Светланы Аллилуевой. Потом их дороги разошлись. Почему — об этом позже. Менять мнение о людях, влюбляться в новых людей — очень характерная черта характера Светланы. Об этом нам рассказывала Элеонора Микоян, с которой Светлана дружила в сороковые — шестидесятые годы. Их пути тоже разойдутся. Но в свой последний приезд, когда все бывшие подруги хотели встретится со Светланой, она шла не на каждый контакт. С Марфой Пешковой, например, Светлана так и не увидится. Но обо всем этом позже.

Позже…

Сейчас вернемся ко сну, рассказанному Светланой. Дальнейший ход событий подтвердил, что интуиция Светлану не подвела. Чуть позже Светлана узнала, что Яков в плену у немцев.

Светлана Аллилуева, «20 писем к другу»:

«Зимою 1943/44 года, уже после Сталинграда, отец сказал мне в одну из редких наших встреч:

— Немцы предлагали обменять Яшу на кого-нибудь из своих… Стану я с ними торговаться! Нет, на войне как на войне!

Он волновался, — это было видно по его раздраженному тону...»

Факт, несомненно, говорящий о невидимой, но прочной связи, существовавшей между Яковом и Светланой. Светлана и сама при каждом удобном случае подчеркивала, что Яков больше ей нравился как

человек, и как брат он был более близок ей.

И еще одно: примерно в то же время в одном из американских журналов Светлана прочитала статью о матери и узнала, что та застрелилась. Кроме текста, в журнале были и фотографии Надежды Аллилуевой в гробу.

В Советском Союзе существовало много тайн. Тайной за семью печатями всегда была личная жизнь руководителей партии и государства. Но не меньшей тайной являлись и обстоятельства смерти этих людей. Официальной версией безвременной кончины Надежды Аллилуевой был гнойный аппендицит.

И вновь Марфа Пешкова:

— К ней попал какой-то журнал иностранный, в котором было написано, что мать ее покончила собой. Я очень хорошо помню, она показала мне снимок. Там был ее снимок, лежащей в гробу, она никогда этого не видела. Она точно не знала о смерти матери, потому что было распространено, что она умерла от аппендицита, от неудачной операции. Для нее это тоже было шоком увидеть эту статью, она уже тогда по-английски сама могла прочесть...»

Жизнь продолжалась. Продолжалась война. Читая воспоминания Светланы, приходишь к выводу, что она не очень понимала, что происходит в стране на самом деле. Хотя упрекать ее в этом нельзя.

Во-первых, она была ребенком.

Во-вторых, необычным ребенком. Дочерью главы государства.

Однажды осенью сорок второго года Светлане велели обязательно быть дома, в Кремле, к обеду. Еще по дороге она узнала, что к ним домой приедет Уинстон Черчилль. Предстоящая встреча с английским премьером взволновала Светлану, но не потому, что была исторической. Светлане очень хотелось поговорить с англичанином на его родном языке. Всю дорогу она думала, открывать ей рот или нет. Наконец ее завели в столовую. Дальше рассказывает она сама.

Светлана Аллилуева, «20 писем к другу»:

«Отец был чрезвычайно радушен. Он был в самом гостеприимном и любезном расположении духа, которое очаровывало всех. Он сказал:

— Это моя дочь! — И добавил, потрепав меня рукой по голове: — Рыжая!

Уинстон Черчилль заулыбался и заметил, что он тоже в молодости был рыжим, а теперь вот... И он ткнул сигарой себе в голову…Потом он сказал, что его дочь служит в Королевских военно-воздушных силах. Я понимала его, но смущалась что-либо произносить».

Октябрь сорок второго года. Светлане через три месяца исполняется семнадцать. Жизнь складывается так, что друзей и подруг нет. Да и откуда они могут взяться, когда за Светланой повсюду ходит дядька. Дядька из НКВД. Охранник.

С Марфой Пешковой они отдалились.

Марфа Пешкова:

— Мы с ней разошлись из-за того, что Светлана как-то рано стала… У нее появились какие-то сердечные привязанности, а я об этом еще не думала. Когда она стала влюбляться... Может быть, это была ревность чисто отцовская, что она от него уходит, но перелом в их отношениях начался с того, как у нее появились привязанности какие-то.

В это время сестру под свое лихое крыло берет брат Василий. Он приглашает ее участвовать в вечеринках, которые очень часто проходят в Зубалове. Здесь музыка, шум, веселье. Молодые офицеры,

писатели, актеры, спортсмены. Будто бы и не идет война. На одной из таких вечеринок она впервые знакомится с «добродушным толстяком». Им оказывается сорокалетний Алексей Каплер. Он уже тогда был знаменит и как писатель, и как сценарист. Каплер впервые додумался до того, чтобы снять игровой фильм о Ленине. В те времена эта идея могла вести в две стороны: одна — на Олимп, другая — в лагеря. Каплер успел прошагать по обеим. Но сначала был Олимп. Идея воплотить образ Ленина в кино понравилась Сталину, и пошло-поехало: «Ленин в Октябре», «Ленин в восемнадцатом году». Имя Каплера становится известным всей стране.

Но кроме кинематографической славы, у Люси Каплера была еще одна. О его любовных похождениях ходили легенды.

Да, Люся был знаменитым сердцеедом.

Это была вечеринка, посвященная ноябрьским праздникам. Впервые Светлана надела свое взрослое нарядное платье, сшитое знаменитой портнихой. На даче веселились Константин Симонов с Валентиной Серовой, Людмила Целиковская, Роман Кармен с женой.

Возможно, не очень просвещенному молодому читателю эти имена ничего не скажут. Тогда представьте вечеринку, на которой были Людмила Гурченко, Чулпан Хаматова, Сергей Безруков, Олег Меньшиков, Никита Михалков и Алла Пугачева.

Поверьте нам на слово — эти имена совершенно сопоставимы. Не хватало только телевидения. Да и то только потому, что тогда его не было.

Итак, вечеринка звезд.

Сначала было застолье, потом начались танцы. Сначала Каплер некоторое время смотрел на рыжую девчонку, стоящую в стороне, а потом решился и пригласил Светлану танцевать. Светлана приняла приглашение и сделала шаг навстречу. Этот маленький шажок был прыжком во взрослую, совершенно новую жизнь.

Светлана Аллилуева, «20 писем к другу»:

«В первый момент мы оба, кажется, не произвели друг на друга никакого впечатления. Но потом нас пригласили на просмотры фильмов в Гнездниковском переулке, и тут мы впервые заговорили о кино».

Каплер начал ухаживать за Светланой, а возможно, просто опекать.

Он приносит ей книги, которых не было в библиотеке Сталина. Показывает фильмы, которые не показывали вождям, критикует спектакли, которые хвалит «Правда». Каплер встречает ее после школы, они гуляют по улицам, бродят в музеях. Но где бы они ни были, они ни на секунду не остаются одни. Обо всех этих художествах «прикрепленные» сообщают по инстанциям на самый вверх.

Светлана Аллилуева, «20 писем к другу»:

«Мы ходили вместе по улицам темной заснеженной военной Москвы и все никак не могли наговориться… А за нами поодаль шествовал мой несчастный дядька, Михаил Никитич Климов, совершенно обескураженный сложившейся ситуацией и тем, что Люся очень любезно с ним здоровался и давал прикурить».

Светлана влюбилась в того, кого еще недавно называла «добродушным толстяком». События развивались в опасном направлении и скоро «дали прикурить» незадачливому ухажеру. Однажды кто-то, возможно сам генерал Власик, позвонил Каплеру и приказал:

— Каплер, перестаньте крутить мозги дочке Сталина! Будет плохо!

Каплер послал звонившего.

Следующий звонок оказался более тревожным. Светлана пришла на свидание к Каплеру в слезах. Из-за него она опоздала на папин день рождения. Это было уже слишком. Сталин шмякнул об пол тарелку с праздничным пирогом и накричал на дочь. Светлана поняла, что дело приняло опасный поворот, и умоляла Люсю уехать из Москвы. Он послушался и уехал собкором «Правды» сначала в партизанский край, потом в Сталинград.

Однако его отъезд не только не ослабил напряжение, а наоборот. Каплер писал оттуда письма Светлане, и письма эти публиковали в газете «Правда».

Марфа Пешкова:

— Когда Каплер стал писать статьи в газете, явно намекая, что он пишет это Светлане, то я помню, как Светлана принесла эту газету в школу и показала мне. Она была очень взволнована, я поняла, что ей очень импонировало и нравилось.

В конце ноября Светлана прочитала первое письмо спецкора Каплера в газете «Правда».

«Сейчас в Москве, наверное, идет снег. Из твоего окна видна зубчатая стена Кремля…» — писал в конце послания спецкор.

Светлана с надеждой и страхом ждала возвращения из Сталинграда «лейтенанта А.» — именно так подписывал свои письма специальный корреспондент «Правды» Алексей Каплер.

Зачем взрослому успешному писателю понадобилось играть с огнем — не совсем понятно. А то, что он играл с огнем, Каплер как человек умный понимал. Единственное разумное объяснение — Люся Каплер втайне надеялся стать зятем Сталина. Друзья Светланы в один голос утверждают, что это было «настоящее чувство». Находясь в ссылке и рассказывая эту историю товарищам по несчастью, Каплер всегда говорил, что Светлана влюбилась в него. И вот еще одна деталь — он никогда не говорил о тех чувствах, что испытывал сам.

Какое-то время по обоюдному согласию Светлана не звонит Люсе Каплеру, но потом не выдерживает — и все закручивается сначала. Прогулки, телефонные разговоры, долгие прощания. История закончилась в феврале сорок третьего года, в день, когда Светлане исполнилось семнадцать лет.

Накануне Каплеру звонит генерал Румянцев и настоятельно советует уехать подальше от Москвы. На этот раз Каплер послушал генерала и выбрал Ташкент. Там в это время снимается фильм по его сценарию — «Она защищает Родину». Светлана получает прощальное письмо, длинное и очень трогательное. В семнадцать лет мир рушится и от менее значимых событий, и Светлана решается на отчаянный шаг. После школы она не идет домой, а ведет Каплера в пустую квартиру брата, предназначенную для встреч с друзьями. Охранник, как всегда, идет сзади и тоже входит в квартиру, но в комнате не появляется, остается сидеть в прихожей. Светлана, обливаясь слезами, бросилась целовать свою первую любовь, так и не закрыв за собой дверь.

Светлана:

«Нам было горько — и сладко. Мы молчали. Смотрели в глаза друг другу и целовались. Мы были счастливы безмерно, хотя у обоих наворачивались слезы».

Что доложил начальству «прикрепленный» М. Н. Климов — неизвестно, но утром следующего дня в комнату дочери вошел Сталин.

Светлана Аллилуева, «20 писем к другу»:

«— Мне все известно! — сказал он. — Все твои телефоны — вот они, здесь! — Он похлопал себя по карману. — Твой Каплер — английский шпион, он арестован!

— А я люблю его, — сказала Светлана.

— Любишь?! — выкрикнул отец с невыразимой злобой к самому этому слову.

И я получила две пощечины, впервые в своей жизни.

— Подумайте, няня, до чего она дошла! — он не мог больше сдерживаться. — Идет такая война, а она занята … — И он произнес грубые мужицкие слова, других слов он не находил…»

Легко понять, что сказал дальше Сталин, который частенько употреблял, как написали бы сейчас, ненормативную лексику. Но и это было не все.

«— Ты посмотри на себя — кому ты нужна? У него кругом бабы, дура! — сказал отец».

После этого он забрал все письма и ушел к себе в кабинет. Он знал, что нашел нужные слова, чтобы Светлана забыла о любви к этому еврею. Все это произошло на следующее утро после дня ее семнадцатилетия.

Начиналась взрослая жизнь.

Вечером отец позвал Светлану к себе. Он рвал фотографии и письма Люси Каплера.

«— Писатель! Не умеет писать по-русски, —сказал Сталин. —Уж не могла себе русского найти!»

Светлана отметила этот день как один из самых важных в своей жизни — они с отцом стали чужими людьми.

Дом на Набережной

С высоты знаний сегодняшнего дня мы можем смело утверждать, что каждое замужество Светланы было связано с каким-либо побегом. И первый такой побег состоялся в 1944 году. Светлана бежала из Кремля, из семьи Сталиных в свою собственную, новую семью. Бежала Светлана в этот хорошо известный каждому москвичу дом.

Дом на Набережной — так его называли тогда, так его называют сейчас, и других объяснений не требуется. Все знают, о каком доме идет речь.

Но пока шел сорок третий год.

Аллилуев:

«…Когда случилась эта заваруха с Каплером, все получили по мозгам прилично, и Зубалово закрыли, значит. Мы жили по-прежнему в Доме на Набережной, в десятом подъезде, а в 1944 году Светлана вышла замуж за Гришу Морозова, и ей дали квартиру в Доме на Набережной».

По мозгам получили действительно здорово. Светлана была отлучена от любимого Зубалова, а Василий схлопотал десять суток карцера. В один из министерских санаториев отправились бабушка с дедушкой. Дали по мозгам и тем, кто находился в кремлевской квартире. Домоправительница Саша Никашидзе, шпионившая за Светланой и читавшая письма Каплера, тоже была уволена.

В июне 1943 года Светлана заканчивает школу и впервые за последние три месяца встречается с отцом, показывает ему свой аттестат зрелости и сообщает, что хочет пойти в МГУ на филфак.

«— В литературу хочешь, так и тянет тебя в эту богему! — сказал Сталин».

Разговор закончился тем, что Светлана поступила на исторический факультет. Но студенческие годы интересуют нас только как первые годы обретенной свободы, к которой так рвалась Светлана. Она настояла, чтобы отец снял охрану, хотела быть такой, как все.

Молодость, свобода! Светлана постоянно влюбляется, не зная, кому отдать предпочтение.

Еще в школе она влюбилась в Серго Берия.

Марфа Пешкова:

— Когда он появился в школе, то буквально все... не было девочки, которая тут же в него не влюбилась, потому что он был необыкновенно красив. Он был хорошо воспитан. У них в доме была немка, которая с детства его воспитывала, и умный был...

Наверное, Серго Берия как муж для Светланы был бы той самой идеальной кандидатурой. Счастливы были бы все: и родителей Серго — Лаврентий Павлович и Нина Теймуразовна, и отец Светланы — Иосиф Виссарионович. Создается такое впечатление, что Сталин даже как-то пытался пристроить Светлану в семью Берии. Нет, он ничего не говорил дочери, тем более не разговаривал на эту тему с Лаврентием, но Нину Теймуразовну Сталин просил присматривать за его дочерью, что та с удовольствием и делала. И наверное, свадьба случилась бы, если бы Серго не уехал учиться в Ленинград.

Марфа Пешкова:

— И вот тут она, видимо не выдержала и быстренько-быстренько вышла замуж. И когда она узнала, что я собираюсь выйти замуж за Серго, то здесь она проявила себя не очень хорошо. Она, во-первых, прибежала к моей бабушке и сказала: «Что вы делаете, зачем вы Марфу хотите отпустить в этот страшный дом. Ни в коем случае этого не делайте! Я вас предупреждаю». В этот же день она прибежала к Нине Теймуразовне, у которых я уже раза два бывала, и ей говорит: «Что вы делаете, ведь Марфа больной человек. У нее с легкими плохо. Она никогда не родит здоровых детей».

Уже позже, когда мы были мужем и женой, она продолжала звонить, пытаться, чтобы он пришел на встречу с ней, что ей с ним нужно обязательно поговорить».

Оставим без комментариев эти поступки молодой женщины, но заметим, что они были не случайны. В пятьдесят третьем году, на съезде писателей Светлана встретила свою первую любовь Алексея Каплера. К тому времени она уже успела побывать несколько раз замужем, но именно в тот момент была свободна. По словам Светланы, у них разгорелся настоящий, взрослый роман. Беда была в том, что несвободен был Люся Каплер. Светлана решила освободить возлюбленного одним махом. Она отправилась к его тогдашней жене актрисе Валентине Токарской.

Как и в случае с Серго Берией, этот поход ничего, кроме стыда, ей не принес. Для прошедшей лагеря Валентины Георгиевны, женщины умной, обладающей силой воли, огромным чувством юмора и чувством собственного достоинства, разговор со Светланой был, наверное, неприятен. Но Валентина Георгиевна вела себя как королева. Светлана почувствовала себя суетливой простушкой. Токарская даже не повела бровью, сказала сопернице, что ее муж абсолютно свободен и волен делать что хочет, а на прощанье заметила:

— Да, я всегда знала, что Люся очень неверный человек. Не обольщайтесь. Он любил в своей жизни одну лишь Тасю Златогорову, но даже и ей не был верен. Это такая натура.

В процессе работы над фильмом нам рассказали еще один эпизод такого же поведения Светланы, но попросили в фильм его не вставлять.

У Светланы был роман с очень известным поэтом. Поэт был женат и старался вести себя так, чтобы о том, что у него происходило в душе, никто не знал. Светлана вела себя как обычно. Однажды, узнав, что поэт поехал к себе на дачу поработать, оставив супругу в Москве, Светлана решила поехать к нему. Стала советоваться с подругой. Та категорически была против. Находила доводы, убеждала. Но в свое время Светлану не мог остановить сам Сталин, если ей чего-нибудь хотелось.

Светлана поехала в Подмосковье. С трудом нашла дачу. Ее приезд явно не входил в творческие планы поэта. Тем не менее он вел себя достойно.

Сидели в беседке, разговаривали, пили чай. Неожиданно, как бывает в таких случаях, почти как в анекдоте, приехала жена. И хотя в тот момент ничего предосудительного между Светланой и поэтом не происходило, тем не менее было решено незваную гостью спрятать.

Светлана провела в шкафу несколько часов. Было унизительно, неудобно и чесался нос, очень хотелось чихнуть…

Она сама рассказала об этом подруге.

На этом роман был закончен.

Те же Элеонора Микоян и ее муж Степан говорили нам, что такое поведение было в характере Светланы — вынь да положь немедленно, чего ей хочется. В данном случае поэта, до этого — Каплера, а в школе — Серго Берия.

Много кого…

В мае 1944 года Светлана выходит замуж за Григория Морозова. Гриша был старым другом Васи Сталина, Светлана знала его еще по школе. Дочь специально поехала к отцу на Ближнюю дачу сообщить о своем решении.

Цвела черемуха, жужжали пчелы. Под этот райский аккомпанемент Светлана сказала отцу, что выходит замуж. Это известие у Сталина радости не вызвало, возможно, еще и потому, что Григорий был евреем.

Отец сказал Светлане:

«— Черт с тобой, делай что хочешь, только чтобы дома у меня я его не видел! Слишком он расчетлив, твой молодой человек. На фронте ведь страшно, там стреляют, а он, видишь, в тылу окопался».

Тем не менее отец не возражал против ее замужества, а значит, не надо было думать, где и на что жить молодой семье. Не нужно было думать, как растить ребенка, который появился на свет весной сорок пятого года — его растили две няни. Сталин, узнав, что скоро опять станет дедом, не только помог с квартирой в Доме на Набережной, но и разрешил Светлане жить в ее любимом Зубалове. Правда, для этого понадобилось опять выпрашивать аудиенцию у главы государства.

Это уже было осенью. До этого времени Светлана выполняла наказ отца и делала все, чтобы он не видел ее мужа, а заодно и сама держалась подальше от «душной», по ее словам, атмосферы Кремля. Просьб к отцу у нее не было, все проблемы на тот момент были решены.

Война близилась к концу. Брат Василий шел в гору: ордена, медали, звания. Он уже был генералом, но все больше и больше пил, слухи об этом доносились со всех сторон. С братом Светлана тоже не искала встречи.

Она вырвалась на свободу.

Марфа Пешкова:

— Она все время старалась вырваться из этого круга, и когда она уже стала самостоятельным человеком и уговорила отца, чтобы ей выехать из Кремля, иметь свою собственную квартиру, то в университете у нее образовалась совершенно новая компания совершенно новых людей, которые были связаны с литературой и историей.

Университеты во все времена и во всех странах были оплотом прогрессивной мысли. Люди,

бывающие на квартире дочери Сталина, мыслили другими категориями. Они говорили о прогрессе, они мечтали о свободе, и в этой компании Светлане становилось стыдно, что она дочь Сталина.

Марфа Пешкова:

— Мне рассказывал племянник Алексея Толстого и Людмилы Ильиничны, что он часто бывает у Светланы, зная, что я с ней раньше очень дружила. Он говорит: «Мы там очень весело проводим время и очень интересно, потому что кто-то читает стихи, кто-то читает свои произведения. Мы это обсуждаем, но когда мы там встречаемся, она портрет отца, который висит на стене, переворачивает».

Обратите внимание на эту деталь. Мы не будем ее комментировать, а лишь заметим, что поступок для Светланы очень характерный. Совсем скоро она так же перевернет и страницу своей совместной жизни с Григорием Морозовым.

Для развода было несколько причин: плохое отношение к мужу Светланы Сталина, который так ни разу и не увидел своего зятя; возникшая вдруг неприязнь между бывшими друзьями Григорием и Василием Сталиным и… многочисленные родственники Гриши Морозова, которые постоянно толпились в квартире Дома на Набережной с просьбами пристроить куда-нибудь получше своих детей.

Все закончилось просто. Однажды Григория не впустили в Кремль, а Василий взял паспорт сестры и через несколько часов вернул его в абсолютно девственном виде. Будто бы Светлана никогда и не была замужем. От брака остался симпатичный мальчик Иосиф, Ося. Даже Сталин, однажды увидев его в Зубалове, сказал: «А сынок у тебя хорош! Глаза у него хорошие».

За все почему-то рассчитался отец Гриши Морозова. Вскоре, в разгар борьбы с космополитами, он был арестован по какому-то глупейшему обвинению. Кто-то докопался до того факта, что якобы настоящая фамилия отца Гриши была Мороз, а не Морозов. На самом деле это было чушью, но бывший свекор Светланы провел в ссылке шесть лет.

«Сионисты подбросили тебе твоего муженька!» — все упрекал Светлану отец.

В те годы у Светланы самой близкой подругой была Элеонора Микоян, жена Степана Микояна. Мы приехали снимать Элеонору Петровну и Степана Анастасовича к ним домой, в дом, стоящий недалеко от Павелецкого вокзала. В квартире царили шестидесятые годы, неверное, тогда такую мебель достать было почти невозможно. Огромное количество книг и богатейшая фонотека классической музыки. На стенах фотографии, от которых мороз идет по коже. Молодые Ворошилов и Микоян на трибуне во время какого-то парада еще до войны, оба заразительно смеются. Фотография и рисунки дачи в Зубалове, той самой, которой так восхищалась Светлана. Рисунки делала хозяйка дома. Элеонора Петровна показала нам еще несколько рисунков, объясняя, как были расположены их дача и дача Сталиных.

— А вот по этой дорожке можно было за десять минут дойти до них…

На фотографиях вся советская история: Серго Орджоникидзе, Надежда Аллилуева, Никита Хрущев, конструкторы Ильюшин, Туполев, руководители государства Косыгин, Брежнев, Подгорный, тут же Фидель Кастро, Ван Клиберн, Михаил Плетнев, Юлиан Ситковецкий и много-много других. История — если называть фамилии, обычная жизнь — если смотреть, что изображено: какое-то застолье, группа товарищей, компания друзей. Кто-то играет в теннис, а кто-то смотрит. Кто-то за рулем «Опеля». Не кто-то, а семнадцатилетняя Эля, Элеонора Петровна, за рулем иномарки — в 1939 году.

Впечатляет?

На нас это произвело впечатление.

Киса, как ее называла Светлана, была на несколько лет старше дочери Сталина. Дочь рано погибшего летчика-испытателя, она воспитывалась в семье другого легендарного летчика — первого начальника

Полярной авиации М. Шевелева. В 1939 году СССР купил десять машин «Опель», чтобы в будущем сделать по их образу и подобию советскую малолитражку «Москвич-401». Эти десять машин разрешено было купить Героям Советского Союза. М. Шевелев купил одну из машин и подарил дочери Эле. Теперь Элеоноре Петровне.

Кисе дочь Сталина рассказывала обо всем. Тогда они жили по соседству, и Светлана могла прибежать и в час ночи, чтобы поделиться с подругой новостями или попросить совета.

Элеонора Микоян:

— Ее как-то очень угнетало, что из-за Гриши у нее испортились отношения с отцом. Он же не хотел его видеть и детей, то есть даже внуков своих, видел всего раз, что ли. И вот она мне сказала как-то: «Знаешь, Киса, мужей у меня, может, будет много (кстати, что оказалось правдой), а вот отец у меня — один».

За эти годы Светлана видится с отцом считанные разы, но часто звонит и пишет ему длинные, совсем не официальные письма.

Светлана Сталина — отцу — Иосифу Сталину:

Отец, когда отдыхал на юге, всегда присылал дочери подарки, чаще всего южные фрукты. В этом же письме звучат и отголоски сложных взаимоотношений брата и сестры.

«Вспомни, что на меня тебе наговорили! И кто?.. ну, черт с ними…» — пишет Светлана отцу.

«Наговорщиком» она называет брата Василия, но тему не развивает, а заканчивает письмо словами любящей дочери:

«Все-таки жду тебя в Москву. А может быть, папочка пришлет мне еще одно такое же хорошее письмо?

Целую моего папочку».

Письмо написано 1 декабря 1945 года. Светлана в своих воспоминаниях утверждает, что ее с отцом в то время почти ничего не связывало.

В 1947 году, после развода, Светлана по непонятным причинам отказывается от выстраданной свободы и переезжает из Дома на Набережной обратно в Кремль.

Под надзор.

Известно точно, что никто силой не заставлял ее это сделать. Во всяком случае, она никогда этого не говорила. Вот на скуку Светлана жалуется. Вновь говорит об удушливой атмосфере Кремля, о том, что квартира похожа на склеп, но попыток выехать за Кремлевскую стену пока не предпринимает.

В сорок седьмом году, после денежной реформы было отменено бесплатное содержание семей членов Политбюро. Во всяком случае, вышло такое постановление. Сталин, как глава правительства, получал зарплату. У Светланы денег не было настолько, что она частенько занимала их у бабуси, которая получала «сержантский» оклад.

Отец и дочь видятся так же редко, но вот интересный факт — при каждой встрече Сталин дает Светлане деньги.

«После 1947 года отец иногда спрашивал в наши редкие встречи:

— Тебе нужны деньги?

На что я всегда отвечала:

— Нет.

— Врешь ведь, — говорил он, — сколько нужно?

Я не знала, что сказать. А он не знал ни счета современным деньгам, ни вообще что сколько стоит. Он жил своим дореволюционным представлением, что сто рублей — это колоссальная сумма».

В конце концов деньги Светлана всегда брала.

В том же 1947 году Светлана отдыхает с отцом на Холодной речке, в Гаграх. Они смотрят вместе кино, иногда гуляют, Светлана читает ему вслух газеты и журналы. Они пытаются говорить, но плохо слышат друг друга. Почти по всем вопросам у них разные точки зрения. Вечерами Светлану утомляют одинаковые застолья с товарищами отца по партии, истории, которые она слышала по сто раз. И вновь прогулки с отцом, который жалуется ей, что очень устал, что хочет покоя. Светлана и сама видит, что отец чувствует себя неважно.

Проведя три недели в кругу вновь обретенной семьи, Светлана возвращается в Москву. В университете начинались занятия. В это время она старается чаще писать отцу, то и дело посылает длинные полные любви и заботы письма. В ответ получает записки, более похожие на телеграммы, и какой-нибудь «подарочек». Те же мандарины.

И так далее.

Когда свой дом кажется чужим и казенным, окна чужих квартир с «кремовыми шторами» и «зеленой настольной лампой» излучают тепло и уют. Вот такой уютной и теплой показалась Светлане квартира Ждановых. После смерти Андрея Александровича, любимца Сталина и партии, Светлана все чаще и чаще стала бывать в этом доме.

Дом был женский. Правила в нем вдова Жданова, Зинаида Александровна. Рядом были ее сестры. Они воспитали чудо-мальчика Юру, который в двадцать четыре года был уже кандидатом философских наук. Светлана и Юрий начали встречаться и как-то рассудочно в конце концов решили пожениться.

Это был типично династический брак — так считает Светлана.

Правда, ее племянница, дочь Якова Гуля, помнит, как Светлана в роскошном белом платье невесты сияла счастьем и повторяла: «Мой Юрочка лучше всех!»

Помнит то время и Степан Микоян. Практически до самой смерти Сталина фамилия Микоян всегда стояла рядом с фамилией вождя. Они были знакомы еще с Баку, где начинали свою революционную деятельность. Микояны были соседями Сталина по кремлевской квартире. Приезжали не раз в Зубалово, их дачи тоже стояли рядом. Когда-то они принадлежали одному человеку — нефтезаводчику Зубалову. Сталин и Микоян знали его тоже с времен их подпольной деятельности в Баку.

Степан Микоян учился с Василием сначала в простой, а затем в артиллерийской школе. Тоже был летчиком во время войны, затем испытывал знаменитые «МиГи». Заслужил звание Героя Советского Союза. Сын Анастаса Микояна.

Степан Микоян:

— Светлана знала Юру давно. И мы его знали. Он был молодым ученым, очень приятным и остроумным человеком. Во всяком случае, когда я его знал. Я помню, когда-то он был у нас в гостях, а мы жили на одной лестничной клетке с Лысенко. У нас даже был общий балкон через перегородку. И Юра сказал мне: а ты не боишься, что он тебя скрестит с огурцом? И потом, насколько я помню, отец рассказывал, что сам Сталин как-то сказал: вот хорошо бы поженить Юру и Светлану.

Сталин брак одобрил, хотя в это время у него были свои планы. На Ближней даче уже достраивали второй этаж, и отец предложил всем детям переехать к нему. Переезжать на дачу Сталина? Об этом Юрий

Жданов даже слышать не хотел. А Светлана не хотела жить в семье у Юрия, тем более что отец ей прямо сказал: «Там тебя бабы съедят, там слишком много баб».

Сталин вообще недолюбливал жену Жданова.

Итак, ни Василий, ни Светлана на Ближнюю дачу жить не поехали. Благо что квартирный вопрос перед детьми Сталина никогда не стоял.

Владимир Аллилуев:

С новым мужем Светлана вернулась в старый дом. В Дом на Набережной, где раньше она жила с Григорием Морозовым, но тогда — в седьмом подъезде. Брак вновь оказался недолгим и не очень счастливым. Муж все время работал, приходил домой очень поздно, а Светлана вновь скучала. К тому же зимой 1949/50 года она тяжело болела. Это было связано со второй беременностью. Полтора месяца она провела в больнице, но ребенок родился недоношенным. Девочку, появившуюся на свет, как и ее старший брат Ося, в мае, назвали Катей.

Но уже тогда, в мае пятидесятого года, Светлана вновь думает о побеге.

Она вдруг поняла, что отец был прав, когда предупреждал ее о том, что в семье Ждановых ей будет неуютно. Именно так она себя вскоре и почувствовала. Муж Юрий не хотел отрываться от кремлевской квартиры Ждановых, от дома своих родителей. А Светлану этот дом больше не грел.

К тому же в этом доме обижали и бабусю, считая ее «некультурной старухой». А когда Александра Андреевна однажды приехала на дачу Ждановых повидать Осю, ее приняли как «дворничиху».

Элеонора Микоян:

— Светлана рассказывала мне, каким на самом деле оказался дом Ждановых. Особенно ее угнетал какой-то серо-черный цвет. Эти кожаные диваны... черные, которые стояли в комнатах. Какие-то занавески серые...

И вот милый и уютный дом старинных друзей оказывается пропитанным «формальной, ханжеской партийностью» с самым махровым «бабским мещанством». Светлану теперь раздражает все, что совсем недавно приводило в восторг:

Светлана Аллилуева, «20 писем к другу»:

«Сундуки, полные добра, безвкусная обстановка сплошь из вазочек, салфеточек и копеечных натюрмортов».

Тот самый Юрочка, который в день свадьбы был лучше всех, оказался «маменькиным сынком» и «сухарем».

И еще одна, на наш взгляд, очень важная причина, по которой дочь Сталина совершает очередной побег, на сей раз из дома Ждановых: в нем Сетанка никогда не была хозяйкой.

Годы с 1949 по 1952 были для Светланы тяжелыми: болезнь, преждевременные роды, развод и учеба. Она заканчивает исторический факультет и вроде бы поступает на филологический факультет, хотя когда она училась на нем — неясно, потому что в одном из писем в 1952 году она сообщает отцу, что учится в аспирантуре Академии общественных наук.

Может быть, она получала два образования параллельно?

В то время Светлана могла себе это позволить. А главное, Светлане могли позволить делать это.

Однако мы чуть-чуть забежали вперед.

Летом 1951 года Сталин вызвал Светлану и ее брата Василия к себе в Грузию, в Боржоми, где отдыхал.

Это был последний совместный отдых отца и дочери, это была последняя поездка Сталина в Грузию.

В тот год Сталину исполнилось семьдесят два года, но он все еще ходил своей стремительной походкой, заставляя пыхтеть сзади толстых генералов охраны. Во время прогулок он то и дело резко поворачивался на сто восемьдесят градусов и натыкался на свою свиту. Это его очень злило, хотя делал он это специально, и тому, кто попадался под его горячую руку, было не позавидовать.

Сталин завтракал и обедал вместе с дочерью в саду, под каким-нибудь деревом, и иногда позволял себе вспоминать прошлое. В подробности он не вдавался, потому что всегда считал, что чувства — «это для баб»…

Когда он куда-нибудь выезжал, земляки-грузины устраивали ему такой прием, что он то вовсе не мог выйти из поезда, то наоборот — не мог сесть в машину. Дорогу, по которой должен был ехать Сталин, устилали коврами, машину останавливали, заставляли садиться за стол.

Сталин подобные проявления чувств своих сограждан не любил.

«Разинут рты и орут, как болваны!» — как-то сказал он.

К тому времени он уже привык ездить по пустым дорогам, прибывать на пустые перроны, и ликование народа в Грузии заставило его безвыездно сидеть в Боржоми.

Светлана же и вовсе считала подобные проявления чувств лицемерием и не верила в их искренность. Может быть, она так считала, когда писала свои воспоминания, а не в тот момент, когда была там, в Грузии?

Брат и сестра уехали в Москву раньше, оставив отца на родине до осени. По дороге они заехали в Гори. Здесь Светлана впервые почувствовала, что у нее есть родная земля и что находится она совсем не в Москве. Василия и Светлану ведут в дом-музей их отца, где каждую вещицу им демонстрируют как святыню. Неизвестно, как отнесся к этому Василий, но Светлане вдруг стало стыдно и захотелось поскорее уйти.

Уйти, убежать…

Только от чего?

От кого все время порывается бежать Светлана — дочь Сталина?

Безотцовщина

Многие упрекали Светлану в том, что в последние годы она редко навещала отца. Светлана оправдывалась, говорила, когда слышала в трубке его раздраженный голос и слова «Я занят!», у нее пропадало всякое желание звонить. Но бывали случаи, когда несмотря ни на что Светлана добивалась своего.

В последний раз они встретились 21 декабря 1952 года, в день рождения Сталина.

В феврале 1952 года Светлана окончательно уходит от мужа Юрия Александровича Жданова. Только на сей раз она не возвращается в Кремль. Обо всем хочет рассказать при встрече отцу, но пока пишет письмо:

Дальше все, как в обычном письме любящей дочери заботливому отцу. Об успехах в учебе, о неурядицах в семье, о впустую растраченных чувствах и, наконец, о самом главном. О проблемах, связанных с разводом.

Светлана Аллилуева — отцу, Иосифу Сталину:

То, что написано дальше, очень похоже на просьбы, и по сей день звучащие в вагонах электричек и метро:

Не хватает только начала — «мы сами не местные».

Письмо на отца произвело впечатление, и он разрешает Светлане приехать. Как и просила в письме Светлана, в разговоре с глазу на глаз отец решил все материальные вопросы. Она получила квартиру в том же Доме на Набережной, переехала из 140-й в 179-ю квартиру. Кроме этого, отец велел получить ей права, дал денег на машину, но приказал отказаться от казенной машины и дачи. Был и неприятный момент, Сталин назвал дочь дармоедкой, на что Светлана возразила. Сказала, что получает стипендию и сама платит за обеды в столовой Академии наук.

На прощание отец, как всегда при встречах, сунул ей пакет с деньгами и просил передать Яшиной дочке. Это была одна из последних встреч Светланы с отцом, можно сказать, деловая. Потом, была еще встреча — «не по делу».

Письмо Светланы от 28 октября 1952 года:

Отец разрешил. Это была двадцатая годовщина смерти матери. Всегда в эти дни Светлана чувствовала тяжесть на сердце и находилась в мрачном настроении. Здесь все было по-другому. Семья почти в полном составе была за праздничным столом. Сталин впервые видел свою внучку, много смеялся, угощал детей вином и совсем не ворчал. Казалось, семья воссоединилась.

Отцу Светланы оставалось жить всего четыре месяца.

Начиналась зима, страницы газет были заполнены материалами по «делу врачей». На даче Сталина ни одного врача не было.

Светлана приезжает на Ближнюю дачу поздравить отца с семидесятитрехлетием. Отец выглядит плохо. Светлана видит, что у отца непривычно красное лицо. Кто-то говорит ей, что он лечится сам, бросил курить, пьет какие-то пилюли, капает в стакан йод и пьет.

Сели за стол. Тот же набор гостей, те же шутки, те же рассказы. Сталин пьет маленькими глотками ароматное грузинское вино. Светлана смотрит по сторонам и видит на стенах какие-то детские фотографии из журналов, репродукцию картины «Запорожцы», в углу китайская вышивка: яркий огромный тигр… Ей обидно, что на стенах не висят ее фотография, фотографии ее детей. И еще Светлана боится повторения истории одного из новогодних праздников, когда отец, желавший, чтобы Светлана танцевала, чуть ли не за волосы потащил ее в круг. Ушла она рано; отец, прощаясь, как всегда сунул пакет с деньгами.

И все.

В следующий раз она увидела отца второго марта — беспомощного, лежащего без сознания в большом зале, где собралась масса народу.

Еще первого марта Светлана много раз звонит отцу, но каждый раз получает один и тот же ответ: «Движения нет!»

Это означало, что Сталин спит. Но второго марта уже Светлану вызывают с урока французского в Академии общественных наук и передают, что «Маленков просит приехать на Ближнюю».

Такое было в первый раз в ее жизни — не отец, а кто-то другой просит ее приехать на дачу отца.

Дороги Светлана не замечает, а возле дачи машину останавливают Хрущев и Булганин. Светлана выходит из машины и видит, что лица обоих заплаканы. Дальше — все как в тумане: какие-то люди, какие-то подробности, много знакомых и незнакомых лиц и сознание того, что и отец, и этот дом, и все, что было связано с ним, умирает у нее на глазах.

Светлана уверена, что все три дня до кончины отца провела рядом с ним, у дивана, на который его перенесли охранники. Однако Серго Берия, тот самый, который нравился Светлане в школе, в своих воспоминаниях рассказывает, как его мать ездила навещать Светлану на ее квартиру и что та была довольно спокойной. Тот же Серго утверждает, что ни Василия, ни Светланы в момент кончины рядом с отцом не было. Светлана же описывает последние секунды жизни отца как очевидец.

Говорим об этом только для того, чтобы еще раз напомнить: воспоминания — вещь ненадежная, а тем более когда они литературные.

Еще запомнила Светлана, как тишину, царившую на даче, нарушил голос брата:

— Сволочи! Загубили отца! — кричал Василий Сталин. — Предатели! Загубили отца!

Светлана успела подумать, что брата выдернули с какой-то очередной попойки.

А чуть позже ее едва не стошнило, когда к подносу с бутербродами, который внесла подавальщица Матрена Бутузова, потянулись руки. Ее поразило, что люди могли в такой момент думать о еде и тем более есть.

Светлана за эти дни так и не заплакала.

Светлана Аллилуева, «20 писем к другу»:

Только пятого марта, под утро, когда тело отца увозили на вскрытие, ее вдруг начала колотить какая-то дрожь. Она видела, как отца положили на носилки. Вдруг поняла в тот момент, что впервые увидела его нагим. Она стояла вместе со всеми у крыльца, когда носилки поставили в белый автомобиль, и только после того, как дверцы захлопнулись и машина скрылась из виду, она уткнулась лицом в грудь Николаю Булганину и заревела…

Закончилась одна жизнь, где рядом, пусть и где-то очень высоко и закрыто, жил отец, к которому можно было в самые трудные минуты обратиться и получить поддержку.

Впрочем, помочь дочери живого Сталина готов был каждый…

Элеонора Микоян:

— Она попросила меня быть рядом и все четыре дня... по-моему, это все продолжалось четыре дня... я была в Колонном зале рядом. Стояла рядом в почетном карауле. Она просила, чтобы я стояла рядом, боялась упасть...

Светлана стояла в Колонном зале, смотрела в лица, проходящих мимо людей, соратников отца, и думала: что будет теперь? Кому достанется власть? Как новая власть обойдется с семьей Сталина? Где-то рядом продолжал буянить брат, двое приставленных к нему офицеров едва сдерживали его. Ей власть никогда не была нужна, и наследницей трона в отличие от Василия она никогда себя не чувствовала. Так чего же хочет Светлана, думая о будущем, стоя у тела мертвого Сталина?

Как всегда — свободы. А в это понятие она включает все — культуру, путешествия, хорошую мебель, красивую одежду, западную философию. Она думает: получит или нет все это страна, в которой она живет, после смерти ее отца?

Светлана стоит в почетном карауле, Светлана идет за гробом. Светлана почти не слушает, что говорят с трибуны люди, с которыми отец обычно ужинал у себя на даче. Она находится в Мавзолее, когда отца кладут рядом с Лениным. Лицо отца выглядит живым по сравнению с восковым лицом Ленина. Ей даже кажется, что отец откроет глаза, уткнется в нее своим страшным взглядом и гаркнет:

— А ты, что здесь делаешь?

Но отец мертв.

Все. Эта история завершена, начинается новая.

Ни Светлана, ни Василий не были нужны как союзники преемникам Сталина в дни, когда шла борьба за власть. Но о них не забыли. Светлане определяют пенсию, ей оставляют квартиру и выделяют дачу. Василию внимания уделяют гораздо больше, чем сестре. Но Василий и ведет себя по-другому. Он всюду говорит, что отца «убили», «отравили», он называет самого Берию насильником, а министра обороны — бабником. Его вызывают в министерство обороны, просят утихомириться, но Василий не успокаивается. Уже двадцать шестого марта его увольняют в запас без права ношения военной формы, а еще через месяц арестовывают вроде бы за злоупотребления властью. На самом деле ему еще инкриминировалась и особо популярная еще с тридцатых 58-я статья. Василия признали контрреволюционером.

Светлана не заступается за брата.

Она считает, что во всем виноват он сам. Да, его развратили прихлебатели, но все его друзья, «какие-то темные люди — футболисты, массажисты, спортивные тренеры и „боссы“, толкающие его на всякие махинации», — и должны были привести к этому финалу. Пишет о брате Светлана жестко, хотя и считает его больным человеком. В 1960 году ее вызвал Хрущев. Разговор шел о судьбе Василия.

Светлана Аллилуева, «20 писем к другу»:

«Я все время стремилась доказать, что его алкоголизм — болезнь, что он не может отвечать за свои слова и поступки подобно здоровому человеку, — но это не убеждало

…Январь, февраль, март — он жил в Москве и быстро почувствовал себя снова тем, чем был и раньше. Вокруг него немедленно собрались какие-то люди из Грузии — затаскивали его в «Арагви», пили с ним, славословили, курили ему фимиам…

Опять он почувствовал себя «наследным принцем»…»

Светлане же никогда не были нужны огромные дачи, государственные средства и шумные гулянки.

Именно поэтому вскоре после смерти отца она пишет письмо Председателю Совета Министров СССР, в котором благодарит партию за заботу о ней и ее детях и отказывается:

«1. От закрепления дачи „Волынское“ с обслуживающим персоналом.

2. От временного денежного довольствия в размере 4000 рублей в месяц

Вместо закрепления за моей семьей дачи «Волынское» прошу вашего разрешения о предоставлении мне права снимать на летние периоды 2—3 комнаты в дачном поселке СМ СССР Жуковка по Рублево-Угличскому шоссе за отдельную плату.

Еще раз приношу благодарность.

С уважением *Сталина».*

Это письмо напоминает частые разговоры с отцом, когда он предлагал взять деньги, а Светлана всегда сначала отказывалась. В Кремле ей объяснили, что дочь Сталина обязана получать пенсию — и вообще получать все что полагается.

Артем Сергеев:

— Сначала она получила такую довольно большую двухэтажную дачу. Потом сама попросила, чтобы ей дали самую маленькую дачу, это она мне говорила: «Не хочу я в этой большой совнаркомовской…»

Отказ — своего рода тоже побег. Светлана опять пытается бежать: от заботы государства, от ближнего круга отца, от Ближней дачи отца (туда она больше никогда не поедет), от распределителей, казенных

вещей и машин. И только Кремль все так же виден прямо из окон ее дома. А в нем творились захватывающие дух дела...

Сначала по русской традиции — раздел власти на троих, потом — арест и расстрел Берии, и, наконец, приход к власти Хрущева и его закрытый доклад на XX съезде партии.

Светлана прочитала доклад Хрущева в квартире Микояна.

Это случилось в феврале. Анастас Иванович присылает за Светланой машину, встречает ее у себя дома, на Ленинских горах, в библиотеке, и протягивает стопку страниц. Светлана в одиночестве читает «секретную речь». По сути — ничего нового, похоже на историю ее семьи, рассказанную человеком, не любившим ее отца. Здесь смерть дяди Кирова, описание страданий ее теток, совсем недавние события начала пятидесятых, зловещая роль НКВД, Берии и мрачная тень ее отца. Она верит всему и ей совсем не хочется возмущаться, бросить «секретную речь» в лицо Микояну, Хрущеву, всем им и крикнуть: «Клевета»!

Светлана входит в столовую, где ее ждут Микоян с женой. В их глазах — тревога.

Так рассказывает об этом Светлана в своих воспоминаниях.

А вот Степан Микоян и его жена утверждают, что это было в их квартире.

Степан Микоян:

— Отец принес речь Хрущева на XX съезде. Вернее, это он читал после съезда, на пленуме. Речь была секретная. Он дал прочитать ее мне и попросил, чтобы мы как-то ознакомили с нею Светлану. Она приехала к нам, и мы дали ей это прочитать. Оставили в гостиной. Через какое-то время она вышла, и я помню что как-то очень спокойно сказала: «А вы знаете, ребята, самое интересное, что все это очень похоже на правду».

В 1956 году Светлана поняла, что от прошлого бежит не только она.

Друзья и соратники ее отца явно опережали Светлану в этом беге. Ее робкие попытки вырваться из прошлого, найти ему оправдание даже не казались предательством по отношению к отцу и делу его жизни. Можно предположить, что в эти годы Светлана Сталина сполна получила и от стойких сталинцев, и от прогрессивных хрущевцев. Свобода, которой так жаждала Светлана, стояла у самых стен Кремля.

В сентябре 1957 года Светлана сменила фамилию Сталина на Аллилуева. Сменила по собственной воле — в отличие от Василия, который упирался до последнего. У него фамилию Сталин отняли практически силой. Логика в ее поступке была — побег из семьи продолжался. Загадкой остается дата этого поступка. Почему Светлана не сменила фамилию, например, в 1953 году или хотя бы через год? Почему она сделала это только после XX съезда?

Светлана пишет письмо с просьбой об обмене фамилии в канцелярию Президиума Верховного Совета. Председатель Президиума Климент Ворошилов, друг и соратник отца, тот самый, который в день самоубийства матери «ездил на лошади» по Красной площади, говорит Светлане:

— Ты правильно сделала.

Ее поступок одобрили. Но все-таки почему же сейчас, именно сейчас, когда фамилию Сталин треплют на каждом углу? И почему переходит на фамилию матери, а не на фамилию своего нового мужа Джона Сванидзе?

Потому что образ матери для Светланы — святой навсегда, а мужья…

Не менять же действительно фамилию каждый раз, когда хочется переменить обстановку и в очередной раз сбежать от чего-то. О том, что Светлана хотела сменить фамилию еще до войны, но был против отец, — знает только она.

Итак, Светлана разделяет мнение партии и правительства, она вместе с народом, вместе с теми женщинами, которые сменили свои имена Сталина на обычные русские имена Наташа, Татьяна, Катя. Она и замуж выходит за сына людей, пострадавших по злой воле ее отца.

Возможно, приносит своего рода жертву?

С Джоником Сванидзе Света была знакома с раннего детства. Родители Вано (Джонрида), Алеша и Мария Сванидзе, были друзьями Сталина. Они воспитали Якова — его старшего сына. Но они, как и все родственники вождя, слишком много знали. Сначала отца и мать Джоника посылают в разные лагеря, а затем Алешу Сванидзе расстреливают. Говорят, что Алексею Сванидзе перед расстрелом предложили извиниться перед Сталиным. Тот отказался.

— Смотри, гордый какой, — сказал Сталин.

После расстрела отца шестнадцатилетнего Джоника помещают в казанскую психушку, где он провел пять лет, а оттуда отправляют на медные рудники Джезказгана, и отец его будущей жены определяет ему меру наказания — пожизненное поселение в Сибири.

В 1956 году Джон возвращается в Москву.

Когда идет подготовка к свадьбе, Светлана вдруг получает посылку откуда-то из Северной Америки. В посылке — красивые вещи. Это приводит Светлану в замешательство.

Марфа Пешкова:

— Я говорю: «Ну и что, это какие-то знакомые». Она говорит: «Нет-нет, мне кажется, что это посылка от Яши».

Светлана всегда любила Якова больше, чем Василия, а Джоник рос рядом с Яковом. Возможно, этот скоротечный брак — очередная попытка побега туда, в детство, поближе к Якову, к живой матери.

В это время имя Светланы на устах московской элиты. Обсуждают ее браки, ее любовников, увлечения, защиту диссертации. Сегодня уже трудно разобраться, где в этих разговорах была правда, а где — ложь. Например, кто-то, рассказывая о дне защиты диссертации, говорит, что «Светлана отвечала на вопросы очень тихо, и поэтому, набившейся в зал толпе трудно было понять, как идет защита». А вот Элеонора Микоян утверждает, что Светлана защищалась блестяще. И вообще Светлана была высоко образованной и очень хорошо воспитанной девушкой. Другое дело, что очень быстро меняла свои привязанности, друзей и решения.

Элеонора Микоян:

— Однажды Светлана попросила меня помочь ей с работой. Что-то у нее было очень плохо с деньгами. Я работала тогда в издательстве, и нам требовался специалист, который владел бы языками. Надо было читать рукописи и давать заключения, стоит их переводить или нет. В общем, ей эта работа подходила. Не нужно было каждый день ходит на работу, и платили неплохо...

Элеонора Петровна попросила Анастаса Ивановича позвонить в издательство и похлопотать о подруге. Директору издательства позвонили из ЦК, и вопрос был решен. Нужно было начинать работать. Но наступило лето, все друзья ехали на юг, и Светлана с детьми тоже решила поехать отдыхать. Договорились, что она приступит к работе с первого сентября.

Элеонора Микоян:

— Я вернулась в Москву, звоню Светлане, трубку берет Ося. Я говорю: где мама? Он отвечает, что мама приедет через неделю. Я говорю: как же так, ей ведь надо завтра быть на работе?!

Потом у нас был разговор, я говорю: Светлана, ты же сама просила, о тебе хлопотали, люди тебя ждут

три месяца. Она говорит: «Киса, ну прости меня, ну не хочется мне как-то…»

Так же и с мужьями ее. То дайте ей сию секунду, то вдруг…

Даже Хрущев, следивший за судьбой Светланы, не выдержал и сказал как-то: «Мне неприятно слышать о плохом поведении Светланы и о ее супружеской неверности. Она долго живет одна, без мужа. Это нельзя считать нормальным».

Правда, при встрече со Светланой, которая состоялась в 1954 году, Хрущев говорил совсем о другом. Его беспокоила судьба Василия. Он хотел вернуть брата Светланы к нормальной жизни. Светлана не верит, что это возможно. Один раз она с третьей женой Василия, Капитолиной, посещает брата во Владимирском централе. Брат и сестра встречаются в кабинете начальника, где еще висит портрет их отца. Василий выглядит плохо, ведет себя истерично. Он требует от женщин вытащить его из тюрьмы. Потом отводит Светлану в сторону и называет имена друзей, которые должны ему помочь, — надо только написать.

— Но ведь ты сам можешь написать кому угодно, — спокойно отвечает Светлана. — Ведь твое собственное слово куда важнее, чем то, что буду говорить я.

При желании в этих словах очень легко можно разглядеть и ехидство, но интонации не дошли до нас из глубины времени.

Женщины уезжают — зрелище их расстроило. Светлане не понравилось, как Василий вел себя.

И все.

Будто бы встреча происходила не в тюрьме, а на Подмосковной даче. Василий еще несколько раз пишет сестре, но Светлана никуда не ходит, никому не пишет, ни с кем не разговаривает — она уверена, что Хрущев стремится помочь ее родному брату.

Остается надеяться, что Светлана никогда не читала писем брата, адресованных Никите Хрущеву, и не знала, что именно Хрущев отменил досрочное освобождение Василия, которое он заработал хорошим поведением и трудом в слесарных мастерских. В противном случае нам непонятно, на чем основана ее уверенность. Как бы там ни было, в эти дни Светлана теряет брата.

Теряет задолго до его смерти.

В январе 1960 года Хрущев вновь вызывает Светлану к себе. Он сообщает, что созрел план освободить Василия, дать ему другую фамилию и поселить где-нибудь подальше от Москвы. Что ответила Светлана Хрущеву, вы уже знаете. По сути дела, Светлана вроде бы не советовала Никите Сергеевичу выпускать брата из тюрьмы.

После Светланы Хрущев встречается с Василием. Василий падает на колени и просит его простить. Хрущев поднимает его, со словами: «Васенька, что они с тобой сделали?»

Оба плачут.

После Хрущева с Василием встречается Ворошилов. Мы писали об этом в главе, посвященной Василию, но сейчас, рассказывая о Светлане, не можем опустить известную уже вам стенограмму беседы Василия Сталина с Климентом Ворошиловым. Они говорят о жизни, об изменениях в стране, о Сталине. Ворошилов ставит Светлану в пример, как надо сейчас жить.

Стенограмма разговора Климента Ворошилова с Василием Сталиным:

«Ворошилов. …Ты не прав, когда говоришь, что Светлана отказывается от отца. Он любил ее. Ты не можешь сказать, что отец был во всем прав… Светлана — очень хороший человек».

Василий. Дай ей бог здоровья, желаю ей добра.

Ворошилов. Помирись с сестрой.

Василий. Я постарше ее и первым к ней не пойду. Придет — приму хорошо.

Ворошилов. Ты давно с ней не встречался?

Василий. За семь лет она ко мне ни разу не приехала. Я это ей не прощу.

Ворошилов. Светлана много раз говорила тебе, чтобы не пил.

Василий. Она странная, у нее тяжелый характер, но я ее всегда поддерживал. Случись с ней, что случилось со мной, я бы все пороги обил…»

Василий так и не простил сестру, а Светлана не изменила мнения о брате. В общем, все так, как она и говорила Хрущеву: ее брат — никчемный, опустившийся человек, которому нельзя верить. На похороны брата она не едет, надпись на могиле, сделанную его последней женой, считает «претенциозной».

Идет 1962 год.

Тридцать лет, как нет матери, почти десять, как не стало отца, нет братьев, у нее другая фамилия и двое детей после трех неудачных браков. Убеждать себя, что жизнь удалась, нет сил. В это время она думает о самоубийстве и совершенно естественно приходит к вере, начинает посещать церковь. Она принимает обряд крещения и усердно ходит на исповеди.

Во время одной из бесед священник говорит ей о скорой встрече с заморским князем…

Бега по кругу

Наверное, знакомство с пациентом правительственной больницы в Кунцеве в октябре 1963 года прошло бы совершенно незамеченным, если бы этот пациент не оказался иностранцем. Браджеш Сингх, сын раджи и либеральный индийский коммунист, вдруг стал для Светланы тем самым «заморским князем», о котором обмолвился священник. Именно его Светлана будет считать своим следующим мужем, именно с ним будет связан ее очередной побег, но теперь уже не по маршруту Кремль — Дом на Набережной. Но давайте опять обо всем по порядку.

Летом 1963 года Светлана почти безвыездно живет в Жуковке. Наконец она нашла себе настоящее дело. Светлана пишет книгу.

Артем Сергеев:

— Я там был у нее, и она мне показывала: вот, говорит, сижу потихонечку, гляжу в окошко и кропаю. И показала странички исписанные. Может быть, говорит, что-нибудь получится. В дальнейшем это оказались «20 писем к другу».

Видимо, работа, законченная в конце августа, отняла много сил, и в октябре Светлана ложится в больницу подкрепиться, а заодно удалить миндалины.

Ее новый избранник был сутул, носил очки, и к тому же из носа у него торчала вата — ему только что удалили полипы. Но он был индусом, а Индия в это время привлекает Светлану. Она даже с собой в больницу взяла книгу Рабиндраната Тагора. Поэтому вату в носу заметила, но не обратила на это никакого внимания.

Сначала это были случайные встречи, короткие разговоры на английском. Сингх еще не знает, с кем имеет дело. Не в человеческом плане. Он не знает ни имени, ни фамилии этой любезной женщины. Он даже задает Светлане бестактный вопрос:

— Как вы считаете, сильно изменилась жизнь в Советском Союзе после смерти Сталина?

Светлана понимает: индус не знает, с кем разговаривает. Отвечает:

— Нет, я думаю, не слишком уж сильно… Перемены, конечно, есть, но они не носят фундаментального характера.

— Вот как? А мне говорили — изменения есть, и они довольно глубоки…

Только после этого Светлана представилась.

Сингх только и смог произнести что длинное «о!».

Тем не менее разговоры становятся длиннее. Сингх блестяще образован и прекрасно воспитан. Он мудр и обаятелен. Светлане опять пытаются мешать, к ней подходят незнакомые люди и, почти как в истории с Каплером, говорят: «Зачем вам этот индус?»

Светлана знает зачем, и знакомство развивается.

Элеонора Микоян:

— Однажды мне позвонила Светлана и попросила устроить встречу с Анастасом Ивановичем. Она очень хотела ускорить регистрацию брака с Сингхом. Они хотели, что ли, ехать отдыхать в Сочи. Там ждали какие-то документы, и это было сделать просто невозможно. А должна была прийти бумага, что Сингх действительно в разводе. Ее и ждали. Анастас Иванович спросил меня: чего хочет Светлана? Я рассказала. Он еще сказал: «Подумаешь, я со своей женой тридцать лет жил не расписываясь, что за спешка! А в Сочи пусть живут в разных номерах и ходят друг к другу в гости…»

В ноябре 1963-го Светлана Аллилуева и Браджеш Сингх едут в Сочи. Здесь долгие прогулки у моря, бесконечные разговоры за столом в пустой столовой о смысле жизни, о разных культурах. Аромат южных цветов, звон цикад, шум моря. А те, кто подслушивает и подсматривает, не в счет.

Так два одиноких человека становятся близкими людьми.

После возвращения из Сочи Сингх улетает в Индию, но обещает скоро вернуться — он переводчик, у него много дел в СССР. Светлана плачет. Как-то вдруг этот немолодой, неизлечимо больной индус стал ей по-настоящему дорог.

Владимир Аллилуев:

— Сингх — это единственный человек, который сумел подчинить ее себе. То ли это была любовь, то ли я не знаю что, но она очень трогательно относилась к этому смертельно больному человеку.

Вернуться в СССР Сингху оказалось непросто. То не было приглашения, то не давали визу. Светлана понимает, в чем дело, и опять через свою лучшую подругу Э. Микоян просит Анастаса Микояна ускорить приезд Сингха в Москву. Она говорит, что любит его, хочет выйти замуж и просит, чтобы в это дело вмешался Хрущев. Светлана, как обычно в таких случаях, рвется вперед, не признавая никаких преград и не считаясь ни с какими условностями. Подруга договорилась о встрече Светланы с отцом ее мужа.

Элеонора Микоян:

— В тот день в Москве, в Большом зале, играл Ван Клиберн. Анастас Иванович позвонил и спросил, иду ли я на концерт. Я сказала, что иду. Тогда он сказал, что тоже хочет пойти, и попросил меня перенести встречу со Светланой на любой удобный для нее день. То, что я услышала по телефону, когда позвонила Светлане, никогда не забуду. А потом, через месяц, получила по почте письмо. Светлана жила в другом подъезде, но письмо пришло по почте...

В письме Светлана обращается к своей подруге на «вы». Она уверена, что это та самая Киса непонятно по какой причине вставляет ей палки в колеса, не желая помочь зарегистрировать ее отношения с

любимым человеком. Последовал полный разрыв отношений — ровно на восемнадцать лет Светлана выпадает из поля зрения Элеоноры Микоян, лучшей подруги.

Через два дня встреча Светланы с Анастасом Ивановичем все-таки состоялась. Личная жизнь дочери Сталина по-прежнему решается на уровне главы государства. Микоян передает просьбу Светланы Хрущеву. Тот вроде бы не возражает, но происходит непредвиденное.

В октябре 1964 года Хрущева смещают.

Тут уж не до Светланы и ее иностранца. Сингх прилетает в Москву только в апреле 1965 года. Светлана встречает его в аэропорту с Иосифом — своим сыном. Они везут Сингха к себе домой. Синхг все так же мил, добр и внимателен, но в холодной Москве чувствует себя неважно. Более того, он уверен, что долго не проживет и на предложение Светланы пожениться предлагает хорошенько подумать. Ему не хочется быть обузой ни ей, ни его семье. Но Светлана решительна, как всегда. Она подает документы в специальный, единственный в Москве загс, который регистрирует браки с иностранцами, и на следующий день встречается... нет, не с заведующим загсом, а с премьером страны Алексеем Косыгиным.

Светлана Аллилуева, «Только один год»:

«Я ждала в приемной. Уже здесь у меня сжалось сердце от тяжелого предчувствия. Опять эти унылые стены в деревянных панелях, хорошо знакомые мне, эти стандартные казенные ковры, которыми устланы все коридоры в Кремле. Эти зеленые суконные скатерти на пустых столах…»

При всей сложности разговора Косыгин довольно быстро высказывает мысль о том, что правительство против брака Светланы с иностранцем по той причине, что этот старый индус может вывезти ее из страны. Светлана возражает, говорит, что уезжать не собирается, ну разве что посмотреть Индию — и все.

— Живите как хотите. Но брак ваш регистрировать мы не дадим! — поставил точку Косыгин.

Тем временем хрущевская «оттепель» осталась в истории, в сентябре 1965 года в Москве проходит процесс над Даниелем и Синявским.

«Дело писателей» многим очень напоминает «дело врачей».

Индийский коммунист, получивший образование в Англии, Браджеш Сингх окончательно сбит с толку. «Как! Семь лет тюрьмы за книги?! За то, что писатель пишет книги?!» — восклицает он, узнав, чем закончился процесс.

В стране все чаще звучат слова «диссидент» и «самиздат». Светлана после написания книги «20 писем к другу» тоже относится к писателям-диссидентам. Мудрый Сингх, сообразив, что происходит в Советском Союзе, предлагает Светлане переправить опасную рукопись в Индию через своего друга, посла Кауля. Светлана не сомневается ни секунды. Через какое-то время книга оказывается в Индии.

Работа в издательстве «Прогресс» у Сингха не ладилась. Советские товарищи то и дело предъявляли к индийскому гостю претензии. Он нервничал, от чего состояние здоровья заметно ухудшилось. То и дело приходится ложиться в больницу, ту самую Кунцевскую, где Светлана и Сингх познакомились. Светлане кажется, что в больнице Сингха неправильно лечат, его здоровье ухудшается. Именно это обстоятельство заставляет ее написать письмо новому лидеру страны Леониду Брежневу. В письме Светлана просит отпустить ее с мужем в Индию. Письмо, как и написанное ранее заявление в загс, вновь приводит Светлану на Старую площадь. Только на этот раз в кабинет к главному идеологу партии — М.А. Суслову. Здесь разговор еще более короткий и еще менее приятный.

Суслов:

— Мы не выпустим вас за границу. А ваш муж… муж... пусть он уезжает, если хочет.

Аллилуева:

— Он не может жить один! Он нуждается в уходе. Он, может быть, скоро умрет…

Суслов:

— Умрет так умрет. Он больной человек. А вам ехать нельзя. Представляете себе, там на вас сразу набросятся корреспонденты… Возможны всякие провокации! Вы даже не представляете, насколько это для вас опасно. Нет, вас мы не выпустим…

Ровно через неделю после визита к Суслову Сингх умирает.

За три года до случившегося в записной книжке Сингха Светлана прочитала: «В случае моей смерти пусть тело кремируют, а прах бросят в реку».

— Ты имеешь в виду Ганг? — спросила Светлана.

На что Сингх ответил, все реки впадают в один океан, но было бы неплохо в Ганг. После его смерти Светлана отбросила первую часть фразы, а вторая часть, про Ганг, стала для нее чуть ли не смыслом жизни.

Светлана решает вывезти прах мужа в Индию любой ценой и очень быстро получает согласие от того же Алексея Косыгина.

Владимир Аллилуев:

— Я ее встретил в тот день, когда она должна была уезжать, во дворе нашего дома. Я к ней подошел, но она просто отпрыгнула от меня. У меня было такое впечатление, что она будто увидела змею какую-то гремучую. Я решил, что она в плохом настроении, на взводе, и поговорю с ней попозже. Это попозже произошло через восемнадцать лет...

По решению Политбюро Светлане дали два месяца на то, чтобы выполнить волю мужа и побыть с его родней.

Сборы были бестолковыми и нервными. Как-то так получилось, что Светлана не положила в чемодан ни одной фотографии своих детей и мамы. Взяла подарки индийским родственникам, какие-то свои вещи, урну с прахом. В квартире толпились близкие друзья и официальные лица. Из-за них Светлана толком не попрощалась с детьми. Чмокнула в щеку дочь Катю, потом вдруг накричала на жену Оси Лену. Та хотела поднести саквояж, в котором лежала урна с прахом.

— Оставь! — истерически закричала Светлана.

Сын тут же насупился и молчал всю дорогу до аэропорта.

В аэропорту тоже прощания не получилось. Светлану быстро проводили в зал официальных делегаций, там уже граница, опять суета. Кто-то оформляет документы, кто-то торопит ее. Все еще злой Ося холодно поцеловал мать, подруге Светлана сказала «пиши» — и на этом все.

На простой отъезд не очень похоже. Скорее на бегство, что бы там, в саквояже, ни лежало. Вскоре самолет оторвался от земли.

В Индию Светлана летела не одна. Правительство боялось, что Светлана не вернется.

Владимир Аллилуев:

— К ней в Москве приставили какую-то женщину, сопровождающую, бестактную, которую, правда, индусы быстро отделили. Индира Ганди проявила к ней холодность. Ганди была политический деятель высокого ранга и понимала, что любые художества Светланы могут так или иначе осложнить отношения с

Индией.

Индия поражает Светлану, умиротворяет и успокаивает.

Там, в Калаканкаре, где находится дом Сингха, где живут его родственники, Светлана вдруг решает, что ее жизнь здесь, на берегу вечного Ганга. И даже то, что в поле зрения вдруг кто-то справляет нужду на берегу этой реки, не очень ее раздражает. Мы уже знаем, что очаровываться, влюбляться — все это очень характерно для Светланы. А когда Светлана влюблена, ее ничто не может остановить.

Светлана Аллилуева, «Только один год»:

«Я осталась в деревне и начала погружаться в индийскую жизнь, как в теплую ванну, наслаждаясь ею каждую минуту. Жизнь в Калаканкаре была во всех отношениях иной, непохожей на мою прежнюю, а это сейчас мне было необходимо как воздух».

Спустя совсем немного времени Светлана совершает робкую попытку остаться в Индии. Но это была именно та идея, которая не вдохновила Индиру Ганди. Тогда Светлана просит разрешения остаться в Индии у своих — реакция та же. К ней в Калаканкар, за 600 миль от Дели, даже специально приезжает второй секретарь посольства Суров. Цель одна — ускорить возвращение дочери Сталина на родину. И так Светлана задержалась в Индии на полмесяца дольше.

В Индии впервые за долгие годы в воспоминаниях Светланы появляется новый мотив — любовь к детям. К детям, оставленным в СССР. В Калаканкаре Светлана получила письмо от Оси. Сын несколько раз пишет, что они с сестрой очень скучают по матери и что им без нее «очень плохо». Светлана хочет видеть Осю и Катю, но не хочет возвращаться в Москву. Об этом она размышляет весь путь от Калаканкара до Дели, об этом она думает в советском посольстве. Однако желание ее детей ни в данный момент, ни в будущем Светлана при принятии важных решений не учитывает.

А дальше начинается детектив.

Дели. Канун Международного женского дня. Советское посольство готовится к празднику, который для них должен стать двойным.

Во-первых, само Восьмое марта.

Во-вторых, отъезд дочери Сталина, пребывание в Индии которой всех порядком издергало.

Дым отечества для Светланы крайне неприятен, а работники посольства в ее глазах — сплошь разъевшиеся уроды с карикатур Гойи. Дорогая одежда только усиливает это впечатление.

Светлана Аллилуева, «Только один год»:

Все только и мечтают, чтобы Светлана убралась восвояси. Кусок в горло не лезет, тем более советской еды, где обязательны обильная закуска, мясо, спиртное. Светлана уже привыкла есть скромно — немного вкусной индийской пищи — и пить гималайский чай.

За столом она получает приглашение на торжественный вечер в клуб. Будет доклад, потом концерт самодеятельности. Светлана сдержанно благодарит, но быть отказывается, потому что ее пригласил к себе бывший посол Индии в СССР и друг Сингха господин Кауль. Тот самый, что вывез рукопись ее первой книги в Индию. Светлана берет свой паспорт и уходит в гостиницу.

Степан Микоян:

— Я думаю, зная характер Светланы, что одна фраза Бенедиктова заставила ее принять решение. Когда они встретились, Бенедиктов протянул Светлане обратный билет, паспорт и сказал: «Вот вам, милочка, билет и летите в Москву, хватит валять дурака!»

Для Светланы этого было достаточно, чтобы не лететь в Москву. Кстати, по-моему, Бенедиктов за это пострадал. Потерял свой пост…

В гостинице Светлана вдруг начинает перекладывать вещи из большого чемодана в маленький.

«Вдруг» — это пишет Светлана. Нам остается только верить ей или строить предположения. Например о том, что мысль о побеге возникла у Светланы в тот момент, когда она увидела огромный американский флаг над посольством Соединенных Штатов, которое оказалось поблизости с советским посольством.

Дальше у Светланы «проскакивает мысль»: «Не тащить же с собой в американское посольство большой чемодан!»

Американское посольство, зазывно размахивающее звездно-полосатым флагом, манило Светлану, как духовой оркестр отправившегося в школу несмышленого Буратино.

Куда бежать, Светлане уже было понятно, оставался вопрос «когда?».

Времени до самолета в Москву — полтора дня. Светлана решает, что ждать нечего. Бежать нужно сегодня, вечером, когда праздник, посвященный Международному женскому дню будет в разгаре. Вот уж подарочек получат к празднику не только женщины — сотрудницы посольства, но главным образом их мужья!

В начале седьмого она заказывает по телефону такси. Через несколько минут такси уже стоит у входа. Светлана сначала спустилась без вещей, на разведку наверное. В машине сидели двое улыбающихся сикхов в тюрбане.

— Минуту! — просит водителя подождать ее Светлана.

Затем возвращается в номер, берет чемодан, в котором лежат ее рукопись и вещи, купленные в Индии. Все остальное, включая подарки детям, оставляет в номере, тем не менее надеясь, что дети их когда-нибудь получат, и спускается вниз.

Через несколько минут она уже входит в американское посольство. Здесь уже все другое: прекрасная обстановка, кондиционер, красивые улыбчивые люди. Все подряд. Во всяком случае, у Светланы складывается такое впечатление. Она показывает паспорт на имя Аллилуевой и поясняет, что она дочь Сталина.

Да-да, того самого.

Может быть, даже мелькнула мысль, что зря поменяла фамилию. Наверняка Светлане Сталиной задавали бы меньше вопросов. Чуть позже Светлана пишет свою автобиографию. Просто описывает все, что с ней происходило все эти годы. В конце ставит дату: 6 марта 1967 года.

Посол, второй секретарь посольства и консул решают немедленно вывезти беженку из Индии, не дожидаясь директив из Вашингтона. Их подгоняло еще и то, что был ночной рейс до Рима. В противном случае важную беглянку пришлось бы скрывать в Дели несколько дней, а там всякое может произойти. И уже поздней ночью Светлана в сопровождении американского разведчика, которого она наивно считает обыкновенным дипломатом, вылетает в Рим.

В своих книгах Светлана представляет этот шаг как импульсивное решение, как некий взрыв эмоций, протест против советской тирании, как прыжок из одного мира в другой, за который она заплатила разлукой с детьми. Но в той же самой книге она, впрочем как всегда, противоречит себе самой.

— Вы понимаете, что сжигаете за собой все мосты? — спрашивает ее американец.

— Я долго думала, — отвечает Светлана, — у меня было время подумать. Я понимаю.

Побег состоялся. Светлане кажется, что она вырвалась из прошлого, из страны, которую искалечил ее отец, навсегда. Однако она заблуждалась, как заблуждалась в своих суждениях по поводу страны, в которую она рвалась всем сердцем.

В Америку Светлана попала не сразу.

Шум, который поднялся в мире после ее отъезда, заставил американцев предпринять дипломатический ход. Светлане оформляют трехмесячную туристическую визу в Швейцарию. Журналисты не давали ей спокойно ступить и шагу, и тогда Светлану прячут в монастырском приюте Сен-Антони. Правильное место, чтобы отдышаться от постоянного бега, подумать, заняться изданием своей книги и, наконец, написать письмо детям.

Письма писали и Светлане, но не Ося и Катя. Ей писали эмигранты, сумасшедшие, потенциальные женихи, но все это было не то. Наконец пришло письмо и от детей. Писал Ося. Писал о растерянности, охватившей их с сестрой, когда матери не оказалось в самолете, прилетевшем из Дели. Несколько дней до официального сообщения в газетах они не знали, что делать. Потом жизнь вошла в свою колею, а вот Катя так и не смогла войти в эту самую колею.

Иосиф Аллилуев — Светлане Аллилуевой, сын — матери:

Светлана поняла, что ее письмо на пятнадцати страницах, написанное в монастыре, Ося и Катя тоже не получили.

Светлана решает позвонить детям.

Разговор не получается. Сын вдруг растерялся, услышав наконец голос матери, а Светлана все твердила одно и то же: «Я не вернусь, я не туристка, ты понимаешь?»

Сын все понял. Разговор прервался неожиданно. Через несколько дней Светлана опять звонит домой, но никого не застает. Тогда она звонит подруге. Пытается рассказать о том, как она себя хорошо чувствует на Западе, какие прекрасные люди ее окружают, какое замечательные друзья у нее появились. Подруга слов не подбирала и все доводы Светланы казались ей легковесными и неубедительными.

«Какие там у тебя друзья? О чем ты говоришь?» — сокрушенно восклицает подруга.

Светлана ожидала совершенно другого разговора. Ей очень не хотелось слышать фразу о том, что ее детям тяжело, но именно ее она и услышала.

Иосиф Аллилуев:

— Кате было 16 лет, ей совсем было тяжело. Катя попросила, чтобы я по возможности из этого ее исключил. И я исключил. Первые два года были особенно тяжелые. Я работал в две смены, шел с утра на работу, возвращался из клиники, а в дверь звонили, входили и выходили корреспонденты разных газет, и я должен был с ними разговаривать, чтобы не создалось впечатление, что меня куда-то уже упекли...

Светлана тоже не находила себе места. Поиски покоя и гармонии в монастыре ни к чему не привели. Дети, друзья, близкие осуждают ее. Даже ее новые знакомые не поддерживают ее стремление обязательно уехать в США. Кто-то ей даже говорит: «Вы попадете из одной тюрьмы в другую»

Но Светлана уже сожгла все мосты.

По странному стечению обстоятельств дочь Сталина ступила на американскую землю в день рождения Ленина — 22 апреля 1967 года. Первая фраза для журналистов, которые уже ждали ее, была готова: «Хелло! Я счастлива быть здесь!»

Светлане казалось, что это будет эффектно и абсолютно по-западному.

Америка ждала ее. После пресс-конференции в отеле «Плаза» Светлана стала знаменитостью. Ей присылали цветы, ее приглашали читать лекции, ее ждали в университетах, церквях и каких-то клубах, объединяющих людей по интересам. Ее даже приняли в клуб знаменитостей. Книга ее переводилась.

Все было прекрасно, хотя и немного навязчиво.

Письмо от сына, полученное в это сказочное время, Светлана сравнивает с «ударом ножа в самое сердце».

Иосиф Аллилуев — матери, Светлане Аллилуевой:

По сути, дети отказывались от нее.

Отказывалась от нее и страна.

Сначала Косыгин, будучи в США, сказал, что «Аллилуева морально неустойчивый человек», потом дипломаты стали давить на госдепартамент, требуя не допустить выхода книги «20 писем к другу» в канун 50-летия Октября, потом вдруг в Германии начали публиковать главы ее книги с комментариями корреспондента лондонской газеты. Это мешало изданию в Америке. На Светлану ополчилась вся советская пресса. Но в этом разноголосом шуме была одна щемящая, но правдивая нота.

Многие советские люди не прощали дочери Сталина не побег из страны, а то, что она бросила своих детей.

Как ни странно, но и многие западные газеты вдруг начали печатать любую, самую сенсационную информацию о Светлане. Часто отрицательную и очень часто просто бредовую. То написали, что всю жизнь Светлана находилась под наблюдением психиатров, то, что она носила бриллианты Романовых, то, что она присутствовала при подписании акта Молотова —Риббентропа. И уже полный бред — статья о том, что Сталин всегда советовался с дочерью, перед тем как принять любое, самое простое решение.

Элеонора Микоян:

— Я видела фотографию, на которой я была изображена со своим ребенком, а подпись была: Светлана Сталина с сыном. Мы были примерно одного возраста, и дети были одного возраста. Не помню, в каком-то западном журнале или газете... Там были главы из книги Светланы, их публиковал этот журналист... Луи, кажется…

В разгар всей этой шумихи Светлана на одном из пикников в присутствии семнадцатилетнего парня — сына ее друзей сжигает на гриллере, где жарили мясо, свой советский паспорт.

Вот теперь и не только мосты были сожжены.

В 1969 году выходит указ Президиума Верховного совета СССР о лишении Светланы Аллилуевой советского гражданства.

Постепенно жизнь в Америке для Светланы становится привычной, и ее нахождение становится привычным для Америки. Книга, с которой были связаны большие надежды, не входит даже в десятку самых продаваемых, потому что в ней мало интимных подробностей и громких разоблачений. В жизни самой Светланы их больше, если верить журналу «Тайм», который пишет:

Конечно, журналу можно и не верить, но уж очень все это напоминает походы Светланы к жене Каплера и родственникам Марфы Пешковой.

Мы опускаем в нашем рассказе историю жизни Светланы Аллилуевой в Америке. Заметим только, что через некоторое время она поняла, что и в этой стране не все так благополучно, как кажется на первый взгляд. Не все служащие здесь расторопны, не все адвокаты честны, и путь от богатства к нищете не такой уж длинный, а разница между этими двумя понятиями огромна.

Поиски лучшей жизни по средствам заставляли Светлану не раз переезжать из штата в штат, менять дома и машины, вновь выйти замуж, вновь разойтись и вновь остаться только вдвоем с дочкой Ольгой, которая, кстати, как и все ее дети, появилась на свет в мае.

Ровно через двадцать лет после рождения дочери Кати, в 1970 году.

Последнее замужество Светланы было как всегда скоропалительным, но по своей эксцентричности и последствиям несравнимо ни с одним из предыдущих. Более того, в нем можно обнаружить даже элемент мистики.

Вэс Питерс, американский архитектор, ученик знаменитого архитектора Фрэнка Ллойда Райта, член товарищества Талиесин в штате Аризона, сразу не понравился Светлане манерой вычурно одеваться. Она встретилась с ним на вечеринке в Аризоне. Светлана приехала в Аризону по приглашению Ольги Райт. Она получала сотни таких приглашений, но почему откликнулась именно на это, объяснить не могла.

Нет, объяснения, конечно, нашлись. Начать с того, что Ольга Ивановна Райт была родом из Грузии и ровесницей матери Светланы. Она даже убедила себя, что Ольга Райт чем-то похожа на ее мать. Несомненно, Светлану тронула трагическая история смерти дочери Ольги Ивановны, тоже Светланы. Обо всем этом Ольга Райт писала в письмах и регулярно отправляла приглашения погостить в Аризоне.

Тогда Светлана не могла подозревать, что в этой американской пустыне уже некоторое время идет охота за ней, дочерью Сталина, и за ее деньгами.

Охотились на живца.

Его роль и выполнял вдовец Вэс Питерс, бывший зять Ольги Райт, вдовы знаменитого архитектора, а теперь хозяйки и главы товарищества. Жена Вэса, Светлана, будучи беременной, погибла с одним из сыновей в автомобильной катастрофе. Печать скорби не сходила с лица Вэса, когда их знакомили на каком-то приеме. Вокруг были дамы в шикарных платьях, мужчины в смокингах. Это происходило буквально в день ее приезда. За ней прибыл эскорт, состоящий только из молодых мужчин. Светлана часто бывала в богатых домах, но такой роскоши припомнить не могла. Немыслимые драгоценности на женщинах, стол, сервированный золотыми приборами.

Ольга Райт многозначительно произнесла:

— Ну вот, наконец вы познакомились!

Светлана смотрела на своего нового знакомого, в фиалковой рубашке с оборочками и массивной золотой брошью на шее, с иронией. Еще ее смешил смокинг песочного цвета, а весь этот шум с обильной едой и выпивкой почему-то напомнил Светлане застолья на даче к Кунцеве. Она даже успела подумать о том, что, к счастью, у нее уже есть билет до Сан-Франциско и что здесь она надолго не задержится. Вэс никаких знаков внимания знаменитой русской гостье не оказывал, только один раз сказал:

— Этот соус, «Сальва брава», очень острый...

И все.

Тем не менее на следующий день они гуляли по территории товарищества. Вэс показывал кумпус, объяснял, как устроен их городок, рассказывал историю его создания. Вечером они обедали в ресторане.

Именно в ресторане Вэс и поведал Светлане свою печальную историю о гибели молодой жены. Что произошло между этими не очень уже молодыми людьми дальше, почему Светлана резко изменила мнение о Вэсе, можно только догадываться, но через три недели они поженились.

Хотя, зная уже характер Светланы Аллилуевой, можно не удивляться стремительности и крутизне виражей ее судьбы. Короче говоря, ей почему-то очень понадобился Вэс Питерс.

А раз так — вынь да положь!

В это время Светлана ощущает себя абсолютно счастливой, возможно, еще и потому, что впервые в стране, где всеобщее равнодушие царит наравне со страстью разбогатеть, вдруг перестала себя чувствовать одинокой. Она ослеплена этим счастьем, и даже то, что муж ни слова не говорит о своих чувствах, не настораживает Светлану.

Светлана Аллилуева, «Далекая музыка»:

Для него она готова на все. Она оплачивает все долги Вэса, любящего делать дорогие подарки окружающим, она покупает у мужа его ферму, чтобы как-то поправить дела, — Вэс оказался банкротом. Она даже переводит все активы своего фонда в Аризону, не слушая своих адвокатов, которые настойчиво советуют не делать этого. После этого еще один ход доверия: Светлана с Вэсом открывают объединенный счет в банке.

Однако у самого Вэса и у товарищества, на которое он работает, дела обстоят далеко не блестяще. Заказов, несмотря на рекламу, полученную в результате приезда в коммуну Светланы, у архитекторов не становится больше. Тем не менее Вэс то и дело покупает жене шикарную одежду и драгоценности. Деньги на общем счету тают, а пополнять его неоткуда. К тому же, кроме магазинов и работы, похоже, Вэса больше ничего не интересует. Мечты Светланы о домашнем уюте, о долгих разговорах с мужем о литературе и искусстве, об аристократическом круге знакомых остаются только мечтами. Последней каплей для нее становится открытое требование бывшей тещи Вэса внести в коммуну тридцать тысяч долларов, полностью подчиниться ей, Ольге Райт, и стать частью коммуны. Светлана говорит Ольге, что, во-первых, делами фонда распоряжается не она, а во-вторых, таких денег у ее фонда нет. Она ищет поддержки у мужа, но муж, как всегда, на стороне товарищества.

Именно здесь и происходит эпизод, который дает нам право говорить о присутствии мистики в этой истории. Во время очередного трудного разговора с Ольгой Райт Светлана вдруг увидела, как изменились ее лицо и взгляд. От этого взгляда Светлана почувствовала слабость, ноги ее подогнулись, она упала на колени, вдруг облилась слезами, стала целовать руки Ольге Райт и просить у нее прощения. Ольга помогла Светлане подняться и произнесла:

— Ну, теперь у нас все будет хорошо.

Однако она заблуждалась и недооценила характер дочери Сталина. Светлана не только не покорилась этой властной женщине, а просто возненавидела ее. Ольга и ее окружение платили Светлане той же монетой. Всех еще раздражало решение Светланы родить ребенка. После крестин маленькой Ольги, из которых было устроено шоу, Светлана и Вэс решают разойтись.

Элеонора Микоян:

— Светлана не очень много рассказывала об Америке, о ее жизни там. Несла американцев на чем свет стоит, говорила, что ее муж с сыном оставили ее без денег...

Приходится констатировать, что и этот брак для Светланы кончается крахом. Мечты не сбылись, деньги потеряны, сердце разбито. Теперь уже, кажется, окончательно.

Светлана Аллилуева, «Далекая музыка»:

«…Я тихо прошла по гостиной и увидела Вэса, сидевшего в шелковом халате, босиком, спиной ко мне. Он смотрел телевизор и не шевелился, совсем как камень. Тогда я подошла ближе, коснулась его плеча рукой, и слезы полились из моих глаз.

Он встал с таким же точно лицом, как тогда, когда я увидела его в первый раз: печальным, с глубокими складками вдоль щек. Он был бледен, уставший и не мог найти слов.

— Ты должна уйти, — сказал он, боясь, что кто-нибудь увидит меня там. — Ты должна… Ты должна…»

Светлана с маленькой дочерью возвращается в Принстон, из которого уехала в поисках счастья. Девочку Светлана воспитывает сама. Рядом нет бабуси, нет домработниц и экономок. Иногда за деньги приходят посидеть равнодушные американки, занятые только своей личной жизнью. Дочь Светланы не говорит по-русски и не знает, что она внучка Сталина. Ольга растет стопроцентной американкой, а вот у Светланы былого очарования от Америки уже нет. Отношения между матерью и дочерью совсем не безоблачные.

Письмо Светланы другу из Кембриджа:

На этом фоне былые отношения с Иосифом и Катей кажутся идиллией. Кстати, Иосиф в это время разводится со своей женой, находит мать и в телефонном разговоре сообщает, что хотел бы приехать в Америку. Он еще говорит, что роднее человека для него нет в целом мире. Светлана пытается добиться разрешения от американских властей на приезд сына, но ее смущает одна деталь. Она должна дать гарантии, что сын вернется в СССР.

Светлана таких гарантий дать не может.

На этом общение с сыном вновь прерывается на годы. Катя и вовсе не хочет знать свою мать. Она — ученый-вулканолог и живет на Камчатке. В Москву никогда не приезжает, а на вопрос «почему?» всегда отвечает одинаково:

— Потому что там нет вулканов.

В десять лет и Ольга демонстрирует матери свой характер — убегает из дома. Светлана не понимает почему. Ведь для девочки она делает все: оплачивает учебу в хорошей школе, кроме этого, платит за дополнительные уроки французского и музыки — девочка играет на гитаре. К тому же Ольга посещает школу верховой езды.

Тем не менее однажды утром Светлана находит записку: «Мамочка, я ушла из дома. Встречай меня в среду у автобусной остановки. Прости меня, но я должна уйти».

Самые первые минуты Светлана мечется по улицам Принстона, звонит в полицию, а потом вдруг на нее находит ступор. Она просто сидит и ждет непонятно чего. История заканчивается счастливо: девочку привозит домой сосед-индеец.

Этот эпизод и поездка в Лондон для выступления по Би-би-си подталкивают Светлану к очередному побегу. На сей раз в Англию. Англия по сравнению с Америкой кажется ей более спокойной, домашней. Цель побега — учеба дочери, которая в Америке стала неорганизованной, недисциплинированной и эгоистичной, как все американские дети. К тому же один бывший миссионер, очень милый человек, сказал, что лучшего места, чем пансион квакеров в Англии, для учебы Ольги просто не найти. Светлана не хочет слушать друзей, которые говорят, что в Англию сейчас ехать не время, а пансион будет несчастьем для девочки. Из множества голосов Светлана выбирает один, который утверждает: «Пансион — не для всех детей, но для некоторых он — наилучшая школа жизни».

Конечно, с Ольгой Светлана не советуется.

По приезде в Англию Светлана, мечтавшая в Индии о единой религии для всех, вдруг принимает католичество. Странный на первый взгляд поступок, но очень характерный для нее. В своей жизни она неоднократно делала так, как требовала ситуация: сначала была любящей дочерью, потом практически отказалась от отца, сменила фамилию, уехала из страны, восхищалась Америкой, потом стала ругать ее.

Светлана хотела, чтобы Ольга посещала дорогую католическую школу, где учатся отпрыски лучших английских семей. Но в школе к девочке отнеслись как к человеку второго сорта, назвали ее

«полурусской». Тогда Светлана устраивает Ольгу в интернациональную школу квакеров. Ту самую, о которой говорил миссионер. Эта школа девочке нравится, но у самой Светланы дела идут неважно. Книга «Далекая музыка» выходит на английском языке только в Индии, но ожидаемых денег за нее Светлана не получает. Однако все как-то устраивается, и безжалостная к иностранцам Англия в конце концов добреет в глазах Светланы.

В 1984 году Светлана совершает очередной странный поступок. Вернее, сразу несколько поступков. Она возвращается в СССР, потом уезжает в Грузию, а потом так же неожиданно покидает Родину. Теперь уже, наверное, навсегда. Что же заставило Светлану Аллилуеву предпринять эту поездку: «тоска по детям и внукам», как говорит она сама, или все те же «материальные вопросы», которые заставляли Светлану каждый раз, наступая на собственную гордость, обращаться к своему отцу? Человеку — цитируем! — «создавшему систему кровавого террора, погубившего миллионы невинных жертв».

В 1983 году Осе Аллилуеву было тридцать восемь лет. Светлана пишет письмо сыну, в котором говорит о том, что она разочаровалась и в Америке, и в Англии, что ей хочется видеть родные лица. Ося звонит матери. Объясняет, что теперь звонить можно сколько угодно, в стране происходят изменения. К власти пришел Ю. В. Андропов. Мать и сын перезваниваются довольно часто, и даже Ольга говорит со своим старшим братом по-английски.

Светлана Аллилуева, «Книга для внучек»:

Светлана все чаще думает о возвращении в Москву.

Иосиф Аллилуев:

— Я ответил, естественно, что я эту идею поддерживаю, потому что в конце концов мне тогда казалось, что если мы все как-то объединимся, то, может быть, всем будет проще...

В это время Светлана в редких интервью каждый раз подчеркивает, что очень скучает по детям и внукам, а корреспонденту «Обсервера» говорит, что «разлука с детьми и двумя внуками непереносима». Ей нужна была Родина. Вынь да положь!

Последней каплей стал разговор с известным музыкантом Владимиром Ашкенази. Она позвонила ему, говорила что-то о том, что в Америке было хоть какое-то чувство дома, а в Англии это чувство давно потеряно.

Светлана Аллилуева, «Книга для внучек»:

Короткие гудки.

Светлана принимает решение, но не знает, как сказать об этом дочери. Зато твердо знает: дочь не поймет ее и ехать в СССР не захочет. Мать столько рассказывала ей, что это за страна... Хотя дочь, как и во время первого бегства за границу, можно будет и не брать. Дочь можно оставить, например, у сестры отца. Светлана даже посылает ей письмо с просьбой взять девочку к себе, если со Светланой случится что-то непредвиденное. Тут же пришел деловой американский ответ: тетушка Мардж просила справку о здоровье Светланы, хотела узнать, степень опасности, грозящей Светлане.

Как ни странно, но разрешение на въезд в СССР Светлана получила очень быстро — она даже не была готова к этому. Более того, советские дипломаты, почти так же, как когда-то американские, стали разрабатывать лучшие пути возвращения Светланы на Родину. Решено было ехать через третью страну, как всегда, боялись каких-то провокаций в Хитроу. Для побега была выбрана Греция. Греция подходила — Светлана давно собиралась свозить туда дочь.

Когда Ольга вернулась домой из школы на каникулы, Светлана сказала, что скоро они полетят в Грецию. Но это не все, потом они полетят в Москву.

Ольга спросила:

— Но потом я вернусь в свою школу?

— Да, — соврала мать.

Владимир Аллилуев:

— Но ей если что в голову втемяшится, то все. Вот она уехала туда... значит, уехала... а дело вот в том, что она обманула Ольгу, свою дочь... сказала, что она вернется в колледж... а она, значит, ехала с расчетом туда никогда не возвращаться...

Полет в Афины Светлана воспринимала как бегство, все смотрела, не гонятся ли за ней корреспонденты с камерами — ведь один из них позвонил же перед самым отъездом и попросил подтвердить сообщение западногерманской газеты о возвращении Аллилуевой в СССР. Светлана бросила трубку.

По дороге в аэропорт никого нигде не было замечено. А в Афинах Светлана попросила таксиста отвезти их в советское посольство. Точно так же, как когда-то индийского таксиста попросила отвезти ее в американское.

Ольга помрачнела, наверное, тогда уже все поняла. Три дня в Греции прошли незаметно, экскурсии в компании молодых советских дипломатов, современных людей, к тому же говорящих по-английски. Только в первую ночь в советском посольстве, в комнате с двумя кроватями, Ольга устраивает настоящую истерику. У Светланы только один аргумент для дочери, которую еще несколько недель назад она не хотела брать с собой:

— Ты понимаешь, что я не видела их столько лет?!

Остаток ночи обе плачут на своих койках. Плачут по разным причинам: одна — потому что обманывала, другая — потому что ее обманули.

Самолет летит через Софию.

У Светланы спрашивают, хочет ли она, чтобы сын ее встречал в аэропорту. Светлана наотрез отказывается.

Москва все ближе и ближе. Здесь, как всегда, снег и холод. Холод и какой-то паралич сковывает и Светлану, она уже не знает, зачем летит на Родину.

Светлану Аллилуеву встречают как дочь живого Сталина — отдельное здание, никого вокруг, кроме представительницы Комитета советских женщин с букетом цветов. Переводчица для дочери, ВИП-зал, шампанское. Потом лимузин, незнакомая дорога из Шереметьева, новые дома, новые районы… Наконец Ленинградка, знакомые здания...

Степан Микоян:

— Знаете, когда мы встретились со Светланой, во время ее приезда, она сказала мне: «Знаешь, возвращение в Москву — это первый мой умный поступок за все последние восемнадцать лет».

Москва, гостиница «Советская».

Здесь в фойе Светлану ждут Григорий Морозов (ее первый муж и отец Оси), Иосиф, Ося, уже совсем взрослый мужчина, располневший, выглядящий старше своих 39 лет, его жена Люда, которая Светлане не понравилась раньше, когда они еще только говорили по телефону. Сын обнимает мать, и некоторое время они стоят так, не замечая умильных выражений лиц окружающих. Все как-то нескладно, неловко, только Григорий чувствует себя в своей тарелке. Он разговаривает с Ольгой, ведет всех в номер. Светлана видит,

что Ося так и не подошел к Ольге.

Иосиф Аллилуев:

— Когда через 20 лет встречаются два человека, то это уже совершенно два других человека, причем живших в разных странах и в совершенно разных обстоятельствах...

В двухкомнатном номере «люкс» какое-то время все бестолково мечутся, не зная, что делать. Светлана и Ольга встречаются в ванной, где дочь смотрит на мать злыми глазами и говорит:

— Он только посмотрел на меня сверху вниз, потом снизу вверх и не сказал ни одного слова!

Он — это Ося.

Светлана тоже разочарована. Особенно женой Оси: какая-то полная, седеющая дама лет пятидесяти. Она хотела бы для сына другую жену.

За ужином Светлана все время держит в своей руке руку сына и думает, что даже рука Оси изменилась. Все, кроме Ольги, много пьют, чтобы хоть как-то расслабиться. Ольга ни на кого не смотрит, она уткнулась в тарелку и ковыряет вилкой винегрет.

Светлана Аллилуева, «Книга для внучек»:

Вот такими были первые часы Светланы Аллилуевой и ее дочери на Родине.

Что они будут здесь делать, Светлана никогда толком не знала. Для начала нужно было научить дочь говорить по-русски и определить ее в школу. Несколько дней подряд они ездят по школам и пытаются найти ту, которая понравится Ольге. Это оказывается не таким простым делом. Одна не нравится Светлане, другая — Ольге, а в третьей не хотят видеть внучку диктатора. Где-то в этой суете Ольга знакомится с девочкой из Австралии, которая за короткие мгновения знакомства признается, что мечтает закончить школу, стать переводчицей и уехать из Советского Союза. Ольга не без ехидства передает рассказ матери. Позже они находят решение: Ольга начинает учить русский язык на дому, в номере гостиницы. Кроме того, она постоянно смотрит телевизор, выбирает старые музыкальные советские фильмы.

Светлана занята другим — она ведет переговоры о получении советского гражданства. При этом она хочет оставаться гражданкой США. Ей объясняют, что это невозможно. Препирательства продолжаются довольно долго. В конце концов Светлана пишет заявление так, как ей диктуют. Причина одна — она должна обеспечить дочери сносное существование.

Через три дня выходит указ о принятии Светланы Аллилуевой и ее дочери Ольги Питерс в советское гражданство, еще через день у Светланы отбирают американские паспорта, ее и дочери, и торжественно возвращают их в посольство Соединенных Штатов. С этой минуты дочь и мать преследуют западные репортеры. За Светланой, как когда-то, опять ходит охранник, власти не оставляют ее без своего навязчивого внимания ни на секунду. Все идет как-то наперекосяк. Катя на своем Дальнем Востоке, она не отзывается. С Осей рядом женщина, которую Светлана не хочет видеть.

Элеонора Микоян:

— Она приехала именно в то время, когда Ося должен был защищать диссертацию. Он занимался самой противной работой, составлял библиографию. Мне позвонил Ося и сказало о том, что, мол, мать обижается, а у него просто нет времени на встречи с матерью. Именно в этот период у него не было времени, ведь Светлана приехала, когда ей было удобно...

К Ольге никто из ее вновь обретенных родственников не проявляет особого внимания, о чувствах и речи не может быть. На кладбище к старым могилам прибавились новые — бабуси и племянника, Василия. А вот брат — все еще в Казани, он в ссылке даже после смерти.

Все не так.

Светлана пишет заявление для прессы, чтобы объяснить, зачем она здесь, и ее слова перевирают. К тому же на Светлану начинают просто давить. От нее требуют принятия решений — буквально заставляют переехать жить в квартиру на Спиридоньевке, в совминовский дом, выбрать, наконец, школу для дочери и отправить ее учиться.

«Начать жить» — так это называют люди, которым доверено заботиться о Светлане и ее дочери.

Все, от чего она бежала когда-то в Америку, и все, от чего она бежала из Америки, оказалось здесь, в Москве, в ее родном городе, куда она приехала, чтобы быть рядом с детьми.

Иосиф Аллилуев:

— Отношений не получилось, не сложилось. Кто в этом виноват? Наверное... отчасти, наверное, я виноват. Думаю, оба. Характер у меня довольно похож на нее, поэтому нашла коса на камень — и вот не сложилось. Во всяком случае, когда она уехала второй раз, я испытал облегчение, потому что мы столько друг другу крови перепортили за то время, пока она была здесь, что я, думаю, для всех это было облегчением...

И тогда Светлана принимает решение: ехать дальше. Вернее, снова бежать, на сей раз в Грузию, на родину отца. Подальше от шумной Москвы, от ее всевидящего ока, от сына, который так и не остался с ней с глазу на глаз ни на секунду. Не поговорил. Подальше от иностранных корреспондентов и советских спецшкол.

Проведя немного больше месяца в Москве, Светлана с дочерью летят в Тбилиси. Поначалу в Грузии все лучше, чем в Москве, начиная с погоды и заканчивая тем, что от Светланы ничего не требуют. У Ольги сразу появляются подруги, говорящие на английском языке и мечтающие об Америке. Хорошие учителя русского и грузинского языков. У матери с дочерью прекрасная квартира, которую они обставляют на свой вкус, и персональная машина. Светлана встречается с художниками, скульпторами, музыкантами, актерами, киношниками, театроведами. Она с дочерью всюду желанные гости. Ольга уже немного говорит по-грузински, что окружающих приводит в восторг.

Однако со временем очарование Грузией начинает таять. Сначала со Светланой не так, как ей этого хотелось бы, разговаривает Первый секретарь Грузинского ЦК Эдуард Шеварнадзе, а потом ее то и дело начинают приглашать на встречи и выступления обожатели ее отца. Страна празднует 40-летие Победы, а в Грузии понятия Победа и Сталин неразделимы.

Но это полбеды, — кроме почитателей Сталина, в Грузии еще живет и много потомков тех, кого репрессировали в 30-е годы. С этими событиями имя Сталина связано не меньше. Светлана часто видит в церкви, куда они обязательно ездят каждое воскресенье, горящие ненавистью глаза. До нее доходят слухи, что многие подходят к патриарху с требованием, чтобы он не допускал дочь и внучку Сталина к службе.

В Грузии Светлана нашла себе занятие по вкусу, она пытается отыскать корни своей семьи, но власти не очень ей помогают в этом, а оставшихся в живых людей, кто знал родителей матери например, почти нет.

Они едут в Гори. Светлана показывает дочери лачугу, где родился ее дед. Там полно народу, там кипят споры, там много фотографий, которые она сама и ее родственники когда-то передали в музей. Здесь как нигде память о Сталине, о ее родном отце жива, и Светлана не знает, как ей к этому относиться.

В Грузии она наконец получает долгожданное письмо от Кати, но в нем не ласковые слова любящей дочери, а приговор.

Катя — матери:

В конце Катя ставит латинское DIXI, что дословно означает «судья сказал».

Последняя ниточка отрезана. Светлана вернулась в СССР ради детей, но детям, оказывается, это не было нужно.

Элеонора Микоян:

— Однажды я укладывала Катю спать, не помню, сколько ей было лет. Она маленькая была, и она вдруг обняла меня и сказала: «Как бы я хотела, чтобы ты была моей мамой!»

Я сказала: ну что ты! У тебя есть мама. Она тебя очень любит. В общем, как-то перевела это в шутку.

А потом, спустя какое-то время, она как-то вдруг сказала мне, уже не помню по какому поводу: «Мои родственные отношения закончились в восемь лет…»

В Грузии Светлана встречает Зиновия Гердта, мудрого и печального острослова. Несколько дней они проводят вместе, цитируют Пастернака. Они говорят о жизни, Светлана много рассказывает о своей жизни в Америке, в Англии, вспоминает Индию. Наверное, ожидает какого-то совета. И в одном из таких разговоров Зиновий Ефимович говорит:

— Вам не будет хорошо нигде.

Светлана принимает эти слова как еще один приговор.

Весной в СССР вновь меняется власть. В какой уже раз на памяти Светланы. Генеральным секретарем становится М.С. Горбачев. Страна бурлит, слово «свобода» все чаще и чаще звучит на улицах. Но свободой Светлану не удивишь, а вот то обстоятельство, что осенью Ольге необходимо идти учиться, вдруг становится решающим для Светланы в принятии решения о возвращении на Запад.

Владимир Аллилуев:

— Сразу возник вопрос, где Ольге учиться. Программы разные. За год она прекрасно стала говорить по-русски и по-грузински, по-грузински еще лучше, но учиться все равно не могла — программы разные. И стал вопрос о том, чтобы ей вернуться в ее прежний колледж.

В декабре Светлана пишет письмо Михаилу Горбачеву, с просьбой разрешить ей выезд из СССР. Ответа она не получает. Пытается навести справки, какова реакция на ее просьбу, но ей толком никто ничего не может сказать. Тогда Светлана решается на поступок, который очень соответствует ее характеру. Берет дочь за руку и идет прямо в американское посольство в Москве.

Однако в посольство ее с дочерью не пускает советская милиция, охраняющая здание. Пожалуй, это был первый неудавшийся побег в ее жизни. Светлана с дочерью возвращаются в Грузию. Но не надолго. Из Грузии Светлана звонит в Англию, в школу, где училась Ольга, и получает уверения директора, что девочка может вернуться к учебе в любое время, нужно только прислать ему письменное заявление. Затем Светлана звонит в Америку Олиному дяде, сенатору, и говорит, что ее американский паспорт просрочен и срочно нужен новый. Родственник обещал позвонить американскому консулу в Москве и все устроить.

Элеонора Микоян:

— Она все время летала в Грузию и обратно. И вот звонит мне, а я как-то... в командировке, что ли, была. В общем, не было меня в Москве, когда она приезжала. Она спрашивает: ты будешь в Москве тогда-то? Я говорю, что буду. Ну давай увидимся! Я говорю: давай, а потом я вдруг узнаю, что она уже улетела в Америку...

В череде этих событий происходит еще одно, довольно странное. Светлана должна была прилететь в Москву, но вдруг почувствовала себя плохо.

Владимир Аллилуев:

— Она вызвала врача, пришел какой-то незнакомый врач, дал ей таблетку. Светлана выпила таблетку, и у нее начались судороги. Она начала кататься по полу, у нее пошла пена изо рта и все прочее. Ее забирают в больницу. Она пролежала в больнице два дня, убежала оттуда, приехала уже не ко мне, а в гостиницу «Советская» и, придя в МИД, сказала, что хочет уехать из Союза. К нам пришла Ольга и сказала: «Господи, что же это делается, мама хотела тут остаться?»

И вот я так понял, что, памятуя о судьбе своего отца, Светлана решила, что ее просто хотели отравить. Поэтому она сказала: «Не надо мне вашего гостеприимства, я уезжаю».

На сей раз Светлану держать никто не стал. Наверное, с одной стороны, было не до нее — в стране круто менялась жизнь, а с другой, — возможно, те, кто занимался ее судьбой, просто устали. В то время из страны уезжали тысячи людей. Дочь Сталина легко могла среди них затеряться. Тем не менее Светлана написала в ЦК партии и Политбюро письмо с просьбой принять ее. Письмо прочитал Михаил Горбачев и доложил товарищам на Политбюро.

— А чего она хочет? — спросил кто-то.

Горбачев сказал, что Светлана хочет вернуться в Америку.

В Политбюро было решено Светлану не удерживать, а встретиться и поговорить с ней поручили Егору Кузьмичу Лигачеву.

На наши вопросы бывший идеолог коммунистической партии отвечал в своем кабинете в Охотном ряду. Лигачев прекрасно помнит этот приход Светланы. Он сразу поинтересовался, в чем вопрос и какая требуется помощь.

Егор Лигачев:

— Она сообщила мне, что хочет в очередной раз выехать из СССР. Я, естественно, сказал, что это дело не требует разрешения ЦК и Политбюро. Я говорю: у нас нет никакой надобности в этом, у нас сейчас порядок установлен такой, что это решают соответствующие органы, но если вы хотите знать мнение Политбюро — вы можете ехать.

Светлане это было странно, а может быть, даже обидно. Ни ее, ни ее дочь никто не собирался задерживать, увещевать, просить не то что остаться, даже подумать, стоит ли это делать.

Круг замкнулся.

Не держат там, не держат здесь. И того, что Светлана ищет, тоже нет ни там, ни здесь. Значит, дорога ради дороги, побег ради побега…

Сначала Ольга летит в Англию, а Светлана на следующий день — в Висконсин; ей уже подыскивают маленький домик возле старой, развалившейся фермы. Когда-то с Ольгой они жили там, им было хорошо. Остались формальности, такие, например, как прощальный ужин со своими двоюродными братьями.

Иосиф Аллилуев:

— Мы — семья своеобразная. Вроде бы нас много, но все как-то сидят каждый в своей раковине и вполне обходятся друг без друга. Я думаю, что хозяин этой дачи нам, наверное, этот ген оставил — он как-то без родственников обходился, и вот это никого не обижает...

Накануне отъезда из Америки звонит отец Ольги Вэс и предупреждает, что в Лондоне дочь будет встречать толпа журналистов. Почти как когда-то Светлану. Но теперь это ее не пугает. И она, и Ольга умеют общаться с прессой, тем более что все опять надо ставить с ног на голову. Или наоборот.

Самолеты разносят мать и дочь в разные страны. Ольга приковывает к себе внимание западной прессы, она все чаще и чаще говорит о своем деде. Нет, не об американском дедушке, а о Сосо Джугашвили, Сталине. Ее и фотографируют на фоне портретов Иосифа Виссарионовича. Светлана же наоборот — бежит от воспоминаний, от людей, от побегов.

В деревню, в глушь, в Висконсин...

Иосиф Аллилуев:

— По рассказам родственников, я знаю, что бабушка Надежда Сергеевна... она несколько раз от деда уезжала, в Ленинград, к родителям. Вот уехать, уехать все ей хотелось, что-то здесь было такое, давило на нее. Ну, родители ее, естественно, возвращали в Москву, и потом она уже решила вопрос радикально, просто пустив себе пулю в лоб. Катя уехала на Камчатку, подальше от Москвы, говорит: там взаимоотношения между людьми более честные. Мама уехала подальше от Москвы, в другое полушарие. И идея эта — уехать, убежать от чего-то... она как-то присутствовала...

Все это выглядит, может быть, и не очень счастливым, но концом истории жизни «кремлевской принцессы». Но на самом деле, таковым не является…

За прошедшие годы, со дня последнего отъезда из СССР, Светлана жила в приюте для пожилых людей в Англии, потом в швейцарском монастыре — дочь неудавшегося священника и «большого грешника», по словам грузинского католикоса, последние годы не оставляла попыток пробиться к Богу и успокоиться. Потом Светлана вновь жила в Лондоне, в маленькой квартирке. Она написала еще одну, четвертую книгу, где в очередной раз переосмыслила свое отношение к стране, в которой родилась, и к отцу, имя которого никогда не гарантировало ей, Светлане Сталиной, затем Светлане Аллилуевой, а теперь Лане Питерс, спокойного существования в одном Богом забытом месте.